

ДВАЖДЫ ДИССИДЕНТ

Сборник памяти Владимира Прибыловского

ДВАЖДЫ ДИССИДЕНТ

«ЗВЕЗДА»
2017
Санкт-Петербург

ББК 8457

Р 69

Благодарности за поддержку : Кириллу Зайцеву, Олегу Темяшову,
Борису Фадееву.

© Составитель — Леонид Романков, 2017
Редактор, корректор — Анатолий Копейкин
Вёрстка, макет — Александра Смирнова
Дизайн обложки — Anne Koreikin

ISBN 978-5-94214-087-8

**Сборник памяти
Владимира Прибыловского**

Автобиография

Прибыловский Владимир Валерианович

Президент информационно-исследовательского центра (ИИЦ) «Панорама», руководитель интернет-библиотеки «Антикомпромат», лидер движения «Субтропическая Россия» Владимир Прибыловский родился 6 марта 1956 в Москве, русский.

В 1973 году окончил Чистопольскую среднюю школу №1 (г. Чистополь Татарской АССР).

С осени 1973 по август 1974 работал токарем-револьверщиком на Московском карбюраторном заводе (Москарз) Московского автозавода им. Лихачева (ЗИЛ) в качестве стажера КамАЗа. С сентября 1974 по август 1975 — слесарь-заточник Учебно-производственного предприятия Всероссийского общества слепых (УПП ВОС) в г. Чистополе Татарской АССР.

В 1975 поступил на исторический факультет Московского государственного университета (МГУ), который окончил в 1981. Историк-медиевист, специалист по ранне-византийской истории. Автор статей по истории Византии конца V — начала VI веков.

В 1979-82 был близок к подпольной группе т.н. «молодых социалистов» (Борис Кагарлицкий, Павел Кудюкин, Андрей Фадин, Михаил Ривкин, Андрей Шилков и др.), разгромленной КГБ в апреле 1982 года. Размножал и распространял в университете самиздатскую продукцию группы — машинописные журналы «Левый поворот» и «Варианты».

С 1982 года публикуется в русской эмигрантской прессе — «Русская мысль», «Континент», «Синтаксис», «Страна и мир», «Посев» (до 1989 года — под инициалами «В.П.»).

С осени 1981 по 1985 работал экскурсоводом в подмосковном музее «Новый Иерусалим», затем — младшим научным сотрудником музея (1986 — декабрь 1987).

Был активистом доперестроечного движения за охрану памятников истории и культуры, в котором примыкал к клубу «Москва» (краеведческий клуб национально-либеральной ориентации, базировавшийся в Некрасовской библиотеке в Москве; руководитель клуба — Алексей Клименко). Участвовал в сборе подписей против поворота северных рек (1984-86) и других подобных петиционных кампаниях.

В результате конфликта с администрацией был вынужден уйти из музея и с конца 1987 до весны 1991 работал ночным сторожем вневедомственной охраны РУВД Киевского района на складе стройматериалов и сантехники в Филях.

В 1987-89 входил в Клуб социальных инициатив (КСИ). Осенью 1987 был постоянным участником собраний клуба «Перестройка», затем — клуба «Демократическая перестройка» (формально членом этих клубов не был). С апреля 1988 по май 1990 вместе с Вячеславом Игруновым, Сергеем Митрохиными др. редактировал газету «Хронограф». Вместе с В.Игруновым, С.Митрохиным, Григорием Пельманом, Дмитрием Леоновым стал в июне-августе 1988 одним из основателей Московского общественного Бюро информационного обмена (М-БИО). С мая 1990 по март 1991 выпускал от имени М-БИО самиздатский бюллетень «Новый Хронограф».

Принимал участие в составе делегации КСИ в конференции московских неформалов 12 июня 1988, на которой был провозглашен Московский Народный фронт (МНФ). 3 июля 1988 вышел из МНФ в составе группы т.н. «меньшинства» (6 из 18 клубов, представленных в оргкомитете МНФ).

После митинга партии ДС на Пушкинской площади 21 августа 1988 был задержан и на суде 23 августа 1988 подвергся административному взысканию (штраф в 100 рублей).

Участвовал в Учредительной конференции Социал-демократической конфедерации (СДК) 4 февраля 1989 в Ленинграде, голосовал за ее создание, однако реального участия в СДК не принимал (взносов не платил). Позже примкнул к образованной летом 1989 Социал-демократической ассоциации (СДА, в которой состоял до весны 1990).

Во время избирательной кампании на Съезд народных депутатов СССР весной 1989 писал и распространял листовки против Сергея Станкевича, участвовал в кампании за избрание Юрия Власова и в кампании против избрания Александра Руцкого.

18-21 мая 1989 участвовал в подготовке первого массового митинга в Лужниках (распространял листовки) и в самом митинге 21 мая.

На выборах местных советов весной 1990 и на дополнительных выборах в Моссовет в октябре 1990 активно участвовал в кампании против избрания Константина Затулина, писал и распространял против него листовки.

Принимал участие в защите Белого Дома России 20-22 августа 1991.

В октябре 1993 был одним из инициаторов создания оранжевого Движения «Субтропическая Россия», в марте 1994 на учредительной конференции движения избран членом ее Координационного

Совета (из трех человек) и лидером (в уставе было записано, что «лидером движения «Субтропическая Россия» является Владимир Прибыловский»).

В 1995 — кандидат в депутаты Государственной Думы от избирательного объединения Партии любителей пива (ПЛП), 1-е место в списке от региона «Большая Волга».

С апреля 1989 — член редколлегии московской независимой газеты «Панорама», с лета 1990 — один из официальных учредителей газеты.

Был корреспондентом Службы ежедневных новостей (СЕН) при М-БИО — сентябрь 1989 — май 1990.

Соучредитель Агентства новостей и информации (АНИ, с марта 1991), был редактором АНИ (март 1991 — март 1992), корреспондентом АНИ (с марта 1991 по декабрь 1992).

Автор статей об общественном движении 1980-х («Память», национал-патриоты, монархисты, Народные фронты России, социал-демократы, необольшевики и т.п.). Первый или один из первых биографов Александра Руцкого, Владимира Жириновского, Александра Лебеда, Дмитрия Васильева, Александра Баркашова, Виктора Черномырдина, Владимира Путина, Дмитрия Медведева и др.

Перевел на русский язык повесть-сказку «Animal Farm» («Зверская ферма» — <http://www.anticompromat.org/orwell/orw01.html>) Джорджа Орвелла; в 1988 году этот перевод под названием «Ферма Энимал» вышел отдельным изданием в Соединенных Штатах, в 1989 — под названием «Ферма Животных» — в советском журнале «Литературный Киргизстан», в 1991 — еще два издания в СССР. Во второй половине 1990-х написал ее продолжение — «Зверская ферма—2» (http://www.anticompromat.org/orwell/zv_ferma2.html).

С начала 1993 — президент Информационно-исследовательского центра (ИИЦ) «Панорама».

20 февраля 2003 в газете «Новые Известия» была опубликована статья Прибыловского «...Плюс путинизация всей страны» (о создании культа личности президента — <http://www.anticompromat.org/putin/putnoslavie.html>). В этот же день владелец газеты Олег Митволь отстранил от ее руководства главного редактора Игоря Голембиовского и приостановил выпуск газеты. По мнению ряда СМИ (а также Бориса Березовского), одной из причин для таких действий была публикация статьи Прибыловского.

В октябре 2005, когда Дмитрий Медведев занимал пост руководителя администрации президента, опубликовал в сетевом издании

«Полит.ру» статью «Происхождение путинской олигархии», в которой, в частности, утверждалось: Медведев Дмитрий Анатольевич. [...] Наиболее вероятный преемник Путина на посту президента в 2008 году (если правящая коалиция олигархических группировок остановится на варианте «Конституция не меняется» с подвариантом «Медведев — зиц-президент, Путин — правящий премьер-министр» — <http://www.polit.ru/analytics/2005/10/27/olig.html>; более полная редакция статьи — <http://anticompromat.org/oligarhi/ppo.html>)

С ноября 2005 — руководитель справочно-аналитического и библиографического сайта «Публичная интернет-библиотека Владимира Прибыловского «Антикомпромат» (<http://www.anticompromat.org/>).

В мае 2007 вошел в инициативную группу по выдвижению Владимира Буковского на пост президента РФ.

31 мая 2007 сотрудники Московской прокуратуры провели обыск в квартире Прибыловского в связи с расследованием уголовного дела об утечке информации из правоохранительных органов. 14 февраля 2007 г. прокуратура Москвы возбудила дело по ч. 1 ст. 283 УК РФ (разглашение сведений, составляющих государственную тайну, лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе, если эти сведения стали достоянием других лиц, при отсутствии признаков государственной измены). Речь шла о публикации Прибыловским на его интернет-сайте «Антикомпромат» текста допроса члена СФ и предпринимателя Владимира Слуцкера в качестве свидетеля по делу об убийстве в апреле 2005 бывшего замначальника следственного управления КГБ СССР, а позже начальника Московского УФСБ Анатолия Трофимова и его жены Татьяны Копытцевой.

За 4 часа обыска были изъяты два персональных компьютера и около десятка дискет и CD-дисков с информацией. В числе прочего были изъяты электронные черновики книги Прибыловского «Соратники Путина» и заготовки к книге «Операция «Наследник» (новое название — «Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина»), которую он писал в соавторстве с Юрием Фельштинским.

Официально следствие пыталось установить источник утечки информации, а Прибыловский проходил по делу как свидетель. Ранее (в феврале 2007) он вызывался в прокуратуру для объяснений. Прибыловский источник информации не раскрыл, но публикацию с сайта снял.

Прибыловский высказывал предположение, что активизация следствия по этому делу была связана либо с его участием в инициативной

группе по выдвижению Буковского, либо была вызвана желанием ФСБ познакомиться с содержанием готовившейся к печати его и Фельштинского книги о Путине.

После того как Владимир Путин в сентябре 2007 внес кандидатуру Виктора Зубкова на должность председателя правительства, выяснилось, что еще в феврале 2007 Прибыловский (единственный из всех политологов) сумел предсказать появление Зубкова в шорт-листе преемников Путина: «Зубков — человек, довольно близкий к Путину. В этой связи, кстати, существует туманная версия, которая может отчасти подтверждаться неожиданным повышением Сердюкова (зять Зубкова, назначен в феврале 2007 г. министром обороны РФ): к примеру, Зубков — один из рассматриваемых кандидатов на место «настоящего» преемника». (Дело, 17 февраля 2007). Более того, даже в те несколько часов, что прошли между отставкой Фрадкова и назначением Зубкова, всевозможные эксперты называли кого угодно, только не Зубкова.

В феврале 2009 в издательстве «Encounter Books» (Нью-Йорк) был опубликован полный английский перевод монографии Прибыловского и Юрия Фельштинского «Корпорация. Россия и КГБ при Путине» — *The Corporation: Russia and the KGB in the Age of President Putin* (537 стр). Ранее, в 2008 году эта книга вышла на английском, голландском, португальском и польском языках в различных сокращенных редакциях (<http://www.anticompromat.org/pribyl/corp1-5.html>).

В январе 2010 стало известно, что уголовное преследование Прибыловского за якобы разглашение данных предварительного следствия было прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления. Как сообщалось, Прибыловский узнал об этом спустя 7 месяцев. Соответствующее постановление, датированное 29 мая 2009, получила от следователя по факсу представитель Прибыловского адвокат Ирина Хрунова. (Газета.ру, 20 января 2010).

В марте 2010 подписал обращение российской оппозиции «Путин должен уйти».

В сентябре 2010 в издательстве «ТЕРРА — Книжный клуб» вышло русское издание книги В.Прибыловского и Ю.Фельштинского «Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина» (568 стр.).

20-22 октября 2012 были проведены выборы в Координационный совет российской оппозиции. 30 человек избиралось по общегосударственному списку, по 5 по спискам левых сил, националистов

и либеральных сил. Прибыловский занял 154 место в общегражданском списке и в КС не вошёл.

В мае 2013 в адрес «Панорамы» поступило представление московской прокуратуры, которая посчитала, что она занимается «анализом и освещением политических процессов на территории РФ» и «формированием мнения о данных процессах». В том числе распространяет информацию, направленную на «пропаганду несовершенства действующего законодательства», используя на это иностранные деньги (за 2012, по данным прокуратуры, «Панораме» было перечислено 2,7 млн руб., в том числе 1,74 млн от американского National Endowment for Democracy).

В соответствии с новой редакцией закона о НКО прокуратура посчитала деятельность организации «участием в политической деятельности» и предписала «Панораме» зарегистрироваться в качестве НКО, выполняющей функции иностранного агента. «Мы действительно занимаемся политическими исследованиями, но не занимаемся политикой», — заявил Прибыловский, назвав попадание в перечень иностранных агентов наряду с правозащитными организациями «почетным». (Коммерсант, 13 мая 2013)

Автор «путинской триады» — «Путинославие, чекадержавие, горнолыжность» (перефразированная «уваровская триада» «Православие, самодержавие, народность»).

Воинское звание — старший лейтенант запаса.

Хобби и увлечения: археологические экспедиции, красное сухое вино, светлое пиво, девушки до 20-ти, острая кухня (мексиканская, тайская, грузинская, венгерская, корейская), русская и финская баня. Любит песни бардов и рок-бардов (Окуджава, Галич, Высоцкий, Башлачев, Б.Г., Шевчук); «фэнтези» (Толкин, Желязны, Е.Лукин, С. и М.Дяченки, С.Лукьяненко, Л.Каганов). С августа 1979 года — постоянный участник (каждое лето) Донской археологической экспедиции в Ростовской области (хутор Недвиговка Мясниковского района).

Дважды разведен. Дочь Светлана Прибыловская-Гарса от первого брака (10.08.1984) и падчерица Либертад Перес Гарса (сентябрь 1974) живут в Мексике, сыновья Арсений (05.08.1988) и Михаил (20.01.1992) живут в Москве.

Одна из последних фотографий. Донская экспедиция.
Предоставлена Борисом Фадеевым.

Володя ушёл из жизни 11 января 2016 года

**Первые отклики
на смерть Володи**

Валерия Маркова:

В возрасте 59 лет в Москве скончался Владимир Прибыловский — историк, публицист, оппозиционер. Тело Прибыловского обнаружили его близкие, вскрыв дверь его квартиры. Мы выяснили обстоятельства гибели Владимира и поговорили с его коллегами об отношении власти к оппозиционному журналисту.

(<http://www.mk.ru/social/2016/01/13/blizkie-rasskazali-o-smerti-vladimira-pribylovskogo-telo-lezhalo-na-kukhne.html>)

Милана Богданова, бывшая жена Владимира Прибыловского:

— Мы больше 20 лет в разводе, но к Володе у меня не было никаких претензий, он очень хороший человек. Был невероятно образован, на любую тему мог говорить часами. Когда я на журфаке экзамены сдавала, то можно было книжки не открывать, он их все пересказывал с именами героев, с сюжетами. Редкий человек, таких почти нет. В последнее время Володя серьезно болел диабетом. Его просто нашли его на кухне, на полу. На столе стояла чашка с недопитым кофе. Три дня не отвечал на телефон, мы беспокоились, потому что знали, что он не очень хорошо себя чувствовал. Сын хотел приехать, его в больницу положить. Нужно было следить за сахаром, принимать таблетки, делать уколы, уколов он боялся. Там точно нет никакого криминала, хотя он долгое время боролся, был в оппозиции к власти, постоянно ее критиковал...

Сергей Митрохин, экс-председатель партии «Яблоко»:

Я знал Володю почти 30 лет, мы с ним познакомились в 1987 году, вместе занимались выпуском первой самиздатской газеты в стране — «Хронограф».

Я знал его как очень тонкого аналитика, он был человеком, очень чутко реагирующим на фальшь и ложь.

Володя издавал в 1980-х годах политические информационные справочники, которые были настольными книгами для многих, в том числе для меня и товарищей по «Яблоку», у него были энциклопедические знания в области современной политики.

Он внес огромный вклад в борьбу с националистами в России — не просто гневно обсуждал их, а еще с конца 1980-х, когда они только появились, изучал их как ученый и аналитик, показывал их изнутри. Его работы сыграли большую роль в формировании моей позиции и позиции партии «Яблоко» по вопросу национализма...

Мы постоянно находились в контакте, последний раз переписывались в канун Нового года...

Насколько мне известно, у Володи были проблемы с сахарным диабетом, у меня такая информация была от его родственников... У него остались мать — живет в Татарстане и сын, он и обнаружил тело Володи. Только сейчас с его сыном разговаривал.

Власть Прибыловского никогда не любила. Отношение к нему нынешней власти не выражалось в каких-то преследованиях, для таких людей в России теперь просто нет источников существования. В последнее время мы ему помогали, нашли работу в нашей партии. Возможно, он начал бы лечение раньше, если бы не испытывал подобных материальных проблем.

Григорий Белонучкин,
сотрудник информационно-экспертного центра «Панорама»:

Последние пару лет Владимир работал в «Панораме», но связывались мы в основном по email или по телефону. Режим дня у каждого свой, и когда человек сутки не отвечает на телефонные звонки, мы просто не беспокоимся, когда двое суток — это другое дело. Приехал его сын, дверь оказалась запертой изнутри, они вызвали слесарей из домоуправления, вскрыли дверь и увидели Владимира мертвым, без признаков насильственной смерти.

Чем мы занимались: центр «Панорама» издает пару книжек в год, информационное агентство у нас есть. Владимир этим руководил, кроме того, у него был личный проект антрикомпромат.орг.

Он напоминал компромат.ру, это была своего рода пародия на него, но там девиз был: «Так и не так», позаимствованный у какого-то римского сенатора. Это биографический сайт, и когда там были какие-то противоречивые вещи — приводились аргументы и за и против.

Сейчас сайт недоступен, почему — мы не знаем. Он раньше разными сетями включался в чёрный список, но последнее судебное решение было год назад. Сейчас его не видно даже через анонимайзеры, мы будем выяснять, в чем там дело. Если бы сайт был недоступен неделю назад, Володя бы мне позвонил и попросил бы разобраться, видимо, это произошло в последние несколько дней.

В последнее время Владимир писал в Фейсбуке, писал книжки, в том числе вместе с Юрием Фельштинским (историк, проживает в США, в прошлом — советник Березовского, автор книг

«ФСБ взрывает Россию» и «Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина», последняя — в соавторстве с Прибыловским — «МК»). Он был весьма неуютен для власти. В частности, потому, что одним из основных источников информации о ранних годах Путина, которая распространялась в последнее время, был его сайт, на котором было много документальных материалов. Владимир тяжело болел, очень плохо выглядел, у него диабет. А жил он один, потому что никого в Москве, кроме сына у него нет.

Возможно, с ним что-то такое произошло. Но это, конечно, должны сказать врачи, потому что когда вскрыли квартиру, сразу вызвали врачей.

Юрий Фельштинский:

— По вашему мнению, насколько смерть Владимира Прибыловского кажется вам, может быть, странной, подозрительной?

Юрий Фельштинский: Во-первых, Прибыловский был достаточно известным в Москве человеком. Известен был он совсем не только как соавтор нашей книжки. А тем, что он был потрясающим политологом, историком, ученым, собирающим базу данных. Его база данных — это абсолютное сокровище, которым пользовались все. Его смерть — это огромная потеря для научного мира, занимающегося изучением современной России. Поэтому сообщения о том, что Прибыловский умер, заполонили российскую прессу.

Что касается обстоятельств смерти, к сожалению, мы, наверное, никаких подробностей на эту тему не узнаем. Будет официальное медицинское заключение. В нем будет дана вполне правдиво выглядящая медицинская причина смерти Владимира. Наша проблема с вами в том, что мы настолько не доверяем нынешнему российскому руководству и настолько часто сталкиваемся с убийствами, что каждый раз, когда умирает такого рода человек — оппозиционер, не старый, нас это наводит на грустную мысль о том, что его могли убить. Мы сталкивались уже с очевидными убийствами: например, Литвиненко в Лондоне, Политковской в Москве, Немцова — прямо у Кремлевской стены, и со смертями менее очевидными, которые до сих пор являются загадкой и на которые, может быть, мы никогда не найдем ответа. Например, смерть Бориса Березовского в Лондоне, смерть бизнесмена Перепеличного в Лондоне, которая сначала была объявлена естественной смертью, а теперь понятно, что его отравили, недавний случай с известным журналистом Владимиром Кара-Мурзой, который чуть не умер.

Я могу перечислять конкретных людей, которые либо были открыто убиты, либо про которых можно подозревать, что их убили российские спецслужбы. Случай с Прибыловским, к сожалению, ложится в этот ряд очень подозрительных смертей. Но повторяю — главная наша проблема в том, что даже если предположить, что нам скажут правду, мы все равно в это, наверное, не поверим, потому что мы слишком не доверяем кремлевскому руководству. И останется какой-то процент людей, который будет считать, что официальное сообщение причины смерти Прибыловского является ложью.

Валерий Соловей:

Скончался мой друг и коллега, Владимир Прибыловский.

«Мы оба окончили исторический факультет МГУ, а на рубеже 1980-х и 90-х годов подружились. Володя по своему психотипу был вольтерьянцем и исследователем. К любой власти, любым институтам и авторитетам относился скептически. Любил изучать и расследовать, многожды вытаскивал на свет божий то, что политики хотели бы скрыть. Издал десятки книг. Несколько раз вступал в клинч с охранкой — в советские и в постсоветские времена».

(<http://ru.espreso.tv/article/2016/01/14/>)

chto_ubylo_oblychytelya_putyna_vladymyra_prybylovskogo)

Iskander Arbatsky:

ЧЕЛОВЕК СМЕРТЕН ВНЕЗАПНО. И не только, когда идет по ночному мосту. Ушел из жизни Владимир Прибыловский. Два дня не отвечал на звонки, а вчера сын нашел его дома без признаков жизни. Володя был педантичным скрупулезным исследователем язв путинского режима и его падения в бездну преисподней. Я знал Володю со времени публикации его знаменитой статьи «Плюс путинизация всей страны» (2002), вышедшей на полутора полосах формата А3 в старых «Новых Известиях» Голембиовского, после чего парнишка, которого оставил «на хозяйстве» Boris Berezovsky, закрыл газету (как говорят, по отмашке Кремля), получив после этого хлебную должность в госструктурах.

Володя всегда был прост в общении, обладал искрометным, поистине чеховским чувством юмора. Его наблюдения над кремлёвскими инфузориями были сродни чеховским наблюдениям над жизнью насекомых. «Антикомпромат» Владимира Прибыловского, его книги и каталоги последних двух десятилетий стали подлинной

энциклопедией русской жизни. Мало кто знал о нем как об историке, исследователе византийской культуры (Володя рассказывал мне о своем участии в археологических причерноморских раскопках 1980х годов). Очень хорошие теплые слова сказала сегодня о Володе Наталья Холмогорова.

P.S. Володе — Царствие Небесное!

Илана Сазонова:

Я познакомилась с Володей в 1989 году. В Москве в один из моих наездов из Челябинска (я работала тогда собкором в информационном агентстве « Ежедневная гласность».) Мне тогда представили его как редактора « Панорамы». Но снова мы с ним познакомились три года назад, и я с трудом узнала в этом матером мужчине того молодого журналиста-антисоветчика.

Вова очень любил мексиканскую кухню, поэтому, приглашая его в очередной раз к себе домой на званый обед , я всегда наизнанку выворачивалась, но готовила блюда очень жгучие. В последний раз я делала курицу кари и тушеную чечевицу. Ел он с удовольствием вприкуску со свежим стручком перца чили. И всегда рассказывал о своей первой жене-мексиканке, которая приохотила его к этим блюдам. Очень любил свою первую жену. Из-за брака на иностранке ему наша коммунистическая власть не дала защитить кандидатский минимум. И он тогда возненавидел совок.

И еще Володя был очень честным человеком. Как историк хранил в голове даты и события. Я поражалась его памяти. Перед Новым годом позвонила ему, хотела поздравить, но разговора не получилось. Он ехал в автобусе и сказал, что плохо слышит меня. А смс-ки так и научился писать, хотя я ему терпеливо объясняла. Не дружил он с нововведениями. Как же жалко! Земля тебе пухом, Володя!

(<http://www.svoboda.org/content/article/27485260.html>)

Danila Galperovich:

Умер мой друг и один из великих людей России — Володя Прибыловский. Один из самых скрупулезных исследователей российской политической жизни, автор книги «Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина» — незаслуженно пропущенного серьезнейшего описания природы нынешней российской власти, человек, который первым изобличил так называемого «Хакера Хелла», умный, добрый и щедрый. Вечная память, земля пухом, прощай, дорогой.

Александр Морозов:

Володя Прибыловский умер. Боже, как жалко! Просто слов нет. Это — без преувеличения — человек-эпоха в современной политической истории. Я был знаком с ним с 1988 года, еще несколько дней назад мы переписывались...

Михаил Соколов:

Умер наш друг и коллега Володя Прибыловский: создатель «Панорамы» и «Антикомпромата», массы прекрасных справочников, соавтор Юрия Фельштинского по очень важной книге «Корпорация: Россия и КГБ во времена президента Путина» («запрещенка»). Настоящий историк печальной российской современности. Обидно, что его последние работы цензурировал выродившийся «Ъ-Власть»: нельзя было читателям знать, что депутат, «доктор наук» Махачев сидел по 3-м статьям, включая изнасилование. За ненужностью таких фактов Володю уволили. Володя Прибыловский был очень хороший человек. Веселый. Не зря он придумал проект «Субтропическая Россия» и баллотировался в Думу от Партии любителей пива. Вечная память!

О Владимире Прибыловском говорит политолог, профессор Европейского университета Санкт-Петербурга Владимир Гельман:

— Прибыловский был по сути основателем историографии современной России. Он был первым человеком в нашей стране, который еще в перестроечные годы начал систематизировать и анализировать богатый материал о формировавшейся тогда политической жизни страны, о новых политических партиях, выборах, лидерах. Первая книга, которая была написана о первых выборах 1989 года, была сделана Центром «Панорама», который возглавлял Прибыловский. Он продолжал эту работу на протяжении многих лет, работал в жанре хроникера или хронографа, как он сам это называл. Это, на самом деле, нелегкая миссия, потому что всегда есть соблазн встать на чью-то сторону в тех или иных политических дискуссиях. Володе, как историку по образованию, были присущи интеллектуальная честность и дотошность.

— *Что вас связывало по работе?*

— Я с ним общался в начале 1990-х годов, тогда «Панорама» создавала базу данных с биографиями российских политиков, не только

общенациональных, но и в регионах, и Прибыловский мне заказал несколько биографических справок о петербургских политиках. Я посмотрел этот список и сказал, что он неполный, потому что есть еще несколько значимых людей в городской администрации. В частности, был такой заместитель мэра — Владимир Путин, и я написал про него биографическую справку для базы данных «Панорамы». С подачи Прибыловского я стал, можно сказать, первым биографом Путина. Володя был очень живым человеком, любил рассказывать всякие байки, анекдоты, истории. В последние годы, насколько я знаю, у него дела шли все хуже и сложнее, были проблемы со здоровьем. Он прожил всего 59 лет, это очень немного, но, думаю, свой след в изучении современной истории России и современной политической историографии он, конечно, оставил.

**О Владимире Прибыловском вспоминает
директор аналитического центра СОВА
Александр Верховский:**

— Я с Володей знаком с 1988 года, и в 1989 году мы совместно (и еще куча народу) основывали центр «Панорама», который он и возглавлял до самой своей смерти. Я проработал с ним почти 14 лет, и это, конечно, существенным образом на меня повлияло. Я пришел в эту деятельность со стороны, я был программистом, а Володя — историк. Он многих, и меня в том числе, обучал разным полезным вещам в профессиональной деятельности. Именно он меня ввел в сферу, которой занимался сам и которой я занимаюсь сейчас, — изучение националистических организаций. Это случилось 20 лет назад, и я ему благодарен.

— *Какие из его исследований современной России и российской политики имеют наибольшую ценность?*

— Безусловно, Володя сделал себе имя как исследователь русского национализма. В 1990-е годы и в начале 2000-х ему не было равных на этом поле. С тех пор он занимался многими другими вещами, он написал вместе с Фельштинским книгу про Путина и КГБ. Сейчас она, наверное, никому ничего нового не скажет, но когда она писалась, там было много нового и интересного.

— *А каким он был человеком? Прибыловский намеревался превратить Россию в субтропическую страну, со средней температурой в году плюс 20 градусов.*

— Забавным он был человеком. У нас в «Панораме» собрались разные люди — было то веселье, то конфликты. Володя был очень интересный человек. Как раз ему, в частности, принадлежит прекрасное изобретение — движение «Субтропическая Россия». У меня был партбилет номер 4. Это было движение за то, чтобы превратить Россию в субтропическую страну, со средней температурой в году плюс 20 градусов. Я считаю, что это очень достойная цель. Видимо, мы не очень серьезно отнеслись к этой задаче, так и не добились регистрации для участия в выборах. Я помню, нас отказались зарегистрировать как общественное движение, сославшись на то, что «достижение целей этого движения приведет к страшным катастрофам и нарушит право российских граждан на жизнь». Очень серьезная бумага была из Минюста. В общем, жалко Володю, конечно... Мы с ним как-то мало общались в последнее время, но надеялись еще посотрудничать в будущем... Теперь не выйдет...

Володя у забора недалеко от дома, где снимала квартиру
Катя Кривошей.

Фото: Екатерина Кривошей.

С дочерью Надин
Кеворковой на руках.
Снимок предоставлен
Е. Кривошей.

В.Прибыловский
и А.Копейкин на военных
сборах во время учёбы
в МГУ. 1979.

Лаура Гарса Буэно
с дочерью Светланой.
Снимок предоставлен
Е. Кривошей.

С Евгением Миньковым
в Донской экспедиции.
Снимок предоставлен
Е. Кривошей.

Володя с Лаурой в Донской экспедиции МГУ.

Володя о себе, в интервью Алексею Пятковскому

**Инакомыслящая жизнь
в эпоху заката развитого
социализма**

(Москва, 1970—1980-е)

Мои университеты

— Когда и как ты впервые столкнулся с Самиздатом?

— Я думаю, что впервые самиздатские тексты я увидел, когда жил в университетском общежитии, поступая в университет. А делал я это три года подряд, поскольку поступил только с третьего захода...

— Не забывая называть годы.

— Я поступил в 1975-м и, значит, это были 73-й, 74-й и 75-й годы. У абитуриентов и студентов, с которыми мы общались в общежитии при поступлении, бывали машинописные сборники Бродского, Галича, Высоцкого, Цветаевой («Лебединый стан»), Ахматовой, а также перепечатки братьев Стругацких (запрещённые вещи, изъятые из библиотек — типа «Сказки о Тройке»). Так что моё знакомство с Самиздатом начиналось в основном со стихов. Видел я и перепечатанный на машинке «Один день Ивана Денисовича», который я, впрочем, уже читал раньше в старенькой «Роман-газете».

Одной из самых первых больших как бы самиздатских книг, которые я читал (правда, это было уже в студенческое время, на втором, скорее всего, курсе) стала машинописная копия «Мастера и Маргариты», в которую были сделаны вставки мест, выкинутых цензурой при публикации его в журнале «Москва». Уже не помню точно, были это вклейки, или же соответствующие места были выделены другим шрифтом. Скорее вклейки. Не знаю я и откуда были взяты эти фрагменты (или вся книга), но, видимо, это была перепечатка какого-то западного издания (возможно, посековского), в котором выкинутые советской цензурой места были как-то выделены. Так что «Мастера и Маргариту» я впервые прочитал именно в таком виде. И даже помню, кто мне его дал — моя однокурсница Надя Кеворкова, нынешняя журналистка газеты «Газета».

На первом курсе у нас в общежитии был популярен ещё такой совершенно не политический Самиздат — фотокопии комиксов, рисованных студентом Жорой Литичевским по кличке Маэстро. Маэстро учился на курс старше нас и жил в той же пятиэтажке общежития ФДС на Ломоносовском проспекте. (Позже студентов истфака переселили в «Крест» на проспекте Вернадского). Ныне Георгий Литичевский —

известный художник: выставляется в галерее Марата Гельмана, и комиксами, говорят, по-прежнему славится.

Я однажды полистал даже оригинал журнала (или папки — точно не помню) комиксов Литичевского. А вот кто мне оригинал тогдашних комиксов Литичевского давал в руки — не помню. Кто-то из моих однокурсников с кафедры истории искусств — может быть, Витя Мизиано, а может быть, Толик Копейкин (хотя зоил Копейкин, помнится, к творчеству Литичевского относился тогда скептически).

Между прочим, в Жориной комнате с фреской, знаменитой среди студентов ещё больше, чем его комиксы (на самом деле это была не фреска, а живопись маслом по известковой побелке) вместе с автором беззаконной фрески жил также Андрей Логинов по кличке Киса, много лет спустя — видный сотрудник администрации президента (и Ельцина, и Путина; на сегодня же — представитель правительства в Государственной Думе).

Позже мне какое-то время встречался в основном Тамиздат. В университете в мою компанию в общежитии эпизодически попадал, например, журнал «Континент» — через нашего однокурсника Лёшу Собченко (теперь — гражданин США, атташе американского посольства, переводчик американского посла в Москве А. Вершбоу, — АП). К концу учёбы в университете мои связи расширились, и уже через меня пошёл в университетскую общагу относительно большой поток Тамиздата. При этом некоторые вещи, которые нам нравились, мы сами перепечатывали на машинке.

— Теперь расскажи о том, каким образом ты сам стал причастен к обороту Самиздата.

— Всё, что попадало мне в руки, прочитывалось не только мной одним, а сразу несколькими людьми. Прочитанное передавалось по цепочке и ходило по кругу — это касалось и тамиздатских книжек, и самиздатских сборников, которые вплоть до 3-го или 4-го курса для нас являлись в основном изданиями стихов — поэтов типа Бродского или Галича. Или Высоцкого, поскольку Высоцкого тоже ведь легального не было. Кстати, то, что тогда называлось «Высоцкий», являлось машинописными сборниками песен на пятьсот-шестьсот, из которых Высоцкому на самом деле принадлежали хорошо если две трети, а остальное составляло всё что угодно — приписываемые Высоцкому песни Галича, Окуджавы, Клячкина. Весь магнитиздат,

особенно технически некачественный или исполняемый хриплым голосом, обычно проходил как «Высоцкий» и поэтому распечатывался под его фамилией. Я помню один такой гигантский машинописный сборник, читая который, я точно знал, что «Пилигримы» — это не Высоцкий, а Бродский в исполнении Клячкина, что «Товарищ Парамонова» — это Галич, что «За что вы...» какого там «...Морозова»? «...Сашку»? («Ведь он ни в чём не виноват.»)

— «Ваньку».

— «Ваньку», да. Я точно знал, что это — не Высоцкий, а Окуджава. Всё это читалось в моём окружении и, бывало, размножалось, особенно стихи. А еще был и такой Самиздат — эротический: «Ветки персика» (английская выжимка из Камасутры, кем-то переведенная на русский) все, по-моему, себе перепечатали еще на первом курсе. Я сам тоже перепечатывал то, что нравилось, поскольку у меня была машинка.

— *Машинка находилась у тебя прямо в общежитии?*

— Да. Я регулярно брал её напрокат, продлевая аренду месяцами. Это была машинка «Москва» — тяжёлая, которую нужно было очень сильно бить по клавишам. Я её потом утопил в Москве-реке. Это случилось после того, как перепечатанный именно на ней журнал Кагарлицкого «Левый поворот» (или, не помню, может быть, журнал «Варианты», который делали Кудюкин, Фадин, Ривкин и Чернецкий) попал, по моим предположениям, в руки ГБ. У меня были преувеличенные представления о профессионализме чекистов и их служебном рвении, и я подозревал, что они могут сличить перепечатки, сделанные на моей машинке, с самой машинкой даже в том случае, если я её верну в бюро проката. Поэтому я её просто утопил в Москве-реке — сбросил с моста.

— *Уточни, когда это было.*

Машинку я утопил в 82-м году, когда взяли молодых социалистов. Скорее всего, это случилось в апреле. Так как Кудюкина, Кагарлицкого и Ривкина взяли, то я мог предположить, что у кого-то из них находятся мои тексты или перепечатки, и что будет устанавливаться

их источник. (Тем более, что не было в мире двух одинаковых машинок «Москва»: у одной буква «У» выскакивала выше потолка, у другой буква «Й» упала в подпол).

Но ничего этого не делалось. Гебисты, вообще, привыкли работать по-другому: они любят общаться с людьми, а не с бумагами. И Ривкин со Шилковым были осуждены именно на основании показаний других арестованных и свидетелей, а не на основании технических экспертиз. (Во всяком случае, формальным основанием послужили показания, а основу Контора знала, видимо, от агентов и по результатам слежки).

Я этого — что гебисты предпочитают работать с людьми, а не с бумагами и техникой — тогда не знал, поэтому на этом деле потерял машинку. Я, естественно, оплатил её стоимость (рублей сто; но, может быть, я расплачивался с учётом её износа — тогда рублей шестьдесят или тридцать). Поскольку я её брал в аренду несколько лет подряд, то за это время оплатил её стоимость несколько раз. А потом заплатил ещё и за то, что её утопил.

— Я правильно помню, что особенностью «Москвы» являлось наличие жёсткого футляра, выполненного в виде пристёгивающейся крышки и позволяющего переносить её, в отличие от других моделей, в качестве своеобразного чемодана?

— Да. Да. С ручкой. Вот так я её и таскал. Когда я её топил, у меня даже возникла мысль: «А может, крышку-коробку от неё себе оставить?» А потом подумал: «Ну что я буду класть в эту коробку? Она ведь такая несимметричная». И утопил вместе с коробкой.

— Поскольку социалистов арестовали в начале апреля, то я стал представлять себе, как ты, прежде чем утопить машинку, прорубил во льду прорубь...

— Не, не, не. В том апреле Москва-река ото льда уже освободилась. Да я точно и не помню: может быть, я это, вообще, уже в мае сделал. Это вполне могло быть в начале мая. Я ещё после их ареста опасался, что изъятые у них машинописные материалы гебисты могут сличить, например, с моими машинописными текстами, сданными на кафедру истории средних веков — например, с моей дипломной работой. И я попросил Игоря Филиппова...

— Это тогдашний муж Кати Филипповой (вице-президента ИИЦ «Панорама», тоже учившейся в начале 1980-х годов в МГУ, — АП)?

— Нет. Историк-медиевист Игорь Святославович Филиппов сейчас — преподаватель кафедры средних веков истфака МГУ. Он некоторое время был директором Ленинской библиотеки. А за год до ареста социалистов, при защите мною дипломной работы, Игорь являлся моим официальным оппонентом.

...Я попросил его изъять мою дипломную работу с кафедры на время. Он выговорил мне всё, что думает по поводу того, что я связался с такими людьми, как социалисты-еврокоммунисты (он-то мне первым и пересказал слух, что они все покололись на допросах), но просьбу мою выполнил, и я даже собирался перепечатать диплом на другой машинке, но потом передумал — вижу, что меня вроде не тягают, и вернул дипломную работу на кафедру в прежнем виде.

Да, насчет «покололись» и «всех заложили» — я, так сказать, живое свидетельство, что не все и не всех. То есть, они, конечно, дали показания на себя и отчасти друг на друга, что противоречит диссидентской этике. И их клеймят за это. (Ну а моя позиция примерно та же, что высказал Ярослав Леонтьев на этом же сайте). Но еще не попавшихся людей они старались не впутывать. Я, конечно, был тот самый «неуловимый Джо», который по той причине неуловимый, что никому на хрен не нужен. Но, тем не менее, о том, что я имел отношение к группе, знали и Кудюкин, и Фадин, и Кагарлицкий (Борис, правда, мою фамилию тогда, вроде, не знал). Никто из них меня на следствии не назвал. Если б кто назвал, со мной были бы совсем другие разговоры в ГБ. Ну а больше всех про меня знал — тоже без фамилии, правда — Миша Ривкин, который вел себя на допросах вообще героически. Ну и Собченко, конечно, который, когда испугался насчет того, что может не выдержать давления, скрылся от следствия на несколько месяцев.

...Где-то в 1979-м или 1980-м году, когда я находился в академке, я работал дежурным (в быту это называлось — «комендантом») в общежитии в высотке [МГУ], точнее, в одной из малых зон (то есть в одной из пристроек к высотке) — на этаже, где жили преимущественно иностранные студенты и аспиранты. (Там я, кстати, познакомился со своей будущей женой-мексиканкой). Одним из моих сменщиков по этажу был Серёжа Лёзов, ныне известный ученый и преподаватель РГГУ, а тогда — студент или уже выпускник филологического

факультета. Он был, по-моему, с того курса, с которого вышел, например, Макс Соколов. С Серёжей мы на работе, может быть, и не сталкивались (поскольку у нас были разные смены), но зато мы с ним ходили в гости в один и тот же блок, в котором жили наши девушки — мексиканки Лаура и Бернарда. Через наших девушек мы и познакомились.

Через некоторое время мы начали обмениваться Сам- и Тамиздатом. При этом я ему давал социалистический Самиздат, который он разругивал, а он мне таскал Авторханова и Солженицына. (Через Лёзова я прочёл почти всего Солженицына). Поскольку Лёзов был связан с кругом людей, близких к Александру Менью, то таскал мне также религиозную и религиозно-философскую литературу — Бердяева, отца Сергия Булгакова. И хотя некоторые вещи Бердяева мне нравились, но в целом это было не моё. Честно говоря, вся эта белибердяевщина меня интересовала меньше, хотя я читал и её, — потому что я читал всё, что запрещено. Например, я прочитал (через силу) толстенный и скучнейший «Пушкинский дом» Андрея Битова. Но всё-таки прочитал, потому что — запрещено. Я давал всё это читать другим, и круг таких людей очень быстро расширился.

Поскольку давались мне эти книги на достаточно долгий срок, и они у меня зависали, то я обычно искал способы их размножить. (Когда читают, то обычно и размножают. То есть, кто-то только читает, а у кого-то сразу возникает желание скопировать для себя или даже размножить). В частности, в размножении оказались задействованы Лёшка Расторгуев (сейчас — преподаватель кафедры искусствоведения МГУ) и наш с ним общий приятель Костя Акинша (который был на пару курсов младше), впоследствии прославившийся тем, что заложил советское государство, обнародовав информацию о том, что оно тайно хранит краденные в Германии культурные ценности. Технически размножение одно время обеспечивал Акинша — через своих многочисленнейших знакомых (финскую жену и финскую любовницу, у которых были выходы на ксероксы, через каких-то спекулянтов джинсами и так далее). От Акинши шли пути в какие-то теневые коммерческие структуры, которые, если найти деньги, могли отскерить хоть Солженицына тиражом в пару сот экземпляров. Но мы все были небогаты, и поэтому не могли заказывать большие тиражи.

Ещё наша университетская общежитская компания размножала... Сколько там их было — «...Требований» польских рабочих? «Двадцать одно требование»? (Документ бастующих польских рабочих «21 приоритет» стал в августе 1980 г. программой создающегося профсоюза

«Солидарность», — АП). Я достал канадскую (даже не английскую) коммунистическую газету (она тогда продавалась), где они были напечатаны на английском языке. Мой однокурсник Владик Зубок перевёл их мне, а я их размножил.

— Ты же сам — известный переводчик с английского...

— Во-первых, тогда я знал английский хуже, чем через два-три года, когда я уже набил руку на переводах. А во-вторых, Владика английский — как родной (он за один вечер всё перевёл), а мне на этот перевод пришлось бы потратить довольно много усилий.

Новые социалисты (начало)

— Получается, что у вас была просто-таки организованная группа...

— В какой-то момент я действительно вошёл в организованную группу.

— В какой именно момент?

— Это было на четвертом курсе. Но поскольку я уходил в академику, четвертый курс у меня продлился 2 года. Скорее всего, это было осенью или в конце 1979 года. Тогда тот же Собченко потащил меня на одно полуподпольное мероприятие: два актёра Театра на Таганке давали моноспектакль, который им не позволяли играть в театре. Спектакль состоял в основном из цитат об Октябрьской революции из Ленина, большевиков, меньшевиков, белогвардейцев...

— Это — ещё одно интереснейшее проявление неподцензурного искусства, на этот раз — театрального. Интересно, собирались ли во время таких спектаклей деньги, как это часто имело место на домашних концертах?

— Когда как. За тот спектакль, во всяком случае, я ничего не платил. В квартиру, где он проходил, нас приехало несколько человек. Кроме меня и Собченко, это были какие-то мои однокурсники. Точно был Володя Ведюшкин. Не помню, была ли Надя Кеворкова, но вполне могла быть.

А всего нас на спектакле присутствовало человек тридцать-сорок. После спектакля состоялось его обсуждение, и во время обсуждения звучали совершенно антисоветские речи, от которых актеры с Таганки тихо вздрагивали. Через полгода или больше этим домашним спектаклем заинтересовалось ГБ, и первый раз в жизни меня потащили в ГБ именно по поводу этого мероприятия. Я заранее был предупрежден Собченкой, что о самом спектакле чекисты уже знают, состав зрителей примерно представляют и что нужно отрицать только антисоветский характер мероприятия.

Я не помню, присутствовали ли на этом спектакле Андрей Фадин и Борис Кагарлицкий, которых я тогда в лицо не знал. Но я знал, что Андрей — приятель нескольких моих друзей и знакомых. А фамилия «Кагарлицкий» мне была известна с другой стороны — поскольку мне попадались статьи о западной фантастике Юлия Кагарлицкого.

На момент моего первого вызова в КГБ я уже состоял в подполье. Произошло это так. Вскоре после того спектакля (или за некоторое время до него?) Собченко, у которого я всё время выпрашивал Самиздат-Тамиздат, прямо сказал, что ему неинтересно давать мне его «просто так», потому что читать-то все хотят, всем любопытно, но никто не хочет ничего делать: «Вступи в подпольную организацию, вот и будешь всё читать.» К этому моменту я уже дозрел до сознания того, что нужна какая-то организованная сеть распространения Самиздата, и спросил его примерно так: «В чём цель-то организации? Что, террористический акт? Под этим я не подписываюсь. Революция? В неё я не верю и тоже не подписываюсь. Но если эта организация представляет собой сеть распространения текстов, то тогда она для меня подходит. Во всяком случае, я готов заключить с ней контракт на год, оставив за собой право через год выйти из неё, если мне в ней не понравится или я испугаюсь».

Собченко свёл меня с одним человеком, оказавшимся как раз Борей Кагарлицким, который при встрече со мной велел называть себя Володей (я же придумывать себе новое имя не стал) и провёл со мной инструктаж по конспирации. Потом то ли Кагарлицкий, то ли Собченко свёл меня с Мишей Ривкиным, которому я и был передан организацией в подчинение.

— Тебе объяснили тогда цели этой группы и её идеологическую основу?

— Да. Собченко и Кагарлицкий представляли её как социалистическую и даже коммунистическую (с восстановлением принципов настоящего демократического социализма, первоначального демократического коммунизма). А Собченко и вообще был поклонником команданте Че Гевары. А вот Ривкин, например, имел несколько другие взгляды. В это время он, по-моему, уже не считал себя социалистом, но полагал, что еврокоммунизм и социал-демократия — это всё равно вектор в сторону западного цивилизованного мира.

Мои же взгляды тогда являлись чем-то средним между еврокоммунизмом и левой социал-демократией. Собственно говоря, эту линию и проводил Кагарлицкий. Я, правда, считал, что серьёзные изменения в нашей стране — дело следующего поколения. Я не верил, что при моей жизни произойдут какие-либо изменения, и оптимальным вариантом считал увидеть под старость хотя бы что-то вроде венгерского, кадаровского, социализма. (Я был бы этим вполне удовлетворён). Тогда, во всяком случае, хоть за чтение книжек перестали бы сажать.

— *У меня тогда были точно такие же мысли.*

— А Боря Кагарлицкий и тогда, и, особенно, несколько позже, верил в революцию, или, скажем так, в радикальные реформы сверху под революционным давлением снизу.

В период подполья с Борей я встречался всего два раза. Первая встреча было подготовительной, а во время второй произошёл инструктаж по конспирации. Мы ходили по улицам, и он рассказывал о принципах конспирирования: «покой информации», «дробность информации», «легенда» — кажется, принципов было четыре или пять. Но, вообще, мы много о чём в тот день поговорили, и он выражал тогда уверенность, что падение режима близко. Кроме того, он высказывал эту мысль и в «Левом повороте», который почти целиком сам писал. (Я же скептически к этому относился). После того как Борис вышел из тюрьмы, мы встретились с ним уже в начале горбачёвской эпохи у него в сторожке, где он лифтовый холл сторожил — чуть ли не в том же доме, где жил (Красноармейская ул., д. 25, — АП). Он говорил, что «всё, режим развалится со дня на день». Он, конечно, ошибся в том смысле, что произошла не совсем революция, но всё равно Кагарлицкий оказался — для меня во всяком случае — в каком-то смысле пророком. Во всяком случае, от других таких пророчеств я не слышал. Наоборот, все думали, скорее,

что это всё — брежневщина, постбрежневщина — надолго. А он говорил: «Нет, всё это кончается».

А с Мишей Ривкиным мы встречались два раза в месяц возле Мужика с гранатой на станции метро «Краснопресненская».

— Ты имеешь в виду, наверное, мужика, который стоит на улице...

— Он стоит возле самого метро.

— ...*Напротив зоопарка.*

— Напротив зоопарка, да. Мы всегда говорили: «У Мужика с гранатой», и не нужно было объяснять, какое это метро.

...Он давал мне Самиздат и Тамиздат, который читали я и мои друзья по университетской, музейной и экспедиционной тусовке. Что-то, что нам нравилось, мы перепечатывали для себя, а излишки я сдавал тому же Мише Ривкину. Например, если распечатывали шесть экземпляров, то парочку оставляли себе, а четыре я отдавал Мише.

Мише Ривкину я тоже сразу сказал, что не знаю, долго ли я буду этим заниматься. Год пройдёт, и тогда скажу, продолжаю я или нет. Прошёл год. Я сказал, что продолжаю. И тут ещё началась польская «Солидарность», что меня жутко вдохновило. Постепенно круг моего общения с группой молодых социалистов расширялся. Это было нарушением правил конспирации, но Собченко мне разболтал, что кроме уже знакомых мне людей, а именно Борьки (он же Володя) и Миши (который тоже назывался каким-то конспиративным именем), в организации состоят также Кеворкова (которая была этим делом воодушевлена и, кажется, очень в нём активна), мой знакомый Паша Кудюкин, учившийся на два курса старше меня (с ним мы были знакомы, главным образом, через факультетский кино клуб, а также через моих однокурсников Ведюшкина и Надин Кеворкову, которые были с ним знакомы через какие-то ещё школьно-семейные связи), а также друг Кудюкина Андрей Фадин, которым Собченко очень восхищался. Фадин однажды просто кто-то из них ко мне затащил в гости. Да Собченко и затащил. (И когда Собченко привёз ко мне Андрея, тот сразу же стал нагло при мне ухаживать за моей мексиканской женой). А вот тогдашний муж Кеворковой Володя Ведюшкин категорически отказался от участия в организации, хотя и был дружен с Фадиным и Кудюкиным. (С Фадиным — через своего старшего

брата Мишу, который был одноклассником Андрея). Но, конечно, Самиздат он с удовольствием читал и даже, по-моему, что-то из него размножал. (Он, по-моему, помог размножить польское «Двадцать одно требование».)

Вообще-то, по правилам конспирации (как мне их излагал Кагарлицкий) никаких излишних знаний про организацию у ее участников быть не должно. И то, что я знал об участии в подполье Кудюкина, Фадина и Кеворковой, было проколом конспиративности, нарушением принципа «покоя информации».

Таким образом, начальный круг интенсивного обращения Самиздата и Тамиздата был для меня связан с группой молодых социалистов. Получал я его от Миши Ривкина. Что именно? Это, во-первых, машинописный журнал «Левый поворот», который потом назывался «Социализм и будущее», журнал «Варианты», самиздатские журналы «Поиски» и «Поиски и размышления» (мне «Поиски» больше понравились, чем «Левый поворот»), а также какие-то книжки. Например, «84-й» (на самом деле, роман называется «1984», — АП) я впервые прочёл по-русски в машинописной копии, сделанной с дефектного экземпляра, в котором нескольких страниц не хватало. Значительная часть тиража этой книги являлась дефектной — несколько страниц отсутствовало, зато другие были напечатаны дважды (Мне позже как-то попался типографский оригинал). Та машинопись была сделана именно с дефектного экземпляра.

Давал мне Миша Ривкин также один из томов «Архипелага ГУЛАГ» и какие-то книжки Авторханова. Так как моим однокурсником был чеченец Саид-Хасан Абумуслимов (который впоследствии стал вице-президентом независимой Ичкерии и в этом качестве подписывал договор в Хасавюрте — он теперь единственный из оставшихся в живых подписантов Хасавюртовских соглашений), то он первым получил от меня книжку Авторханова «Происхождение партократии». Я всё время почему-то мечтал об этой книжке и постоянно напоминал Ривкину, что он обещал мне её достать. Он мне её достал, а я прочёл и сразу же дал читать не своим ближайшим друзьям, а Саиду, который в круг ближайших друзей не входил. Я понимал, что ему — поскольку он чеченец — книга Авторханова особенно интересна. Я, может быть, даже имя Авторханова впервые услышал от Саида. Ну и Саид, конечно, зажал «Партократию» на неделю-две, потому что они её всем своим московским чечено-ингушским кагалом читали и фотографировали. Им лень было перепечатывать её на машинке,

и они её пересняли. Во всяком случае, Саид мне потом показывал именно фотокопию. Саид передал кому-то книгу, тот сделал с неё микрофильм, и с микрофильма они потом её распечатывали. (С ксероксами тогда ещё была напряжёнка, и поэтому делали фотокопии). Думаю, что таким образом и я приложил руку к чеченской революции, потому что Саид заказывал до двадцати-тридцати экземпляров некоторых книг Авторханова и Солженицына и запускал их все в Чечню.

С удовольствием носил я тамиздатские книжки и их самиздатские копии Сергею Сергеевичу Аверинцеву. Моим университетским преподавателем латинского, а потом древнегреческого языка являлась его жена Наталья Петровна. Поскольку в какой-то период греческая учебная группа сократилась фактически до одного человека — меня — то занятия естественным образом переместились из университета на кухню Аверинцевых в их квартире на «Юго-Западной».

После окончания университета я продолжал довольно регулярно ходить к Наталье Петровне консультироваться насчёт трудностей в моих древнегреческих текстах. В особо сложных случаях Наталья Петровна привлекала к решению лингвистических ребусов и Сергей Сергеевич. (Естественно, эти занятия были бесплатными, — ни Наталье Петровне не приходило в голову считать такие консультации работой, которая требует оплаты, ни мне это не приходило в голову). Типа в благодарность я стал оставлять на прочтение антисоветчину, которую часто таскал с собой. Тут уж Сергей Сергеевич перестал дожидаться, когда его позовут из кабинета на кухню (для филологической экспертизы или чаю попить), а стал высказывать в прихожую сразу при моем появлении и, потирая руки, спрашивать: «А вы нам, Володя, сегодня что-нибудь принесли интересное?». Правда, в большинстве случаев оказывалось, что Аверинцев все это уже когда-то читал — Солженицына, Конквеста, Орвелла, Лидию Чуковскую, Евгению Гинзбург, Войновича, Артура Кёстлера. Но, как он говорил, «это было давно, и я хотел бы прочесть еще раз». Как-то я принес Аверинцевым совершенно новую книгу Войновича «Москва 2042». Мне показалось, что книга может Сергею Сергеевичу не понравиться (из-за пасквиля на Солженицына, например), но он очень веселился и по прочтении, за чаем на кухне, сказал мне, что «отец Звездоний» — это, конечно, митрополит Волоколамский Питирим.

Ещё позже, в начале 1980-х, через меня читал «Архипелаг ГУЛАГ» нынешний сенатор от Орловской области, а тогдашний аспирант

кафедры истории КПСС, мой однокурсник Сережа Шеблыгин. Даром, что был членом партии и очень осторожным человеком.

Да! Была еще забавнейшая история! По моей вине приобрелся однажды к антисоветчине племянник самого Юрия Андропова! Правда, это было уже после смерти самого вождя. У Андропова в Воронеже была сестра, совершенно непривилегированная тетка, у этой сестры сын — совершенно обычный, нормальный советский парень, а у этого парня — приятель, Саша С, аспирант нашей кафедры средних веков. Саша получал от меня антисоветские книжки и, бывало, помогал в размножении. И как-то раз он что-то такое, не самое крутое, дал почитать племяннику Андропова. Не сразу, но он мне потом про это рассказал. Я его христом-богом попросил больше такого не делать.

А дальше пошло расширение моих связей в разных направлениях. Вообще, как всегда завязывался обмен? Ты дал кому-то что-то почитать, тебе в ответ тоже принесли. И начинается интенсивный обмен. Поскольку я давал книжки и распечатки разным людям, то, естественно, и они мне тоже начинали что-то приносить. При этом я чаще всего предлагал первым, что было, конечно, неосторожно. Во всяком случае, если человек мне нравился, я давал ему первым. И, насколько я знаю, меня никто не заложил.

Археологические экспедиции

Ещё до того, как я примкнул к группе новых социалистов (их потом называли обычно «молодыми социалистами»), мне эпизодически попадался какой-то Самиздат и Тамиздат — тот же Собченко пару раз давал «Континент» и еще что-то. А еще в археологических экспедициях... Впрочем, в экспедициях в основном шло устное общение. Археологические экспедиции в те годы были просто рассадником диссидентства. Например, слова о Солженицыне в положительном духе я, еще школьником, летом после восьмого или девятого класса, впервые услышал в Билярской археологической экспедиции (город волжских булгар Биляр — современное село Билярск в Татарии) от участников той экспедиции — студентов и аспирантов Казанского университета. Чуть ли не от Лени Сергеева, тогда аспиранта-археолога, ученика Альфред Хасановича Халикова, а ныне известного барда. (Альфред Хасанович, ныне покойный, в постперестроечные годы стал одним из идеологов татарского национализма, но в те времена ни в чём таком замечен не был). К Лене Сергееву и некоторым

другим студентам-аспирантам Билярской экспедиции я относился с детским обожанием, и после того как кто-то из них мне сказал, что Солженицын — гений, я, естественно, приложил все усилия, чтоб достать «Роман-газету» с «Одним днем» и долго ходил ошеломленный, под впечатлением этой книги. Хотя «Архипелаг», который я кусками слушал сквозь глушилки по «вражьему голосу», мне тогда не очень нравился — многое казалось преувеличениями — я тогда с большим доверием воспринимал по вражьим голосам что-то типа братьев [Жореса и Роя] Медведевых.

В Смоленской экспедиции — это уже летом между первым и вторым курсом, 1976 год — покойный Дан (Даниил Антонович) Авдусин вполне откровенно высказывался в присутствии юных студентов в довольно диссидентском духе. Или, по крайней мере, в сильно антисталинистском.

В Новгородской экспедиции в августе 1977-го года я работал вместе с молодым археологом Петей Алешковским, племянником писателя Юза Алешковского. (Это тот, который написал песню «Товарищ Сталин, Вы большой ученый...»). Впоследствии Юз Алешковский участвовал в «Метрополе». От Пети Алешковского я тогда впервые услышал песни Евгения Бачурина. Сейчас Пётр Алешковский и сам — известный писатель. Мы с ним все эти годы как-то не пересекались, хотя с его двоюродным братом Алексеем (сыном Юза), журналистом, я несколько лет тому назад познакомился.

В Херсонесской экспедиции в 1978-м году с начальством я почти не общался, но тусовка землекопов вся была диссидентствующей.

В Донской археологической экспедиции — хутор Недвиговка Ростовской области — наш любимый начальник Натали Леонова в первый же день на раскопе приложила при мне, еще незнакомом ей человеке, советский режим на полную катушку — как не имеющий ничего общего с принципами социализма и демократии. Хотя наука археология, общение с друзьями под хорошее вино и пение хором под гитару ее занимали много больше, чем политика. Но все-таки диссидентство ей было не чуждо. В Донской экспедиции мы жили такой коммуной — я бы сказал, «коммуной антикоммунистов». И скоро, кроме социалистической группы, политические связи у меня стали завязываться еще и через экспедицию.

— Не забывай называть годы.

— В эту экспедицию я начал ездить с лета 1979-го года. Летом 1979-го года мы немножко разминулись с г-ном Романковым...

— *Кто такой?*

— Леонид Петрович Романков (которого мы в экспедиции всегда называли, да и сейчас назваем: Лёха) после 90-го года три срока являлся депутатом ленинградского городского парламента, был членом местного КСа «ДемРоссии», регионального политсовета ДВР и СПС. Придерживается гайдаровских, но неортодоксальных взглядов: его симпатии располагаются где-то между Яблоком» и СПС. Относил себя к так называемой правозащитной фракции в ДВР-СПС, пока она еще там была. Он дружит с Ю. Рыбаковым, со Старовойтовой был хорошо знаком, с поэтом А. Найманом. (Он меня представил Найману на похоронах Лидии Чуковской, и тот сразу сказал, что хочет вступить в «Субтропическую Россию»). В те времена Романков являлся заметным деятелем так называемой «второй культуры». (Он вообще очень талантливый и разносторонний человек). Вообще, в Питере оппозиционное подполье было не столько политическим, сколько литературно-культурным. К нему принадлежали многочисленные любители и эпигоны Бродского, подпольный литературный журнал «Часы» (его издавал Борис Иванов), позже — «митьки»...

— *Наверняка и тот известный питерский поэт, что входил в руководство «ДемРоссии»...*

— Кривулин?

— *Кривулин.*

— Романков приятельствовал с ним. Он вообще был из круга Кривулина и Бориса Иванова. Был знаком с эмигрантами, которые уехали из Питера — Хвостом (Хвостенко), Анри Волохонским, по-моему, даже с Бродским в начале 60-х был шапочно знаком.

Он довольно сильно повлиял на мои взгляды. Он был человеком взглядов не социалистических или социал-демократических, а скорее либеральных. Можно сказать, что Ривкин тоже придерживался таких взглядов, но он на меня не повлиял, так как наши встречи с ним были короткими.

...Так вот, летом 1979 мы с Лёхой Романковым разминулись: я приехал в начале августа — чуть ли не на следующий день после того, как Леха отвалил. И всё же с Романковым мы познакомились осенью 1979-го года, когда он приехал в Москву на экспедиционную пьянку, и затем регулярно пересекались в экспедиции. Особенно много общались летом 1980-го года. Кроме того, мы виделись, когда он бывал в Москве, или я — в Питере. Нельзя сказать, что в это время мы так уж интенсивно обменивались Самиздатом и Тамиздатом, — больше знаний я получал от него в разговорах за бутылкой. В баню тоже вместе ходили. В середине 1980-х годов, когда мы уже осмелели (а к тому времени у нас в экспедиции сложилась более-менее постоянная компания, экспедиционное ядро), Лёха иногда привозил в экспедицию какие-то тексты. Кроме того, у нас там популярна вечерняя игра — в шарady — и Лёхины сценические загадки всегда были и смешные, и антисоветские — обычно с Владимиром Лукичом, Надеждой Константиновной и товарищем Инессой в качестве персонажей. А еще он привозил интересных людей, участников питерского движения «второй культуры». Например, через него участником нашей экспедиции стала питерская поэтесса Ирина Знаменская (а потом и ее красавица-дочка Даша).

Я тогда наглед — привозил в экспедицию всё, чего ни попадя. Благодаря мне вся экспедиция читала «Конттики» (так мы «Континент» называли), «Остров Крым» Василия Аксёнова, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, Андрея Битова, но чаще — что-нибудь занимательное типа Войновича («Солдат Иван Чонкин»), Юза Алешковского или Тополя/Незнанского («Журналист для Брежнева»).

— Это всё были тамиздатские книги?

— Да, тамиздатские, но иногда бывали и копии (переплетённые ксерокопии). Наша экспедиция была просто гнездом антисоветизма. Сплошь и рядом после какой-нибудь попойки утром приходилось между собой выяснять-ругаться: «Кто опять забыл «Конттик» на столе?!» Романков на эту тему как-то смешное короткое стихотворение написал — в стиле японских «хокку». (Он вообще удачные «хокку» пишет). Впрочем, когда были все свои (в августе или сентябре), то считалось, что это ничего — забыть антисоветскую книжку на нашем длинном общем столе в огороде «асьенды». (Мы свою базу прозвали «асьенда «Свободный Париж»). Другое дело — в начале

июля, когда в экспедиции появлялись первокурсники, которых никто не знает... Тогда не возбранялось устно трепаться в их присутствии в антисоветском духе, но только чтобы при этом они все-таки не видели, что тут запросто гуляет Тамиздат. Впрочем, Бог миловал, и никто на нас не настучал. А если и настучал, то экспедицию не разогнали, хотя случаи разгона археологических экспедиций именно за антисоветчину, говорят, бывали.

Но был и другой случай. Ездил в нашу экспедицию один студент-химик Костя, года два ездил. Я с ним подружился, мы общались и вне экспедиции — в Сандуны, например, вместе ходили. Я дал ему почитать «Доктора Живаго», и он по прочтении так перепугался (а еще больше перепугались его родители), что не только завязал ходить со мной в баню, но и в экспедицию ездить перестал.

Можно назвать, кто прошёл через нашу экспедицию. Это — Романков. (Сейчас — деятель круга СПС в Питере). Паша Кудюкин, который позже был одним из основателей клуба «Перестройка», Социал-демократической партии и замминистра труда в гайдаровском правительстве. Поэтесса Ира Знаменская. Сергей Серов — этнограф, блестящий ученый, один из авторов «Мифологической энциклопедии», друг семейства Аверинцевых. (Серов умер очень рано и неожиданно, лет в сорок...) Несколько первых лет ездила в Донскую экспедицию Надин Кеворкова. (Это она, кстати, притащила в эту экспедицию и меня, и Романкова). Была в нашей тусовке и парочка будущих анархистов (я их просто плохо воспитал), которые пришли к нам школьниками. Среди них — моя педагогическая неудача Макс Кучинский, который пришёл к нам ортодоксальным мальчиком, а ушёл антисоветчиком, но поехал в другую сторону.

— Он же тогда должен был быть совсем юным...

— Я и говорю, что он к нам пришёл школьником — в классе седьмом-восьмом. Один сезон был поэт Андрей Полонский, но он, правда, не прижился.

А в постсоветское время в нашу экспедицию в качестве практикантов-первокурсников стали попадать совсем неожиданные люди. Например, однажды — в полном составе редколлегия анонимного самиздатского листка «Нацистские будни». Или однажды — один из двух сыновей зам. главного редактора газеты «Завтра» Владимира Бондаренко. (Кажется, это был старший сын, а не младший — Олег

из нынешней молодежной «Родины»). Но первокурсники — за исключением особо понравившихся — попадали к нам обычно на две недели и особого следа не оставляли. (Только о нациках до сих пор за бутылкой смешные байки рассказываются). А вот Даша Митина, будущая восстановительница комсомола и депутат ГосДумы, работала у нас две недели (скорее всего, в июле 1991 года) и произвела на тех, кто с ней пересекался, очень даже благоприятное впечатление. Но нацики и коммуняки (в этом году даже троцкист попался) — это уже новейшее время.

Возвращаюсь к советским временам. Лет с 13-ти стала ездить в нашу экспедицию Ксюша Кистяковская, дочка Андрея Кистяковского — диссидента, писателя, переводчика Толкина и Артура Кёстлера. Много позже я познакомился в Париже с художником Ясиком Горбаневским, сыном легендарной диссидентки Натальи Горбаневской. Он оказался сыном Андрея Кистяковского, то есть братом Ксюшки по отцу. Вот такая была экспедиционная и около-экспедиционная среда...

В августе 1991 года, когда мы с Толиком Паппом, оставив мою беременную жену Милану на попечение начальницы экспедиции, примчались с Дона в Москву, то на баррикадах вокруг Белого дома я встретил практически всех, с кем предыдущие 11 лет пересекался в экспедиции, включая всех мужей нашей начальницы и, кажется, анархиста Кучинского тоже.

Музеи — Чуковского и «Новый Иерусалим»

Лёха Романков познакомил меня с семейством Чуковских (точнее, с Еленой Цезаревной Чуковской — внучкой Корнея Ивановича, дочерью писательницы Лидии Корнеевны Чуковской) с целью помочь неофициальному музею Корнея Чуковского в Переделкино. (Там текла крыша, фундамент разваливался). Был это немножко ещё и музей Солженицына, который там жил и своими руками сделал деревянный стол. Мне довелось пару раз ночевать в комнате Солженицына и даже надевать его валенки. И я со своими друзьями по экспедиции и истфаку — в частности, с Андреем Пономарёвым, с Толиком Копейкиным, Владом Зубоком — стал ездить туда помогать музею. Сергея Лёзова я тоже туда притаскивал на ремонтно-строительные работы. Уже на заре перестройки я привез в Переделкино на мартовские снегоборочные работы Диму Юрасова. (Кстати, у Димы была сильная близорукость, и Чуковские сосватали для него операцию у Святослава Федорова. Федоров

и самой Лидии Корнеевне сделал операцию, поскольку до этого она несколько лет была полуслепая).

Нам очень нравилось разговаривать с Еленой Цезаревной, но особенным праздником для нас была возможность поговорить- послушать совершенно героическую женщину — нестигаемую диссидентку Лидию Корнеевну Чуковскую. Очень весело было также пить чай (а иногда и вино) с Кларой Израилевной Лозовской, которая являлась последним секретарём Корнея Чуковского и знала массу занимательнейших сплетен из культурно-литературного и околодиссидентского мира. Она ко всему и вся относилась иронически и обо всём рассказывала со специфическим еврейским юмором. Думаю, что рассказы Клары Израилевны с описаниями быта и чудачеств её друзей-диссидентов сказались на том, как я впоследствии описывал в «Хронографе» героические деяния неформалов.

Елена Цезаревна, выждав немного, стала давать нам (во всяком случае, мне) всякую литературу. В основном это был неполитический Тамиздат и Самиздат — Цветаева, Ахматова, «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской, а также западные издания публицистики Лидии Чуковской (это уже — антисоветчина чистой воды). Публицистические статьи Лидии Чуковской мы сразу же стали размножать.

— *На машинке?*

— Сначала на машинке, а чуть позже, в андроповский год, появился и опыт размножения на компьютере. Какой год у нас был андроповским?

— *Восемьдесят третий.*

— В восемьдесят третьем я впервые столкнулся с компьютером, и сразу же поставил его на службу Самиздату.

Чуковские и их гости, с кем мы пересекались на музейной даче, тоже стали для нас источником получения литературы. Впрочем, я не помню, чтобы мы обменивались литературой, например, с известным тебе Серёжей Агаповым, являвшимся почти членом семьи Чуковских. (Сейчас — и.о. директора Дома-музея К. Чуковского, — АП). С ним мы общались, в основном, устно. И если я тогда всё ещё продолжал быть социалистом, то он, благодаря такому окружению, им, конечно, не был.

— Хотя и являлся тогда простым рабочим АЗЛК.

— Да, просто рабочим, который по субботам и воскресеньям работал и жил в Переделкине.

Там же я познакомился с Мунирой Уразовой, которая сейчас работает секретарём в Фонде Солженицына. Впервые мы с ней пересеклись в 1980-е, в марте какого-то года, когда вместе сбрасывали снег с крыши дома Чуковских. Кстати, мы с ней могли бы познакомиться и в Недвиговке, поскольку она, как я потом случайно узнал, несколько сезонов работала в соседней с нами археологической экспедиции, в Танаисе. Там две экспедиции в одном хуторе: на одном конце Недвиговки наша Донская экспедиция копает палеолитическую стоянку «Каменная балка», а на другом конце — ростовчане, москвичи и владимирцы раскапывают древнегреческий город Танаис. Хутор длинный, как колбаса, тянется вдоль железной дороги на три станции — примерно посерединке между Ростовом и Таганрогом.

Из Танаиса в нашу экспедицию часто приходил в гости наш друг, историк-востоковед Дега Витальевич Деопик, пару раз — в сопровождении своего приятеля Сережи, специалиста по средневековой Корее. С последним я разговаривал, и он запомнился мне благодаря своим специфическим взглядам, для нашего круга необычным — тоже антисоветским, но одновременно антизападническим и антилиберальным. Уже в 90-е годы я познакомился в Москве с Сергеем Волковым, видным деятелем монархического движения, главным редактором газеты «Дворянский вестник». Он оказался тем самым Сережей. Хоть и не с первого раза, но мы с удивлением и удовольствием вспомнили друг друга.

Активными читателями Сам- и Тамиздата были и мои сослуживцы по музею «Новый Иерусалим», где я работал с осени 81-го по декабрь 87-го года. (На работу в «Новый Иерусалим», кстати, удалось пристроить часть людей из нашей экспедиционной тусовки). Между прочим, со мной в «Новом Иерусалиме» одно время работал молдаванин Валера Матичук, который тайком печатался в Румынии под именем Валериу Матей. Впоследствии поэт Валериу Матей стал одним из лидеров Народного фронта Молдовы, был депутатом парламента нескольких созывов. (В этом году избрали его, нет ли — еще не знаю). А один аспирант кафедры средних веков, которого я, кстати, тоже затащил в Донскую экспедицию, познакомил меня с Володей Солонарём — впоследствии одним из лидеров Интердвижения «Единство» в Молдове

и тоже депутатом парламента. Так что два моих давних московских приятеля из Кишинева оказались в конце 1980-х яростными политическими противниками, а в 90-е годы, бывало, уже и эпизодическими союзниками, поскольку и русскому национал-демократу Солонарю оказалось не по пути со сталинистами и православными фундаменталистами, и румынский национал-либерал Матей отошел от союза с правыми национал-радикалами. Через того же аспиранта нашей кафедры я познакомился и с аспирантом из Перми Борей Ихловым, впоследствии идеологом неомарксистского «пролетаристского» крыла в неформальном движении (Марксистская Рабочая партия и т.п.). Все эти знакомые тоже читали, и, бывало, размножали Самиздат.

В более близких отношениях с Валерой Матичуком, чем я, находился элистинец Леша Кадацкий — самодеятельный философ-эзотерик, которого обожали религиозные старушки и хиппующая экспедиционная молодежь. (Лёша умер в Элисте в феврале прошлого года). Кадацкий доставал где-то книжки религиозно-философского и мистического содержания, но не чурался и политического Самиздата. Однажды к Валере в гости приехала поэтесса, румынская националистка Леонида Лари — впоследствии она прославилась тем, что требовала снести в Кишиневе памятник Пушкину, а еще тем — это то ли анекдот, то ли правда — что она обручилась со статуей Стефана Великого. Я эту экзальтированную даму видел только мельком, а Кадацкий целый день водил ее по Новому Иерусалиму, а потом она ему весь вечер читала стихи. Я стихов Леониды Лари не слушал, а вот стихи Матея, особенно его переводы Мандельштама («Я список кораблей прочел до половины...») на полунепонятную мне молдаванскую мову (Валера, правда, настаивал, что это — великий румынский язык), завораживали.

В отличие от меня, Леша Кадацкий жил в общежитии при музее постоянно, и я свою крамолу часто — особенно уезжая куда-нибудь — оставлял на хранение у него под кроватью. Однажды у него под кроватью лежало несколько томов вынесенных Димой Юрасовым из архива Военной коллегии Верховного суда совсекретных списков реабилитированных в конце 50-х годов. (Юрасов — историк-архивист, который с детства составлял картотеку репрессированных). Мы с Сережей Харламовым организовали пересъемку этих секретных фолиантов, а потом Дима внес их обратно в архив прежде, чем его в очередной раз разоблачили и выгнали с работы. А хранились они то у меня, то у Лёши Кадацкого. (Это был уже примерно 86 год.)

Новые социалисты (конец)

Социалистов арестовали в начале апреля 82-го года. Но не всех. Из тех, кого я знал — Кудюкина, Фадина, Кагарлицкого и Ривкина, а также ещё нескольких человек, с которыми я не был знаком, в том числе Хавкина и Чернецкого.

— *Пятым в числе главных фигурантов являлся Андрей Шилков...*

— Да, но Шилкова взяли в Петрозаводске. (Я его тогда тоже не знал. Мы познакомились позже.)

Обысков тогда было много: у Собченки был обыск (Собченко, кстати, одно время работал секретарем у Роя Александровича Медведева, и книжки Роя Медведева у него при обыске тоже изъяли), у Романкова в Питере. Я испугался, что обыск у Романкова произведён в связи с этим делом, потому что Романков (через Надин Кеворкову и через меня) знал о социалистах и даже чуть-чуть был знаком с Кагарлицким. При обыске у него изъяли — наряду с кучей художественной антисоветчины — и какую-то продукцию московских социалистов.

В Москве тогда одновременно взяли минимум две группы — молодых социалистов и православных религиозников, которые были немножко связаны между собой или, во всяком случае, пересекались. Там был какой-то сюжет с попыткой социалистов купить у религиозников ксерокс. Религиозники — это группа Виктора Бурдюга, остатки ранее разгромленного огородниковского кружка. Я с ними не был никак связан, но с ними поддерживал отношения мой приятель Паша Роговой, который одно время учился на истфаке и через которого я тоже получал религиозный и религиозно-философский Самиздат. Когда Рогового объявили в розыск, он исчез. (А потом женился, говорят, на одной из бывших жён Аксючица.)

Так что мы сначала подумали, что питерцев трясут из-за московских связей. Но на самом деле в течении нескольких дней апреля 82-го года была проведена просто какая-то плановая акция КГБ по подборанию последних остатков диссидентско-правозащитного и подпольного движений. Например, как раз тогда «подобрали» остатки «Поисков» — в частности, арестовали Глеба Павловского. А в Питере обыски проходили у читателей и подписчиков журнала «Мария» — журнала христианско-диссидентского феминизма. К этому же времени, если не ошибаюсь, относится арест (в Питере) Михаила Мейлаха. И к Романкову тоже, как оказалось, пришли

как к подписчику журнала «Мария». И аж офигели — сколько у него дома антисоветчины, причем с дарственными надписями авторов. И хотя его не посадили, но с работы выгнали. Короче, мы — я во всяком случае — немного испугались: моих друзей с одной стороны взяли, моих друзей с другой стороны обыскивают. Значит, и ко мне тоже должны прийти.

В общем, социалисты на год загремели. Через год их выпустили, потому что в большинстве своём они покаяться — дали письменное обещание не заниматься впредь антисоветской деятельностью. А вот Ривкина и Шилкова не выпустили, потому что они такое обязательство не подписали. Собченко же скрылся — уехал в Крым. Меня какое-то время никак не трогали, но потом стали вытаскивать к следователю на улицу Электрическую (это — «Лефортово») на предмет того, не знаю ли я, куда делся Собченко. Мне их тогда просто удалось продинамить, и они как-то отстали. Но это — отдельная история — «Я и КГБ». Если всё это вспоминать, получится очень долго.

— *Но надо.*

— Я помню день, когда взъерошенный, с безумием в глазах Собченко приехал ко мне после обыска, который продолжался у него почти сутки...

— *Где? У него была квартира?*

— Он снимал её, наверное. Я был в одной из его квартир, но не помню где она находилась.

...Собченко приехал ко мне, перед тем поколесив по Москве, чтобы оторваться от хвоста, который мог быть. А в этот день на шкафу в той комнате в университетской общаге, где мы жили с Лаурой (тогдашняя жена Прибыловского, — АП) и Либертад (падчерица Прибыловского, — АП), находилось такое количество Самиздата, какого у меня не было никогда до того и ещё несколько лет после: десять экземпляров только что привезённых от Акинши ксерокопий второго или третьего тома Солженицына, экземпляров пять разобранных, но ещё не переплетённых ксерокопий книги «Большой террор» Конквеста в тысячу с лишним страниц каждая, и другие вещи. И всё это сразу же пришлось прятать. Собченко с Лаурой сели сочинять пресс-релиз для мировой еврокоммунистической общественности

об «аресте группы еврокоммунистов в Москве». Информашку об арестах и обысках Лауре на следующий день удалось передать какому-то знакомому Собченке иностранному корреспонденту, с которым самому Лешке было опасно встречаться.

А я вызвонил в ночи Толика Копейкина, и мы с ним вывезли из моего логова всю антисоветчину и спрятали её где-то. Копейкин тогда жил в качестве полуофициального сторожа в недоорганизованном музее художника Пластова на Зубовском бульваре, так что, наверное, в музее и спрятал. Была мысль всё это уничтожить, но показалось жалко. Так что спрятали, и потом эти издания разошлись.

— Ты сказал: «разошлись». Они просто раздавались или из этого всё-таки извлекалась какая-то прибыль?

— Прибыль из этого, разумеется, не извлекалась. Но расходы на это дело бывали довольно большими. Если государственная цена ксерокопии была копейки три или четыре за лист или разворот...

— Что значит — «государственная цена»?

— В Ленинке, например, можно было сделать ксерокопию, но только той книги, которая имеется в библиотеке, а не той, которую ты с собой принесёшь. То есть там тогда уже имелась ксерокопия, и существовали государственные расценки...

— Это когда?

— В середине 1980-х годов, да и раньше.

...А всякая левая продукция у ксероксчиков, которые на этом зарабатывали, шла от пяти до двенадцати копеек за разворот вне зависимости, что это — Александр Дюма, Библия или Солж. На протяжении всех 1980-х цены росли, и эти деньги нужно было как-то возмещать. Оптимальный вариант — это когда деньги на это дело собирались заранее. Типа: человек читал и говорил: «А вот мне бы такую книжечку достать». Я отвечал: «Давай столько-то денег, и через какое-то время я тебе либо принесу ксерокопию, либо деньги верну». Так это делалось. Иногда ещё накидывались какие-то копеечки на развоз, поскольку большой заказ на тачке развозить приходилось. Например, десять экземпляров Конквеста в рюкзачке особенно не понесёшь.

Уже думаешь: «Возьму-ка я с заказчиков на копейку за разворот побольше, но не буду себя напрягать и поеду на тачке».

Но для кого-то это являлось и средством заработка. Например, Паша Роговой, насколько я понимаю, зарабатывал себе на жизнь таким посредничеством, — он делал религиозную литературу, на которую существовал относительно массовый спрос, и тиражи менее ста экземпляров не заказывал. Я иногда тоже вкладывался через Рогового. Он спрашивал: «Такая книжка не нужна?» Я говорил: «Ну, в принципе, нужна. Я и сам читаю, и кому-нибудь потом продам». Он: «Ну давай, это стоит столько-то. Я как на сто экземпляров наберу, так закажу». Я как-то спросил: «А сто экземпляров Солженицына ты можешь сделать?» Он: «Может и сделаю, если ребята, которые на ксероксе, не испугаются. Думаю, что не испугаются, если ты наберёшь денег на сто экземпляров. Но ты вряд ли наберёшь, — Солженицын ведь не такой популярный, как Псалтырь или Иоанн Златоуст». Я отвечал: «Что правда, то правда. Я могу собрать только на десять».

— Меня интересуют всякие конспирологические подробности обстоятельств ваших подпольных встреч. Где они происходили, как вы о них договаривались? По телефону, используя специальную лексику?

— Так как в основном все мы были достаточно близкими друзьями, то какая могла быть конспирация? Нам это было не нужно. Мы достаточно часто встречались по работе, по учебе, по насчет посидеть-выпить, а заодно и эти вещи решали.

А вот в рамках группы «молодых социалистов», действительно, имели место какие-то потуги на конспирацию. В частности, с Ривкиным (так как ни я не знал, как его найти, ни он не знал, как найти меня) у нас имелась договорённость встречаться, кажется, по средам два раза в месяц в семь часов вечера у Мужика с гранатой и ждать пятнадцать или двадцать минут. Если встреча срывается, это означает, что ровно через неделю в это же время мы опять там же встречаемся. Бывало, что или я не смогу прийти, или он. Были случаи, когда встречи срывались. Но я всегда старался приходиться на них. Да и он тоже старался. Он, видимо, где-то не очень далеко оттуда жил, и ему это место было удобно. А я, когда закончил университет, через эту станцию — «Краснопресненскую» — ездил из университета на работу в Новый Иерусалим и обратно и как раз без пятнадцати

семь вечера её проезжал. Так что мне тоже это было удобно. Когда на лето и он, и я, бывало, уезжали, мы договаривались, например, так: «Встречаемся в первую среду сентября», и месяца два или полтора не встречались.

Однажды мы с ним потеряли друг друга совсем. (Как-то так получилось, что несколько раз подряд не смогли пересечься.). И Собченко в этот момент тоже куда-то делся. (Я не смог его отыскать). Но поскольку у меня имелась потребность Мишу найти, я воспользовался своими несанкционированными знаниями: просто созвонился с Пашей Кудюкиным и сказал, что нам нужно встретиться по делам. Мы встретились с ним где-то на улице, и я объяснил, что потерял контакт со своим куратором в группе. Он ответил: «Я найду». Он, кстати, не знал, с кем я встречаюсь, и я ему Мишу описал. Тогда он сказал: «Я догадываюсь, с кем». И восстановил разорванную связь.

С Ривкиным мы встречались и незадолго до его ареста. Он спросил: «Ты как, собираешься это дело продолжать?» Я говорю: «Пока ещё да — годочек собираюсь». Он: «А я ухожу. Но перед этим я сведу тебя с кем-то другим». Я спрашиваю: «А в чём дело?» Он: «Меня достало и это подполье, и этот социализм. Я лучше примкну к какой-нибудь открытой диссидентской группе и буду правами человека заниматься».

Это был наш предпоследний разговор перед его арестом. А буквально за несколько дней перед началом этих арестов мы с Ривкиным случайно столкнулись в метро, и он сказал, что всё, он точно уходит, и что на нашей следующей встрече он меня кому-то передаст. А следующей встречи не получилось, потому что его арестовали. Так как на суде и следствии он не раскололся и отказался каяться, то ему дали по полной — семь плюс пять, и он освобожден только по гorbачёвской амнистии. Сейчас он в Израиле.

— Да, стал раввином. По его словам, в советское время он жил недалеко от меня — где-то в домах №№ 99 или 101 по Рублёвскому шоссе, в которых, как я теперь знаю, тогда жили также Ярослав Леонтьев и Явлинский.

— Может быть, может быть. Обычно мы с ним прогуливались минут сорок переулками от «Краснопресненской» и ближе к парку возле нынешнего Белого дома (которого тогда ещё не было).

— Парка Павлика Морозова?

— Не знаю, может быть.

— *Там один парк — Павлика Морозова.*

— Может, он и Павлика Морозова. Мы обычно доходили до какого-то переулочка (Проточного? — очень похоже), и я возвращался на «Краснопресненскую», а он шёл в другую сторону. Вполне возможно, что он после этого шёл на станцию метро...

— *Проточный находится прямо около станции «Смоленская», откуда идёт ветка до «Молодёжной», где мы жили.*

— Может быть.

— *Когда ты впервые узнал, как на самом деле зовут «товарища Володю»?*

— Когда их арестовали, я это уже точно знал. (По «вражьему голосу» их имена называли).

Но, по-моему, мне Собченко ещё раньше об этом проговорился. Было это так. Когда со мной университетский гебист Владимир Алексеевич Кашин проводил «беседу» насчет того спектакля на квартире, то он мне называл фамилии: «А Кагарлицкий там был, а Фадин там был?» Я отвечал, что известного литературоведа Юлия Кагарлицкого я читал, но в лицо не знаю. Фадина я тоже в лицо не знаю. Естественно, я сразу же подробно пересказал беседу Собченко. Тут Лешка, видимо, и проговорился, что Кагарлицкий — этот и есть тот самый «товарищ Володя», с которым он меня свёл.

Вообще Собченко ещё тот конспиратор был. Однажды они составили письмо, по-моему, итальянским еврокоммунистам, и чтобы Берлингуэр сотоварищи их лучше поняли, перевели его с русского языка на итальянский. Переводил, естественно, Собченко, который знает все языки. И то ли изначальный текст, то ли черновик своего перевода он оставил вложенным в толстый итальянский словарь. А готовый текст, то ли от руки написанный, то ли кое-как перепечатанный на машинке, передал Кагарлицкому.

Кагарлицкий вложил перевод в красивый такой буржуйский пакет из жёсткой бумаги и с мягким пузырчатым пластиком внутри, в котором очень удобно носить бумаги, чтобы их не повредить (В этом

пакете прислали какую-то научную брошюру или журнал его отцу, и на нём было написано: «доктору Юлию Кагарлицкому», с адресом.). Борька вложил туда эту собченковскую бумажку и, передав его дальше, сказал тому человеку, которому он его дал: «Слушай, я забыл оторвать адрес на пакете. Оторви его и выбрось». Тот, кому он этот пакет дал, передал его, по-моему, Фадину. И передавая пакет, сказал: «Слушай, там адрес остался. Мало ли что. Меня просили оторвать, но я забыл. Сам оторви и выбрось». Фадин ответил: «Да, сделаю». После чего, передавая пакет машинистке, сказал ей: «Оторви это и выбрось».

Первый обыск произошёл именно у машинистки. Её раскололи в две минуты относительно того, от кого непосредственно она получила этот пакет. А изначальный источник его происхождения тоже был ясен сразу, поскольку на пакете было написано: доктору Юлию Кагарлицкому, туда-то. Отчасти благодаря этому пакету кагебешниками была вскрыта вся линия. Вот такая у нас была конспирация.

Когда проходил обыск у Собченки, они уже знали по своим оперативным данным, что это он переводил письмо на итальянский, и искали у него доказательства этого. Они перетрясли всё. Когда они брали в руки итальянский словарь, Собченко каждый раз обмирал, будучи почти уверен, что оставил оригинал письма там. Гебисты трясли словарь три раза, но ничего не нашли. Когда гебисты ушли, он сам потряс этот словарь, но текст не выпал. «Ну, — думает, — куда ж он мог деться?» (А у него в квартире был такой бардак, что хуже, наверное, только у меня сейчас). Прошёл год. Собченко понадобился этот словарь. Взял он его, открывает — а словарь сам открывается на том месте, где в нём лежит искомый лист. Вот такая смешная история.

Другая смешная история была у одного приятеля Сергея Лёзова. Не уверен точно, но по-моему, это был Олег Радзинский, сын писателя. У него тоже был обыск по делу, по-моему, группы «Доверие».

— Не забывай говорить про годы. Тем более, что «Доверие» — это уже перестроечная группа.

— «Доверие» возникло раньше. Первая группа «Доверие» возникла где-то в году 84-м (а то и 83-м), самое позднее — 85-м. Эта была, как шутили тогда, «группа-катапульта», и её в основном составляли «катапультисты» — те, которые объявляли себя диссидентами и борцами против режима именно из расчета, чтоб их выкинули

из страны. Лёзов с некоторыми из них, в том числе с Олегом Радзинским, был знаком.

У Радзинского — предположим, что это был именно он — проходил обыск, во время которого нашли довольно много литературы, в том числе, по-моему, «В круге первом» (или «Раковый корпус»?) Солженицына. Эту книжку гебисты занесли в протокол обыска, после чего про неё забыли, и она осталась на столе. Радзинского «за хранение с целью распространения» арестовали и потом осудили на года три ссылки, а эта книжка перешла к Лёзову. А Лёзов дал её почитать мне, рассказав предварительно об её почтенной истории. Таким образом, я читал экземпляр «В круге первом», который побывал в руках у КГБ, но остался у своих владельцев. То есть гебисты тоже проколы допускали.

Автор Сам- и Тамиздата

Помню, как я достал английское издание «1984»-го — через своего однокурсника Андрея Пономарёва. (Точнее, мне дал эту книгу его отец — физик и популяризатор науки, автор прогремевшей в свое время книги «По ту сторону электрона»). И я тот кусок (те несколько страниц), которого не хватало в экземпляре, полученном мною от Миши Ривкина, перевёл. На это у меня ушло несколько дней, — я ведь тогда был слабым переводчиком, да и много заботился о стиле. (Я хотел, чтобы перевод был хорошим. Орвелл — прекрасный писатель не только в плане мысли, но и стиля. У него — прекрасный английский язык). Кстати, так и не установлено, кто был переводчиком «84-го». Говорят, кто-то из семейства Толстых, потомков Льва.

— *Тамошних Толстых или наших?*

— *Наших, наших.* Американка русского происхождения Люся Торн, которая от ЦРУ курировала издание этой книжки в Италии (она же курировала издание, скажем, «Большого террора» Роберта Конквеста), говорила мне, что этот перевод (а также перевод «Памяти Каталонии») они из Москвы получили. Но и они не знали, кто переводчик.

В моем «исправленном и дополненном издании» самиздатского «84-го» мне пришлось сделать дополнительную нумерацию страниц. Предположим, например, что пробел — отсутствующие страницы — находился после 35-й страницы машинописи и перед 36-й. Значит,

я нумеровал новые страницы: 35а, 35б, 35в и так далее. Кажется, я успел Ривкину вернуть его экземпляр уже не дефектным, а полным. Или я ему просто новопереведенные страницы потом додал? Не помню точно. Мне тогда удалось отдать «дополненного» Орвелла на ксерокс, экземпляров 10 сделали, один из них я оставил себе. Так у меня оказался полный перевод. Впрочем, не совсем полный. В этом итальянском издании отсутствовала ещё глава-приложение — Principles of Newspeak (принципы новоречи), и поэтому её в перепечатке тоже не было. По-английски я её прочёл с восхищением, но с переводом сам не справился. Для этого нужно было быть хорошим филологом, причём одновременно и английским, и русским филологом. Во второй половине 1980-х я эти «принципы ньюспика» прочёл в полузакрытом ИНИОН-овском издании в переводе, кажется, Виктории Чаликовой.

— А в открытой печати этот роман был опубликован в 89-м году в «Новом мире» в переводе Гольшьева(?).

— Это — хороший перевод. Но тот, что был издан Люсей Торн в Риме — пожалуй, лучше.

— Да, даже у меня, практически не знающего английский, были какие-то вопросы относительно перевода Гольшьева. Теперь расскажи о том, как ты стал автором Тамиздата.

— Я ещё в университете сочинял какие-то полухудожественные штуки типа подражания Хармсу или псевдо-Хармсу. Но это были вещи, никому не интересные, кроме студентов нашего курса. Они иногда были достаточно крамольны, но на срок вряд ли тянули. (Вот на исключение из комсомола — пожалуй).

Какие-то тексты в виде откликов на прочитанное я писал для «Левого поворота»/«Вариантов», отдавая их Мише Ривкину, но, по-моему, ничего из этого напечатать не успели. Написал я и какой-то полупрограммный текст, который нескромно переплёл под одной обложкой вместе с «Жить не по лжи» Солженицына и чуть ли даже не назвал: «Избранное». Такая вот подборка избранного — из Солженицына, Прибыловского и, может быть, ещё кого-то. (Эта подборка должна сохраниться в архиве у Саши Шубина, которому я её дал почитать ещё в перестроечные годы и которой её зажал. Ну, я и не особенно настаиваю на возврате — у него целее будет.). Были у меня, может быть, и ещё какие-то два-три текста.

Какую-то из этих моих статей во время обыска нашли у Кудюкина под кроватью и спросили, чей это текст...

— *Он не был подписан?*

— Конечно, не был. Ну, может быть, я поставил «В.П.». (В это время я начал так свои крамольные тексты подписывать.)

— *Почему «конечно»? В самиздатских журналах ведь часто своими фамилиями подписывались.*

— По-разному было. Это в открыто-правозащитных диссидентских журналах своими подписывались, да и то не всегда. А у нас-то ведь подпольный журнал был. В подпольных ставили псевдоним или вообще не подписывались.

...И Кудюкин им ответил, что не помнит. А после того как их арестовали, я составил текстик, в котором подробно рассказал о деле «молодых социалистов», и отдал его Владимиру Ивановичу (фамилию его я не помню), с которым меня познакомила Клара Израилевна Лозовская из «чуковского» музея. Он работал в обществе глухих (хотя сам глухим не был) и заказывал довольно много самиздатских книжек. На этой почве мы с ним и стали контактировать. (И вообще, он — очень обаятельный человек). Кроме того, он нашёл переплётчика (кто-то из его друзей этим занимался), которому отдавал переплетать ксерокопии, которые мы делали. И для себя тоже их брал. Стоило это не дорого — примерно столько же, сколько потом, когда появились участвующие переплётные мастерские. Просто в такую мастерскую с Солженицыным ведь не погрёшься. В крайнем случае, со Стругацкими, да и то стрёмно.

Этот Владимир Иванович из общества глухих был знаком с сыном Ковалёва (Сергей Адамыча, который в это время сидел, кажется) и, по-моему, этот мой текст попал на Запад именно через него. Впрочем, я мог дать его и кому-то ещё, например, Лёзову. Я его подписал «В.П.», распечатал в нескольких экземплярах и раздал.

Через некоторое время он был напечатан сначала в «Архиве Самиздата», потом в «Посеве», потом, кажется, в «Русской мысли», а потом его цитировала в своей «Истории инакомыслия в России» Людмила Алексеева. Можно сказать, что это была моя первая тамиздатская статья. О том, что этот текст был опубликован, я узнал

только через несколько лет, потому что главу о социалистах Людмила Алексеева в первое издание своей книжки не включила. Но напечатала её отдельно в выходившем в Америке на русском языке журнале Франтишека и Ларисы Силницких «Проблемы Восточной Европы». Этот журнал попал ко мне только в году 86-м или 87-м.

— *И в 1986-м же году в Лондоне вышел твой перевод книги «Ферма Энимал»...*

— Не в Лондоне, а в Америке — в том же нью-йоркском издательстве «Проблемы Восточной Европы». (Это был первый вариант моего перевода «Зверской фермы»).

— *Я ничего не знаю про твой второй перевод «Фермы».*

— Не было второго перевода. Было неоднократное редактирование, которое приняло некий окончательный вид в 2002 году, в каковом виде (под названием «Зверская ферма») и опубликовано (с придуманным мною продолжением «Зверская ферма-2») как панорамский Самиздат тиражом примерно 25 экземпляров (см: <http://www.cityline.ru/politika/str/>). Он же висит в нескольких местах в интернете, включая библиотеку Мошкова и сайт, посвященный Орвеллу. А та первая редакция моего перевода Animal farm опубликована 4 раза: 1 раз в США (как «Ферма Энимал») и 3 раза (как «Ферма Животных») в СССР — в журнале «Литературный Киргизстан» (Фрунзе; № 1 за 1989), во фрунзенском издательстве «Ала-Тоо» в 89-м году и в ленинградском издании 1990-го года. Этот первый вариант обозначен был действительно 1986-м годом (потому что я его переправил туда в 1986-м году), но реально он вышел в начале 1987-го. Как переводчик я там тоже обозначен как «В.П.».

Переправлялась она следующим образом. Знакомый моих знакомых, работавший в Останкино, сделал с моего машинописного перевода микрофильм. (Правда, в Америке уже обнаружилось, что при проявке плёнки моё предисловие почти полностью засветилось). А в это время у моего однокурсника Серёжи Харламова появился какой-то выход на Запад. Возможно, эта была уже Пилар Бонет (многолетний московский корреспондент испанской газеты «El Pais». — АП), на которую он до сих пор работает. Во всяком случае, я с ней познакомился году в 1987-м, когда она здесь уже во всю работала. И Серёжа через Пилар

или через кого-то ещё переправил эту плёночку на Запад. Она попала к Людмиле Алексеевой, та отдала её в «Проблемы Восточной Европы», и её и напечатали. Поскольку предисловие (за исключением последнего абзаца) засветилось, то из него был опубликован только фрагмент.

В это же время я через Серёжу Харламова возобновил отношения с Кагарлицким. (Серёжу с Кагарлицким познакомил, наверное, Собченко). Это были 86-87 годы. Тогда как раз начинался КСИ — «Клуб социальных инициатив». Среди моих знакомых, которые ходили в предшественник КСИ — клуб «Компьютер» на Арбате [Подробнее о клубе «Компьютер» см. беседу Пельмана и Игрунова — Е.Ш.] (а потом и в сам КСИ), были Серёжа Агапов из Переделкина, Сережа Харламов и Кагарлицкий. С последним мы друг друга помнили, но Харламов нас как бы второй раз познакомил. Я стал захаживать к Кагарлицкому в лифтовую сторожку в писательском доме на «Аэропорте». А в соседнем доме жил Лёзов, с которым я продолжал поддерживать отношения, в том числе и по поводу обмена Сам- и Тамиздатом. И даже после того, как наши мексиканки уехали. Причём Бернарду...

— Жену Лёзова?

— Она была не жена, а подруга. Женой она стала моего однокурсника Копейкина. (Потом они развелись.)

...Её просто выслали за то, что она везла Лёзову целый чемодан Тамиздата, который купила на собственные деньги в «струвятнике» — книжном издательстве Никиты Струве в Париже. Когда её в поезде на границе взяли с литературой, ей сказали: «Если Вы хотите продолжать обучение в Москве, то Вы должны назвать, кому Вы это везли. (Где Вы это взяли, мы знаем — эту цээррушную точку). Она не назвала, и её выслали — не сразу, правда. А везла она Лёзову все три тома Солженицына в посевовском исполнении и много ещё чего. Причём один том Солженицына она привязала к ноге и провезла. Два тома, которые находились в чемодане, у неё отняли, а тот, который был привязан к ляжке, она довезла. Выслали её месяца через три после этого, а за неделю до высылки на ней сумел жениться Копейкин.

— Ты не сказал о том, почему это ты вдруг стал переводчиком.

— Это началось в 1980-м или 1981-м году, когда мне попался дефектный экземпляр «1984»-го, и я его дополнил. Затем, когда Лаура

привезла мне из-за бугра английский текст «Animal Farm», у меня сразу же возникла идея его перевести. Книжка эта тоненькая, язык простой (проще, чем в «84-м»). Ну я и засел за перевод. Переводил долго. И перевёл. Потом ещё долго обрабатывал: советовался с разными людьми, давал им почитать, спрашивал их совета, исправлял. Тот же Харламов что-то советовал (но не с точки зрения английского языка, а русского). Знакомая переводчица Таня Григорьева из нашей археологической экспедиции сличила мой перевод и с английским текстом. Поняв по отзывам друзей, что перевод неплох, я его довёл до окончательной кондиции и при случае отправил на Запад. Потом Чаликова говорила, что мой перевод «Фермы» — самый лучший.

Компьютерный период Самиздата

— Ты хотел рассказать о том, как начал размножать тексты на компьютере.

— Шёл андроповский год. У нас в археологической экспедиции был хиппи по кличке Саша Банный (Банный — потому что работал вместе со мной и Андреем Пономаревым на строительстве бани), фамилия которого была Родигин. В миру он был одним из самых первых советских программистов и работал по специальности в вычислительном центре того самого ИВТАНа (об ИВТАНе см. воспоминания В. Желнина, — АП) где-то на Северо-западе Москвы. (Когда я стал рассказывать о нём Желнину и Мурашёву, они его вспомнили). Это был выразительный и необычный человек. Мама его — художница. Сам жил на Фрунзенской набережной. Зимой он обычно работал в ИВТАНе, а где-то в мае брал отпуск за свой счёт, выходил на трассу и возвращался в конце сентября.

— Что это значит: «выходил на трассу»?

— Хиппи же путешествуют в хорошую погоду. И вот я стал приходить к нему по ночам (он по ночам любил работать, да и мне днем нужно было в музее экскурсии водить) и там набивал в компьютер тексты. Саша мне его настраивал, сам занимался своими делами, а я набирал. Тогда-то я и научился набирать тексты на компьютере.

Компьютер там был мощный, по-моему, списанный чуть ли не из НАТО и купленный нашими шпионами где-нибудь в Швейцарии

(поскольку тогда действовало эмбарго). Принтер был величиной с комнату, а как выглядел сам компьютер, я не знаю, потому что имел дело только с экраном и клавиатурой. Наверное, тоже величиной с комнату. Распечатывал он только большими буквами и на такой перфорированной бумаге — с дырочками сбоку. Печатал он долго и громко, но зато сразу по два экземпляра. Их оставалось только раздрать и разложить (Кстати, благодаря дырочкам по краю было легче такое издание переплести, — получался совсем самопальный переплет, но удобный). Я даже не знаю, в каком редакторе я на нём работал, потому что лексикона тогда ещё не было.

— *Название этой машины помнишь?*

— IBM вроде бы. Нет, «Хьюлет Паккард»! А принтер, наверное, советский, раз он печатал кириллицей и большими буквами.

Что я набивал? У меня была мечта сделать нормальный вариант «Одного дня Ивана Денисовича» — с восстановленными купюрами. (Подобный тому экземпляру «Мастера и Маргариты», который мне когда-то дали). Для этого я попросил у Елены Цезаревны Чуковской экземпляр «Роман-газеты», в котором были вклеены сделанные Цезаревной на папиросной бумаге под диктовку самого Солженицына вставки с вымаранными цензурой местами. Этот исторический экземпляр я взял и набил с него в компьютер «Один день Ивана Денисовича» целиком, восстановив цензурные купюры и, кроме того, вставив в качестве предисловия отзывы о Солженицыне легальных советских писателей — Корнея Чуковского, кого-то там ещё. Правда, Елена Цезаревна меня очень критиковала за большое количество сделанных опечаток. Первый экземпляр «Ивана Денисовича», который я её подарил, она просто весь исчеркала и мне вернула. Но пообещала отправить мою работу Солженицыну (у неё имелся канал для выхода на него), и я льщу себя надеждой, что у Солженицына в архиве лежит сделанное мною издание «Ивана Денисовича». (Между прочим, Александр Исаевич через какое-то время по возвращении в страну сами лично позвонили мне в «Панораму» сказать спасибо за панорамские справочники, которые я ему передал через Муниру. И даже обещали аудиенцию. Увы, в отличие от Путина, я пока её не удостоился). Я думаю, что суммарный тираж нашего «Ивана Денисовича» наверняка превышал 150 или даже 200 экземпляров, потому что за каждую ночь я распечатывал экземпляров 10-12.

Кроме того, мы набили воспоминания Лидии Чуковской о её встречах в Чистополе с Мариной Цветаевой (этот короткий мемуарный рассказ, изданный на Западе в виде тонкой брошюры, называется, кажется, «Предсмертие»), ее же сборник статей «Процесс исключения» (или только одну-две публицистические статьи из него?), что-то ещё. Не помню, то ли я сам, то ли пришедший со мной в ночи Ведюшкин набил сборник стихов русскоязычного поэта Мадиссона из Тарту. (Стихи хорошие были). Вообще, крутой Самиздат, крутую антисоветчину я не хотел там набивать, — всё-таки в памяти машины все тексты сохранялись.

— *А что ты называешь «крутым» Самиздатом? Разве Солженицын — не крутой?*

— «Один день Ивана Денисовича» всё-таки издавался в советское время.

— *А «крутой» — это неизданный?*

— Вот «Архипелаг ГУЛАГ» — это крутая антисоветчина. За него сажали, между прочим. За распространение «Архипелага» сажали чётко, а за распространение пусть и неопубликованного в СССР «Ракового корпуса» в Москве могли и не посадить. Другое дело в провинции, где у кагебешников вообще работы не было. Если им раз в десять лет попадётся изданная на Западе книжка, то это хороший предлог для того, чтобы десять человек посадить — всех, кто эту книгу читал или слышал о ней, но не донёс. В Москве с этим, конечно, было либеральней.

Кончилось всё тем, что наступила весна, Саше уже пора было выходить на трассу, а его не отпускали с работы, потому что Андропов ввёл новые правила, согласно которым просто так в отпуск за свой счёт было не уйти. И Саша уже думал, как следует нарушить дисциплину (например, просто не выходить на работу), чтобы его выгнали и отдали ему трудовую книжку. (Он хоть и олдовый хиппи был, твердых правил, но считал, что трудовая книжка ему еще может понадобиться). Поскольку он собирался уходить, мы решили сделать последний тираж «Ивана Денисовича» и после этого всё подчистить — всё выгрузить из компьютера. Мы пришли, всю ночь присидели и сделали, как я помню, двадцать порций — то есть сорок

экземпляров. Потом Саша всё лишнее скачал с памяти компьютера на бобины.

— *На перфоленту?*

— Нет, так было на советских ЭВМ. А в буржуйском «Хьюлетт Паккарде» вся информация хранилось на магнитной ленте.

— *Обычной коричневой бытовой девятимиллиметровой магнитной ленте, которая в магазинах продавалась?*

— Да, только бобина была большая, сантиметров 30 в диаметре, алюминиевая.

...Саша сбросил на магнитную ленту всё, что я набил, и всё, что набили его предшественники — запрещённых Стругацких (мы их тоже распечатывали, и, поскольку там была масса опечаток, я их правил), сборники Окуджавы, Высоцкого, и, может быть, Бродского. В общем, мы переписали всё на магнитную ленту (три или четыре бобины получилось), вычистили память компьютера и ушли.

А утром пришёл сменщик, включил принтер, и тот выдал ему два экземпляра «Одного дня», который в оперативной памяти остался по Сашину недосмотру. Сашу благополучно выгнали с работы, и он ушёл на трассу. Правда, перед этим к нему пришли с обыском и изъяли эти бобины.

— *Те ленты, на которые он переписал всю информацию?*

— Да. Он на них переписал и унёс их домой. Кроме того, один его приятель (или приятель приятеля), который, будучи экскурсоводом в музее «Коломенское», занимался там религиозной пропагандой (зовут его Сергей Маркус; он сейчас журналист, на каком-то радио работает) оставил ему перед своим арестом целый мешок религиозной литературы. Может быть, он не непосредственно ему оставил, а через общих знакомых, но Саша его в шутку называл: «наследство Маркуса». (Я про дело Маркуса был наслышан. Со слов барышни из «Нового Иерусалима», которая была знакома с женой Маркуса, я даже написал самиздатский текст о судебном процессе и переправил его на Запад. Кстати, на процессе обвинитель упорно называл Бердяева «Бурдяевым»). «Наследство Маркуса» у Саши тоже изъяли.

Он, правда, сказал, что нашёл мешок на улице. Ясно, что не нашёл, но судить за религиозно-философскую литературу, тем более, что у них не было никаких доносов, что он её давал кому-то читать? Впрочем, самого Маркуса осудили года на три — ссылки, кажется. Всего-навсего за Бердяева и «Раковый корпус». Вообще-то он распространял преимущественно Евангелие, но зато в массовом порядке, что гебистам было как чертям ладан. Так как «религиозная пропаганда» была хоть и явно аморальным явлением, но официально не уголовным, пришлось им подтягивать на антисоветчину Бердяева и «Корпус».

— *Маркусу?*

— Маркусу. К тому времени он уже мотал срок. А из-за случая с плёнкой я перепугался. Подумал: увидят, что там содержится, будут ИВТАНовцев допрашивать (а там меня некоторые видели по ночам у Саши). Но он говорит: «Я на неё не просто так переписал, я её закодировал. Конечно, они могут расшифровать код, но для этого нужен программист не хуже, чем я. А таких в стране мало». Я спросил: «А как ты закодировал?» Он: «Закодировал я, конечно, не очень политически грамотно, — использовал в качестве кода твою фамилию». Я не знал, смеяться мне или пугаться еще больше. Но гебисты ничего не стали расшифровывать и даже спрашивать Сашу про то, что там вообще на пленке есть, и даже про то, есть ли там «Один день». Они просто завели на него уголовное дело за кражу плёнки по статье «хищение в особо крупных размерах», потому что госстоимость унесённых бобин превышала какую-то пороговую сумму — то ли триста, то ли пятьсот рублей.

Но обыск они сделали незаконно — просто пришли и устроили шмон в его отсутствие. (Его сестра сдуру их впустила). У них не было даже ордера на это. То есть это был незаконный обыск. В конце концов он написал им заявление о добровольной выдаче похищенной им госсобственности, а заодно и «найденной на улице» религиозной литературы.

— *Его, естественно, вынудили написать это?*

— Да, вынудили написать: «напиши или посадим». Им же нужно было как-то официально оформить незаконно полученные трофеи. Но было совершено ещё одно совершенно малоправовое

действие, похожее на то, которое потом было осуществлено в отношении Копейкина. Оказывается, существовал подписанный еще Подгорным указ о возможности заключения сделки, по которому человека можно условно осудить без суда — на основании такого вот «добровольного» заявления. И Сашу без всякого суда в его отсутствие (он уже ушёл на трассу, оставив им заявление о том, что он сдаётся им добровольно) осудили то ли на год, то ли на три (условно), объяснив: если ты в этот период чего-нибудь сделаешь — набьёшь кому-нибудь морду, ларёк грохнешь, девушку изнасилуешь, то вот эти три года, полученные за хищение плёнки, будут приплюсованы к сроку за новое преступление. И показали ему указ о том, что такое возможно.

Похожая ситуация была потом с Копейкиным, который пытался перейти границу и уйти в Финляндию, но не ушёл. (Его пограничники взяли на выходе из погранзоны, когда он уже передумал и возвращался). С него получили заявление, что он действительно пытался совершить преступление, но передумал. За попытку незаконного перехода границы ему тоже дали то ли год, то ли три такого же условного срока. При этом ему показали тот же самый указ Подгорного.

— *ИВТАН наверняка являлся режимным предприятием. Каким образом ты в него попал?*

— Пробирался я туда, перелезая через бетонный забор. Я тогда был ещё более-менее худеньким, физически крепким, и мне было не в лом (и даже весело) перелезать через забор. Режимное не режимное, а щель в заборе там можно было найти. Но ближе всего к моей автобусной остановке оказалось место, где дырки не было, но зато можно было перелезть. А утром я обратно выходил нормальным образом — через проходную.

— *С какой целью вы скачали всё на магнитную ленту? Чтобы иметь возможность использовать в будущем?*

— Ну жалко было оставлять проделанную работу.

— *Ты ничего не рассказал о дальнейшей судьбе изготовленных вами на компьютере 150-200 экземпляров.*

— я их раздал. Часть мы сумели красиво переплести и, если они были переплетены за деньги, то с покупателя бралась стоимость переплёта.

— У нас осталась последняя тема — твои приводы в КГБ.

— Ой, ну это — отдельная история. Это были не приводы, а вызовы-приглашения в качестве как бы свидетеля. Ну не совсем свидетеля... Это были полубеседы (как бы добродушные) — полудопросы, а содержание — полузапугивание-полувербовка....

— У тебя есть прекрасная возможность рассказать об этом и увидеть рассказ опубликованным...

— Это — отдельная история. Это будет долго, так что в другой раз.

— То есть ты считаешь, что можно завершить эту нашу беседу?

— Да, потому что про КГБ надо рассказывать примерно ещё столько же времени.

*Беседовал Алексей Пятковский. 25 июня 2005 г.
(<http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-dissid/smysl/1058065392/1123140153.html>)*

В. Прибыловский выполнил своё обещание и три года спустя сам в несколько приёмов записал свои воспоминания об этом, которые можно посмотреть http://www.igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1172330019.html часть 2

На съёмках
экспедицион-
ного кино
с американкой
Сюзанной.

Среди участников
экспедиции.
В центре – Наталья
Борисовна Леонова.

Игорь Эйдман,
Германия

А Володя умер в глубокой бедности...

Скончался не просто известный политолог и историк современности, умер один из последних российских интеллигентов. Прибыловский был именно классическим русским интеллигентом из начала 20-го века. В отличие от подавляющего большинства сверстников и коллег, он сознательно выбрал жизненную стратегию нестяжательства и неуклонно следовал ей. Это не значит, что он не брал деньги за свой труд. Но он, по пушкинскому завету, продавал «рукописи», а не «вдохновение». Когда в 90-е годы заповедью нашей бывшей интеллигенции стало: «И торгует всяк собой: проститутка пышным телом, я талантом и душой!» — Прибыловский не стал торговать душой. Он настойчиво делал то, что считал нужным, что ему нравилось. И заработанные деньги воспринимал как приятный бонус, а не главную цель своей деятельности. Как-то я спросил его: почему ты зарабатываешь так мало по сравнению с другими известными политологами. «Понимаешь, — улыбаясь ответил Володя, — вот, к примеру, не будет олигарх Х платить политологу Б, так тот вместо хвалебной статьи на него очередной донос напишет. А я все равно, за плату или без, буду писать то же, что и сейчас. Так зачем кому-то мне платить?»

Интеллектуалы, участвовавшие вместе с Прибыловским в демократическом движении времен перестройки, затем в подавляющем большинстве выбрали рыночную жизненную стратегию. Они рассуждали примерно так: у нас теперь рыночная экономика, значит нужно продать свой товар подороже. И понесли на этот рынок все что имели: мозги и перья. Чем только не занимались люди поколения Прибыловского, в том числе его бывшие приятели. Известный политтехнолог, рыскал как голодный волк по России, навязывая чиновникам за откаты никому не нужные услуги, но в основном кормился от Газпрома. Сотрудничавший с ним маститый социолог брался консультировать любые черные пиар-кампании. Известный в сети журналист просто совершенно неприлично льстил в блоге разным своим реальным или потенциальным работодателям и спонсорам. Высокопоставленный функционер политической партии играл многие годы в реалполитик с властью. А уж про Павловского все и так давно известно, даже комментировать не надо.

Некоторые из этих людей разбогатели, все хорошо устроены. А Володя умер в глубокой бедности и теперь в сети собирают деньги на оплату его кремации. Он не поддерживал ни Ельцина, ни Путина;

не «рубил бабло», как многие его знакомые на разных манипулятивных политических кампаниях, типа «Голосуй или проиграешь!», «Путина — в президенты, Кириенко — в Думу» и т.д.

Как настоящий интеллигент Володя был смелым человеком. Как-то в конце 90-х он поспорил в буфете Госдумы с начальником ее охраны, бывшим высокопоставленным офицером КГБ. Прибыловский сказал этому гебешнику что-то типа: «Кончилось ваше время!». Ну, а тот решил показать Володе, что это не так. Вызвал охрану, которая тут же зверски избивала «наглеца», усомнившегося во всеилии российских спецслужб. Оказалось, «безвозвратно ушедший» (как мы полагали) произвол КГБ — это наше настоящее и в еще большей степени будущее. Кстати присутствовавший при избиении Володи либеральный журналист дал показания в поддержку не своего коллеги, а избивших его чекистских костоломов. Если бы такое произошло в начале 20-го века, этого журналиста ждал бы всеобщий бойкот. А в наше время интеллигенции нет, поэтому «все позволено».

Володя удивил многих, когда стал всерьез бороться с пытавшими-ся его травить сетевыми прокремлевскими гопниками, прежде всего каким-то «хакером Хэллом». Навальный, когда взломали его почту, поступил по-европейски: просто привлек этого «хакера» к суду. У Прибыловского не было денег на немецкого адвоката. Он, как Дон Кихот, сломя голову бросился в безоглядную, наивную, для кого-то смешную схватку за свою честь. Он атаковал ничтожных сетевых троллей, как ветряные мельницы, а скучающая интернет-публика «запаслась поп-корном» и посмеивалась. Володя, наверное, потерял в этом противостоянии много здоровья и сил. Возможно это было ошибкой. Но он не мог по-другому. Он был человек чести и просто не был способен молча стерпеть оскорбления. А большинство из нас пользительно и хитро молчали: мол, глупо лезть в сетевой срач, выяснять отношения с какими-то сетевыми хамами-отморозками.

«Они любить умеют только мертвых». Сеть полна траурными дифирамбами Прибыловскому со стороны известных людей: редакторов, писателей, политологов, политиков. А кто из них сделал что-то, чтобы помочь Володе? Кто из состоятельных приятелей просто предложил ему денег? Друг не тот, кто тебе даст займы, когда ты попросишь. Друг — это тот, кто сам поймет, что тебе нужно и предложит. Этот принцип дружбы традиционно был принят в среде русской интеллигенции, которая всегда активно поддерживала

попавших в трудное положение коллег. Чехов, например, как известно, отдавал на это значительную часть своих доходов. Но сейчас другие времена...

Узнав, что Володя умер, по-видимому, от естественных причин, мы облегченно вздохнули. «До чего ж мы гордимся, сволочи, что он умер в своей постели».

PS. Все критические оценки в этой статье относятся и к ее автору.

18 января 2016

МГУ. Студенческие годы

Екатерина Кривошей,
Москва

Володя

О смерти Володи я узнала из новостной ленты. Проглядывала ее, и вдруг. Это был «Сноб» или «Слон». Там еще несколько раз за день мелькали и уточнялись формулировки, как это часто бывает, — то ли просто смерть, то ли убийство. Просто смерть. Вспомнилось, как Володя сказал, когда мы пересекались в «Панораме» сразу после гибели Анны Политковской, что он тоже хотел бы умереть так, — от выстрелов в упор, что это его идеальная смерть. Он умер иначе. Но на театре боевых действий, не отклонившись от неизменного своего курса, который, как теперь ясно, был крайне опасным для него.

Стала ворошить кипы старых фотографий: искать среди них те, что с Володей. Неудержимая потребность возникла. Фотографии — это ведь, как не понимай их природу, — отпечаток ускользнувшего света, подтверждающий неизбежность всего. Обнаружились совсем древние: широко улыбающийся Аббат в форме в военном лагере; в Новом Иерусалиме (Московском областном краеведческом музее), где он работал экскурсоводом, с толпой туристов, замороженных историей и культурой. Здесь он словно не от мира сего. Еще — в экспедиции, вместе с моим первым мужем Жекой: жаркий день — солнце бьет в глаза, Володя жмурится. И с дочкой Надин Кеворковой на руках. Попалось фото из какого-то документа 1980-х. Фото к этой статье на стр 20, 79.

И еще одно фото (стр. 19), где он стоит у высокого деревянного забора на несуществующей уже, видимо, в Москве улице Эстафетной (в районе метро Медведково), в гостях. Мы с мужем снимали тогда старый, довоенной постройки, деревянный дом с дубовыми дверями и наличниками — последний бастион уже снесенного почти полностью дачного поселка. На фото он молодой, улыбающийся, скорее всего, двадцатилетний. Именно таким его и вспоминаю теперь. С этой его задумчивой улыбкой и внимательным взглядом.

Фото я сделала сама, еле уломав Володю, потащив почему-то к оному забору, охранявшему шикарные флоксы нашей хозяйки (отличный же фон! почему нет?). Пока он нехотя остановился, выжидая, криво скадрировала и успела щелкнуть. Володя не очень-то любил фотографироваться, хотя был фотогеничен.

Невольно вглядываясь в его глаза на этом фото и на других тоже, я не почувствовала его ухода. И сейчас не чувствую. Еще пару дней со дня Володиной смерти случались внезапные проблески интуиции: подумалось, что на каких-то пленках двадцатилетней давности могут

гипотетически оказаться ненапечатанные кадры с ним. Просмотрев все пленки за эти годы, странным образом нашла-таки пару таких кадров 95-го года и сама удивилась, увидев их впервые. Все пыталась вспомнить этот солнечный, судя по другим кадрам, день с конкретной датой — 27 октября. Друзья Володи опознали себя, конечно, когда я закинула фото в ленту на фейсбуке.

Чудом нашелся даже полароидный снимок вместе с ним на моем дне рождения в Ново-Переделкине, скорее всего, 1996-го года, который считала уничтоженным из-за очевидного брака. Володя с бокалом, сидя в высоком кресле, пристально смотрит в объектив, я легкомысленно сижу на подлокотнике, тоже с бокалом. Кадр вышел обманчивого рембрандтовского колорита (в действительности было светло) с выступающим из почти полной темноты володиным лицом, тогда уже слегка пополневшим. Таким я тоже хорошо помню его. И этот день помню. Мы о многом говорили тогда, в том числе о его понимании границ своей и чужой личной свободы. Чувствовалось, что он об этом много думал.

***

Володя мне полюбился с первой встречи. Он сразу оказался для меня безусловно родным, и это чувство уже никогда не проходило. Первоначально оно даже смущало меня. Трудно распознать в этом потоке чувствования, что к чему прилагается, что — к человеческому, что к юному, что к — женскому, что к — детскому. Я не вполне понимала, что с этим потоком делать, и просто жила в нем, не вдаваясь в подробности. Иногда просто хотелось увидеть его, чтобы порадоваться тому, что он, такой, есть.

Не было у меня с Володей никакого обжитого совместного пространственно-временного континуума. Я никак от него не зависела, да и он от меня, нас не связывали исповедальные разговоры, за исключением разве что одного, и толком не знаю даже, считал ли он меня своим другом, хотя я его, определенно, таковым считала. Он для меня им и был: помогал, когда нужна была помощь, делая это незаметно и без лишних слов, ничего не ожидая в ответ. Встречаясь через месяцы и годы, мы радовались, словно уходили надолго в плавание, и вот опять счастливо пересеклись на берегу. У него была какая-то особенная теплая доверительность в общении, которая очень подкупала.

Правда, в итоге, по прошествии многих лет, мы оказались-таки людьми одного карасса, по воннегутовской терминологии. Событийно

нас соединил университет (мы с одной кафедры — медиевистики, он — византинист, я — испанистка), палеолитическая экспедиция МГУ, в которую я ездила в течение пары лет во время первого брака, а он — всю жизнь, Новый Иерусалим, где мы несколько лет жили почти напротив друг друга в странноприимном доме, полностью подтверждающем свое название. А еще была «Экспресс-Хроника», которую я печатала с легкой руки Володи почти с момента ее возникновения, и «Панорама», где я тоже урывками подрабатывала в самых разных незамысловатых качествах: «резчицы» газет, «обзвонщицы» — для телефонников, дизайнера сайта. Больше памяти о Володе осталось, конечно, в 1980-90-х, когда мы оказывались рядом большими отрезками жизни.

Первая встреча с ним была в университетской общаге: нас познакомил Жека, мой в ту пору жених. Я чувствительна к обаянию именно такого рода, какое излучал Володя, и слегка опешила, когда впервые увидела его среди друзей и знакомцев Жеки, — смеющегося, внешне очень уверенного в себе, остроумного, свободного и старше меня на невозможные несколько лет. Он еще был, насколько помню, в каких-то сапогах на небольшом каблуке, немного смахивавших на мушкетерские, отчего казался выше ростом. Это потом уже я узнала, что он по совместительству господин Аббат... Мне было что-то около девятнадцати — двадцати, и невыразимая легкость бытия, которая циркулировала в Володе, запала в меня намертво. А то, что с этой первой встречи он стал вести себя со мной по-свойски, словно мы были старинными друзьями, добило меня окончательно. Была в нем какая-то правильная необремененность жизнью, ее вещественной стороной, которую начинаешь по-настоящему ценить, когда ты уже не юн вовсе. Столь легких и осознанно бесстрашных людей мне уже не довелось встретить.

В те университетские годы он был женат на мексиканке Лауре, тоже учившейся в МГУ или уже отучившейся и ставшей аспиранткой. С ней я познакомилась позже, тоже в общаге, но в другом месте. На первой встрече она угощала нас ракушками с майонезом или чем-то в этом роде, на первый взгляд, весьма незатейливым. Однако блюдо показалось отменным на вкус, и я, как говорится, могу лишь догадываться о секретном ингредиенте той лапши. Лаура — темно-волосая, темноглазая, темпераментная, веселая, непосредственная, взрослая, уже мама. Она обладала неотечественной открытой улыбкой и состоявшимися политическими взглядами, о которые мог

разбиться трансатлантический лайнер. По признанию самого Володи, они с Лаурой довольно часто и горячо спорили на политические темы, не вполне совпадая векторами.

Лаура умела малыми средствами соорудить вкусную еду почти из ничего и расцветить быт простыми и изящными средствами. Помню, она делала своими руками воздушные мобили из ярких разноцветных ниток, — традиционное мексиканское домашнее украшение наподобие ловцов снов. Работа требовала, на мой взгляд, адского терпения. Эти полосатые нитяные ромбы медитативно колебались в воздухе, подвязанные к тонким рычагам-противовесам. Инопланетная вещица. С ее легкой руки так вышло, что я, беременная, а затем моя новорожденная дочь Лариса вслед за Лаурой и маленькой Светой, ее общей с Володей дочкой, надели сочные мексиканские наряды, а это были, на минуточку, восьмидесятые. Нездешнее «беременное» платье цвета индиго очень удобного кроя с вызывающе яркой мексиканской вышивкой, в котором я дефилировала по улицам Москвы и области, было элементом, исподволь подрывавшим для меня рутину тогдашней жизни... До сих пор сохранился тканый пояс и темно-синяя льняная юбка, тоже с вышивкой, подаренные Лаурой. Все эти вещи при каждой очередной встрече передавал от нее Володя. Осталась с тех времен еще школьная тетрадка Либертад, падчерицы Володи, с ее детскими рисунками. Может быть, она откликнется и заберет ее когда-нибудь. Володя любил рассказывать о Либертад, поражаясь и восхищаясь той скоростью, с которой та росла и хорошела, превращаясь в девушку.

В качестве лирического отступления в этом непрерывном моем лирическом отступлении, посвященном Володе, отмечу, что его всегдашнее благоволение и интерес к женскому полу, которые он и не скрывал особенно, — было неиссякаемой и естественной частью его натуры. Более того, сколько помню, он слыл опасным ловеласом. Время от времени, случалось, меня предостерегали от близкого общения с ним. Не то чтобы я была сильно искушена во флирте, но все-таки рискну заметить, что так не флиртуют, как это делал Володя. Подвыпив, лукаво улыбаясь, с бокалом в руке наперевес, он мог внезапно сказать нечто такое при встрече на какой-нибудь тусовке, что вполне тянуло на официальное предложение, и при этом попутно настоятельно советовал, скажем, немедленно перекрасить волосы в другой цвет: «Учти. Темненькой ты мне больше нравишься!».

В этом своем качестве, как и в других, впрочем, Володя ассоциируется у меня не с виконтом де Вальмоном из «Опасных связей», а с хитроумным Одиссеем, хотя сам он, безусловно, отождествлял себя с Аббатом, то бишь Арамисом (о чем недвусмысленно как-то намекнул в одном из своих писем), и любил, когда его называли именно так — «Аббат». Смуглый, поджарый, смолоду тертый, желчный, битый, при этом лучезарно улыбчивый, преданный своему главному делу и упертый в этом, открытый и не без лукавства, пронизательный и порой убийственно откровенный странник-рассказчик, путешествующий по жизни. Кузнец своей жизни. Мирολюбивый воин. Любящий отец. Хронист-мореплаватель, скользящий на своем корабле по морю-океану информации между его сциллами и харибдами и с любопытством изучающий их. Он не запечатывал себе уши воском, внимательно выслушивая пение всех политических сирен. Вечный путник с легкой походкой... Логично предположить, что на пути у него были схоронены гроты с нимфами калипсо.

А еще — ревностный обожатель Марины Цветаевой, которую называл Марин-Иванной и с которой его кровно связывал родной Чистополь. Радикальный климатический реформатор — создатель и лидер «Субтропической России» с ее идеальными для комфортной жизнедеятельности 20 градусами по Цельсию. Вот она — солнечная Итака... Он мог целиком заглотнуть субтропический лимон, разжевать его, не поморщившись, — и гордился очень этой своей суперспособностью. Член Партии любителей пива, в программных принципах которой декларировалась уникальность и своеобразие каждого человека, его право самостоятельно решать вопросы, связанные с собственной жизнью, и право не пить пиво.

Медиевистов на истфаке было немного, так что, познакомившись, мы невольно оказались в периферии обоюдного внимания. Его научным руководителем был С. Карпов. Он много общался тогда с С. Аверинцевым. Уже тогда светлый ум Володи и его эрудиция поражали воображение, но с аспирантурой у него не задалось. Я не помню точно, но, видимо, это связано было с наличием жены-иностранки и с тем, соответственно, что информация об этом вовремя и не без чьей-то помощи дошла до компетентных ушей.

После защиты моего диплома Володя весело намекнул мне, явно рассчитывая на магарыч, что провел мягкую алкогольную обработку своего приятеля-испаниста, который был тогда моим оппонентом

и славился непримиримой суровостью по отношению к дипломникам на защите. Я узнала об этом постфактум. Защита прошла на удивление мирно, но я все же не была вполне уверена, что Володя меня не разыгрывает. Вообще же диплом, который по многим житейским причинам грозил оказаться моим пожизненным позором, получился вполне сносным, отчасти тоже благодаря Володе. Он познакомил меня с удивительным человеком этнографом Сергеем Серовым, который снял с полки своей личной библиотеки двуязычное издание неопытного трактата испанского богослова и правоведа XVI в. Франсиско де Витория, противника насильственного истребления и христианизации индейцев-язычников — своего рода ученого правозащитника тех времен, и вручил его мне. Трактат оказался крайне любопытным. Я взяла его за основу дипломного проекта. Сейчас-то упомянутый автор гуглится на ура, а тогда это был не опубликованный и не переведенный у нас источник. Это меня спасло.

Главное, что было для меня в Володе очевидно и значимо уже тогда, в университетские годы, — это его спокойная пронизательность в отношении людей, близких и далеких, способность их слушать-слышать и понимать. Это качество, бесценное для исследователя, было присуще ему, мне кажется, изначально, но он его несомненно попутно развивал в себе, используя на все сто вкупе со своей исключительной памятью. Володя вполне мог быть пристрастным в своих оценках, но люди в его рассказах были живыми, в их естественной противоречивости и цельности, объеме и внутреннем движении, как если бы он никогда не терял из вида другую сторону медали. Это какое-то врожденное качество мудрой души, которое я встречала у единиц. Возможно, именно оно позволяло Володе находить общий язык с представителями диаметрально противоположных форм политической жизни, признавая их право быть таковыми, какие они есть, и заявлять о себе в характерной для них форме. Его поистине даосское уважение и интерес к жизни во всех ее проявлениях, — конкретно, к политической жизни, включая экстравагантные, уродливые, но красноречивые ее крайности, — сначала удивляло меня, а потом стало восхищать. В той Периодической системе политических элементов, которая прорисовывается из володиных изысканий и исследований, он уточнял постоянно и свое место, и это свидетельство его человеческой и исследовательской честности.

Володя часто был точен в своих прогнозах. Многое из того, что он предсказывал еще лет тридцать назад на Эстафетной или позже

в келье у Леши Кадацкого происходило впоследствии, к примеру, бакинские события 1990 г. Запомнила его всегдашнюю манеру говорить негромко, выбирая точные слова. Ему не были свойственны интеллектуальный невротизм, потребность в демонстрации своего умственного превосходства или синдром непререкаемой правоты. Не было в нем ни тени самолюбования. Не помню в нем нутряного осуждения, мстительности, ненависти или враждебности, если только речь не шла, скажем, об очевидном стукачестве, и тогда в его обычно спокойной речи звучали нотки плохо подавляемой брезгливости. В нем проступала здоровая злость. Но она лишь оттеняла его в целом миролюбивую натуру.

На последнем курсе университета я невольным образом, как кур в ощи, угодила в палеолитическую археологическую экспедицию МГУ, попав туда в качестве свежеиспеченной жены археолога Жеки, ученика начальницы экспедиции Натальи Борисовны. Немного погодя по факту я осознала себя находящейся в конфликте с ней. Володя пытался развязать этот гордиев узелок, не раз ненавязчиво и с юмором объясняя мне нехитрую подоплеку происходившей между нами коллизии и мягко призывая к пониманию ее другой стороны. Мне было непросто тогда. Помню, как в процессе обычного вечернего экспедиционного боярского застолья, взбешенная чем-то или внезапно опьянев с одного стакана местного крепленого вина, которое без околичностей вводило новичков в состояние измененного сознания, я ломанулась из-за стола и побежала куда-то в степь, благо она была кругом, плюхнувшись в высокую мураву. В мрачнейшем расположении духа. И испытывая дополнительную ярость от своей вспыльчивости. Через несколько мгновений или почти сразу возник Володя, неторопливо сел рядом молча, обхватил руками, сцепив их на груди, и просто спокойно, улыбаясь, так и сидел, в его столь характерной задумчивой манере. После его смерти, рассматривая самые разные фотографии, я встречала несколько раз этот его теплый, обнимающий и охватывающий жест в отношении других женщин, включая и Наталью Борисовну, — жест, обладающий несомненной терапевтической силой. Это, может быть, главный эпизод, который вспоминается мне сразу в связи с Володей: галактика Млечный Путь, Рукав Ориона, Солнечная система, Земля, Мясниковский район Ростовской области, село Недвиговка, степь, мурава, вечереет, сидим, молчим вместе. Хорошо. Все фигня.

***

По счастью, волею судеб в 1980-е я оказалась в полудиссидентской среде, где происходил процесс непрерывного взаимного обмена литературой и информацией в целом. Сначала в доме на Эстафетной, в экспедиционном кругу, потом в странноприимном доме Ново-Иерусалимского монастыря — общежитии его сотрудников, куда я перебралась в середине 1980-х вместе с моим вторым мужем Иваном. На Эстафетной Володя бывал как гость, а в Истре мы надолго, года на два, оказались соседями.

По бытоустройству странноприимный дом был обычной общагой с общим коридором, умывальником, туалетом, а также тесноватой кухней, где за варкой куриного бульона мужчины частенько обсуждали вопросы метафизического свойства. Особенно вкусно все это получалось у нашего общего друга Леши Кадацкого. Мы все жили в небольших, девятиметровых, кельях, правда, обремененных столетним бэкграундом, как сказали бы сейчас, с высоченными потолками и окнами. Двери келий были по преимуществу открыты: сквозь них перетекали из одной комнаты в другую молодые сотрудники музея — обитатели этой странноприимной общаги, одного из немногих мест в Подмосковье, где могли осесть, получив работу, немосквичи с высшим гуманитарным образованием.

Наша с Иваном и Володина кельи располагались наискосок напротив друг друга. Иван хорошо знал Володю по студенческим временам, и у них был общий друг, Геша, который погиб нелепой смертью незадолго до нашего переезда в Истру — Новый Иерусалим. Помню поминки со свечой в темной комнате у Леши. Невозможная смерть очень молодого, очень яркого и живого человека.

В соседней келье жил упомянутый Леша Кадацкий, которого мы знали и по экспедиции, и по совместной жизни на Эстафетной. На его гипнотизирующую речь ежедневно слетались гости и коллеги, чтобы обсудить постоянно воспаленную ситуацию, связанную с реконструкцией шатра ротонды Воскресенского собора монастыря, вокруг формы и размеров которого шли настоящие битвы, а также текущие события, слухи, политику, поэзию. Володя часто засиживался у Леши — через коридор из приоткрытой по соседству двери звучали голоса. Кажется, часть своих бумаг он хранил именно у него, изредка что-то передавал нам с Иваном, когда возникали тревожные обстоятельства. Потом забывал забрать обратно, а мы забывали отдать. Как-то он

принес стопку бумаг, которую попросил спрятать, и я, ничтоже сумняшеся, в худших конспирационных традициях, запихнула ее куда-то под детскую кроватку.

По длинному коридору общаги, упиравшемуся в долгое вертикальное окно, носилась тогда с воинственными кличами моя полуторагодовалая дочь Лариса, которую перехватывали на лету и привычно подкидывали вверх все встречные чадолюбивые обитатели мужеского пола, включая Володю, а я в ту пору вынашивала вторую дочь. И с момента, когда я уже перестала работать, общим фоном моей жизни были дети и поглощение литературы: размеры ново-иерусалимской кельи давали мало простора для домовладельческих забот.

Это было очень счастливое время. Всамделишные — true — университеты. Моя искушенность во всем этом потоке антисоветчины, сливавшейся с русской эмигрантской классикой и публицистикой, первоначально стояла на нулевой отметке. Я, определенно, была *tabula rasa*. И чтение было упоительным. Каждая книга открывала какую-то степень свободы. И, думается, что эта роль, которую добровольно взял на себя Володя тогда, в 1980-е, — роль носителя информации в буквальном смысле этого слова и таким образом просветителя для многих своих друзей, приятелей, знакомцев и незнакомцев, — была самой достойной и правильной. Отчетливо помню тогдашнее острое чувство благодарности судьбе, что у меня есть такая возможность — читать эти книги. Низкий поклон тебе, Аббат.

Флоренский, Бердяев, Солженицын, Авторханов, Волкогонов, Мережковский, Лидия Чуковская, Надежда Мандельштам, Войнович, Конквест, Аксенов, Бродский, «Вехи», «Континенты»... Буковский отдельной строчкой. «И возвращается ветер...» — после этой книги трудно было остаться прежним. Читала я все без исключения и без всякой системы, разумеется, как оно шло, так и читала. Володя заходил к нам время от времени с двумя-тремя книгами и толстыми журналами, а то и со стопкой, оставлял их иногда строго на день, иногда строго на ночь, иногда на неделю. Именно так за ночь я и проглотила как-то два тома Мережковского с «ятями», просветлев к утру.

Весной все знали, где можно застать Володю наверняка. Первое мартовско-апрельское солнце, река Истра-Иордан. Это было делом чести — словить полной мерой уже яркое, но еще холодное солнце и забронзоветь по-латиноамерикански. Вообще напитаться солнцем впрок. Не представляю, как Аббат совмещал свою работу сотрудника музея с бесконечным принятием солнечных ванн, но было ощущение,

что он пользовался любым моментом, чтобы растянуться на крутом берегу речки Истры, неподалеку от никоно вского скита, и с истинно животной грацией расслабиться под ее стремительный бег. Среди фотографий Володи, которые выпали на его фейсбучной ленте, увидела одну, где он ровно таким же образом загорал, прислонившись к мексиканской пирамиде. Уж не пирамида ли это Солнца в Теотиукане?

С легкой руки Володи я тогда часто находила работу на дому, главным образом, машинистки, благо владела этим навыком довольно прилично: печатала статьи, диссертации, а позже стала одной из машинисток, печатавших «Экспресс-хронику». Закладывала сверх положенных 10 экземпляров папиросной бумаги еще и 11-й, относительно читабельный, который при случае забирал Володя. Помню, когда вышел последний номер «Экспресс-Хроники», всем машинисткам была дарована большая банка кофе Nescafe — неслыханная роскошь по тем временам. Спустя много лет вернула Володе папкой оставшиеся экземпляры для самиздатского архива.

В то время, в середине восьмидесятых, Володя все реже ночевал у себя в келье. Ко мне тогда часто приезжала моя университетская подруга Таня, которую сложно было разместить в наших японских обстоятельствах. А ей в ту пору вообще сложно было найти себе какое-либо пристанище (она родом из Баку), и Володя сам охотно отдал ей ключи от своей кельи, чтобы она ночевала в ней, гостя у нас с Иваном.

Спустя время все мы переехали. И многожды переезжали еще, сменяя квартиру за квартирой, иной раз въезжая в них друг за другом. Архивы сливались и путались, оставаясь недоразобранными, и так, видимо, у меня и осела какая-то часть володиных фотографий и бумаг. Однажды, спустя годы, я даже обнаружила вкладыш его диплома, в котором была, кажется, единственная и красноречивая непятерка — по военке.

В последний раз мы встретились в декабре 2007-го, во время сбора подписей за выдвижение Владимира Буковского на должность президента. Володя был в инициативной группе. Увидев в толпе, он узнал меня сразу, улыбнулся и тотчас пошел в толчее куда-то... Вернулся с шампанским, мы выпили, и он расцеловал меня. Он выглядел в тот день счастливым. «И возвращается ветер...»

В. Прибыловский ведёт экскурсию в Новом Иерусалиме.
Снимок предоставлен Е. Кривошей.

На переднем плане Лаура и Либертад,
на заднем плане А. Копейкин
и В. Прибыловский. Мексика, 1986 г.

Игорь Торбаков,
Владимир Прибыловский,
Анатолий Копейкин.
*Общежитие главного здания
МГУ, 1983.*

С Екатериной Кривошей.

В. Прибыловский,
Сергей Митрохин,
Григорий Белонучкин,
Игорь Кудрявцев.
*Снимок предоставлен
Е. Кривошей.*

Владимир Прибыловский, Игорь Торбаков, Лаура Гарса Буэно, Анатолий Копейкин. *Общезитие главного здания МГУ, 1983.*

Алексей Кадацкий.

**Вадим Кругликов,
Израиль**

Попытка некролога

Зимой 1979-1980 гг. в общежитии МГУ ДСВ происходил большой предримский ремонт — общага должна была стать недорогой гостиницей для участников мероприятия. Методы были просты и радикальны — выселялся этаж, население же его подсовывалось третьими в двушки или четвертыми в трешки. Меня поселили в трешку. Я прожил там месяца три.

Ночевали там четверокурсники или пятикурсники, не помню сейчас — сам-то я был черпак, со второго курса, они для меня существами из сфер были. Археологи Гена Якимов, Ваня Ершов и византист Володя Прибыловский. Еще к ним ходили люди. Довольно быстро я выяснил, что попал, скажем так, в интеллектуальный центр их курса. Они писали какие-то тексты, которые публично читали и обсуждали. Это были офигенные мероприятия — человек десять остроумных злых интеллектуалов: «Сегодня Копейкин придет читать». Тексты были про искусство, или это было подражание литературным анекдотам типа апокрифам Хармса — помните: «Лев Толстой очень любил детей...», где была зафиксирована история их курса — там реальные люди существовали в виде персонажей из «Трех мушкетеров». Был еще набор каких-то странных и смешных коротких текстов, распространившихся в копиях и имевших успех*. Я долго учился, я видел много курсов. Этот я считаю самым мощным. Ну, Мизиано там учился. Расторгуев. Торбаков. Собченко. Копейкин. Затулин, правда, тоже учился. Ладно, перейдем к туземцам.

Геша Степанов. Про него в мушкетерской истории — он там был шевалье д'Артаньяном — была такая. Однажды проснулся шевалье д'Артаньян во время третьей пары, посмотрел в некотором раздумье на свою рубашку, схватил ее и начал мыть ею пол, приговаривая:

---

* По памяти, текста у меня нет: «Однажды один философ пошел к реке омыть в холодных ее струях свое брненное тело. Подойдя к ней, философ разоблачился и вошел в поток, некоторое время там пребывая. Вернувшись же затем на берег, тоги своей не нашел, ибо она была украдена. «Не только нельзя в одну реку войти дважды, но и из одежд своей выйдя однажды, уже в нее не вернешься», — молвил философ. Оглядев окрестности в поисках чем прикрыть свой срам, он увидел вдалеке высокое дерево с фиговыми листьями. Подойдя к нему, он обнаружил, что листья растут на известной высоте. Философ достиг первых из них, но любопытство завело его на самый его верх. Оглядев оттуда окрестности, он обнаружил, что Земля кругла. Так умные люди всякое обстоятельство обращают в свою пользу». *Примечание составителя: автор текста о философе — Анатолий Копейкин.*

«Да что ж это такое, который месяц ношу, а она все белая». Не знаю, какие реалии описывает этот текст. Если гешину, скажем так, некоторую физическую нечистоплотность, то тогда дополнительные смыслы получает история его смерти — а он давно погиб. Мылся после раскопок, дело еще в совке было, душ там был 200-литровой бочкой, она, собственно, на него и упала.

Ваня Ершов. На первом курсе он был таким головастиком — худой, голова большая и в очках, типичный ботаник. Очень умный, конечно. Поступил сразу после школы и выглядел, как школьник. Жил на первом курсе с широким парнем Шурой Александровым, прошедшим погранвойска и рабфак. Вот приезжают к Шуру бывшие два однополчанина с рюкзаком водки и консервов, деликатно стучатся и спрашивают Ваню, здесь ли живет Шура, и когда он будет, и можно ли им его тут подождать. «Да», — отвечает сосредоточенный Ваня, предлагает им место, где расположить пожитки, и продолжает читать монографию про археологию Месопотамии. Проходит час. «Вань, может, мы выпьем немного, а то ехали-ехали, а Шуры все нет?» — деликатно, опять же, спрашивают сослуживцы. «Да, конечно, пейте. Он, наверное, в библиотеке», — отвечает Ваня и продолжает читать. Бывшие воины открывают закуску, просят стаканы, естественным образом спрашивают, выпьет ли Ваня. «Да, конечно», — был ответ. Ребята разливают бутылку на три стакана. Ваня выпивает свои 166,666... граммов как воду, не отрываясь от монографии. «Вань, ты закуси», — советуют слегка охреневшие недавние защитники Отечества. «Нет-нет, спасибо, все нормально», — отвечает Ваня и продолжает читать.

Проходит полчаса. Витамин пошел и улегся. Требуется добавки. «Вань, может, еще по одной?» — «Да, естественно». Все опять повторяется. В третий раз тоже. «Ни хрена себе школьник дает», — думают проверенные отставные бойцы незримого фронта. Монография у Вани, правда, уже вверх ногами, но он ее читает.

После четвертой Ваня встал. «Шас...» — сказал он, дошел с неизвестной целью до двери, открыл ее, некоторое время постоял строго в проеме, не сгибаясь, как лист фанеры, упал очками вперед в коридор и остался так лежать, с вытянутыми по швам руками.

Жив.

Володя Прибыловский. Это самый сложный пункт. Я не помню какую-то фольклорную историю про него. Ничего яркого. Володя был спокойным, каким-то естественным антисоветчиком. Это убеждало.

Спал без трусов. В этом тоже тогда была какая-то оппозиционность. Был нищ. Настолько, что от него постоянно пахло луком. Один из тех, кто повлиял на мой мозг. Во-первых, он окончательно развалил в моей голове остатки шестидесятнического мифа об изначально хорошей сути коммунизма, с которым я пришел из семьи в университет. Ну, помните — «Уберите Ленина с денег...». Вот что-то типа того. Был он как-то по-хорошему плох, циничен и зол. Но без надрыва. Во-вторых, он научил меня играть в игру «Ситуации»**, где был такой шедевр — «В лесу лежит труп». Кто знает эту игру, оценит. Я знаю, что эту ситуацию кто-то разгадал за четыре вопроса. Еще мы с ним оба любили Маркеса.

Когда эти три месяца кончились, меня выгнали из университета, и я, несколько поколебавшись в других помещениях, уехал в Ялту, на малую свою родину. Потом меня забрали в армию, потом я восстановился в правах и снова стал жить в общежитии. Там иногда появлялся Прибыловский. Во всяком случае, лет тридцать назад мне удалось занять у него десять рублей на водку. Тогда же я узнал, что в то незабвенное время, когда я ночевал рядом с ним на раскладушке, он был просто нормальным профессиональным диссидентом, витавшим, если я все правильно помню, даже в ауре «дела МГИМО». Ведь что творил — антисоветчину, гад, сочинял и распространял. Не только свою. Это он дал мне почитать на ночь где-то через пару месяцев после Чернобыля номер журнала «Страна и мир», где был описан весь механизм этой катастрофы. У нас-то это тогда тщательно скрывали. Забрал его Володя только через неделю, уже полкурса моего прочитало.

Тут пришла пора написать, что в последние годы мы виделись мало. Не напишу. Не виделось. Последний раз — лет двадцать назад. Так, в Фейсбуке дружили. Иногда — по телефону. И десять рублей я ему так и не отдал.

P.S. Может возникнуть вполне естественный вопрос — а зачем я все это написал? Толком ничего не рассказал. Так, приплел пару

** Ведущим описывается ситуация. Участники задают вопросы, построенные таким образом, что на них можно дать только два ответа — «Да» и «Нет». Задача — естественно, разгадать. В данном случае, что за труп. Даже в этой безобидной игре проявлялась Прибыловского профессиональная жесткость историка — если возникал вопрос какой-то общий, на который на да, ни нет ответить было нельзя, он тут же выдавал: «Некорректный вопрос».

баек, не имеющих отношения. Не пиарюсь ли я на смерти довольно известного парня? Ну, другом и соратником не был. Пуд не ел. Так ведь, в общем-то, даже не приятельски общался.

Охотно отвечу. Я наконец-то вступил в возраст, когда смерти каким-то образом связанных с тобой людей наступают все чаще. Но еще не привык к этому. Поэтому каждую такую смерть хочется как-то не оставить безмолвно, потому что это — шок, ты ведь знал его хрен знает сколько времени, а он взял и сдох, сука, и это напоминание тебе, что и ты сдохнешь. Это же не Александр Македонский дуба врезал, он был в истории, а не в твоей жизни. Смерть близкого — это твоя смерть. А кому это понравится. Хочется как-то заговорить эту смерть — значит, и свою. Впрочем, по-моему, это бесполезно. Старики так говорят.

А, еще надо отдать дань. Ну, свербит в организме, что-то нужно сказать вслед. Как на похоронах.

С Лёней Титовым, местным жителем. Донская экспедиция.

На сборе экспедиции
в Москве.

Екатерина
Кривошей.

Владислав Зубок,
Лондон

Лента памяти

2 января 2016 года пришла печальная новость: Володя Прибыловский умер в канун старого Нового года. Лента памяти раскручивается назад, кадр за кадром.

Последняя встреча на его московской съемной квартире была в начале 2000-х годов. Он перевел тогда на русский «Скотский двор» и подарил мне экземпляр. Жил Володя без уюта и не обращал внимание на отсутствие комфорта. Он снимал жилье в Москве, и с какого-то времени ему стало непросто утнаться за московскими ценами. Уже тогда, кажется, ФСБ конфисковало у него жесткий диск его компьютера. После «вольницы девяностых» наступали новые времена. Володя жаловался на наступление интернетовской эры и на то, что может закончиться век собирания «бумажного компромата» на российских деятелей, которым он занимался еще с давней правозащитной эпохи. Он тогда начал переводить свои данные в электронную версию и справился с этим отлично. Еще он говорил о том, что в Интернете появился его якобы конкурент, которого он подозревал в том, что тот создан кремлевскими наймитами.

Предыдущая встреча была на съемной квартире совсем рядом с домом, где я долгое время жил, рядом с Аэропортовской. С ним жила юная особа, с которой он подружился в Недвиговке, студентка то ли истфака, то ли филфака. За все время нашего с Володей общения на общие темы она молчала, грызла яблоко, и что-то читала.

Наиболее яркие и давние воспоминания о Прибыловском у меня связаны с нашим путешествием поездом от Москвы до Недвиговки в 1981 году. Это было сразу после окончания МГУ, я уже поступил в аспирантуру и чувствовал себя этим очень гордым. Володя взял с собой жену Лауру, что было в то время нелегально. Мексиканка не могла в то время выезжать из Москвы без разрешения. Тем более по стратегической трассе, по которой тогда всю дорогу шли грузы военного значения — мы были уверены, что это в Афганистан. Мы поместили Лауру на верхнюю полку, обрядили ее в русский платок и сказали, чтобы не говорила ни слова по-испански, когда в купе был кто-то еще. Но ехали долго, и четвертого человека в купе на каких-то перегонах не было. Лаура читала на верхней полке «Тихий Дон» по-испански, а мы с Володей шутили, когда видели очередной военный состав, чтобы она задернула шторку окна.

В Недвиговке Володя был всеобщий любимец, особенно — женщин и детей. Тогда же у него завелся друг в станице, из казаков.

Помню, мы все решили пойти на ловлю лягушек и изготовить из них французский деликатес. Володя излавливал лягушек как Базаров, без лишней сентиментальности.

Разумеется, «техническое помещение» археологической экспедиции в Недвиговке было тогда отделением Тамиздата. Там валялись — иного слова не подберу — толстый том Конквеста «Большой террор» и много еще чего интересного. Не помню, чтобы был Солженицын. Большая часть этого, кажется, происходила от Володи и его связей. Но, наверное, были и другие контакты.

Володя позже пару раз просил меня добыть ему в спецхране какие-то сведения о «Солидарности» (пока ее не разгромили в декабре 1981 года). Он принес мне материалы по афганской войне и попросил их хранить на моей квартире на Аэропортовой. Кажется, это была «Хроника текущих событий». Я, помню, был поражен какими-то описаниями войны, что-то связанное с жестокостью действий советской армии. Через несколько лет, в 1989 году, когда за это Червонопиский «обличал» А.Д. Сахарова, я вспомнил о Володиных материалах.

В 1987 году я впервые побывал в США и попал на съезд славистов в Бостоне. Там мне надавали тамиздатских материалов, которые я благополучно провез в СССР. Разумеется, показал их Володе, и он мне тут же объяснил, сколько мне бы «дали» за материалы издательства «Посев», которые я привез.

Позже я видел Володю на новом Арбате, где тогда на улице было много ларьков со старыми книгами. Мы увидели друг друга, остановились, поговорили. Он сказал, что идет с приема в одном из посольств. «Там можно выпить столько красного вина, сколько хочешь», — сказал он.

Я прекрасно помню манеру Володи говорить, он никогда не кричал и не раздражался, всегда говорил собранно, по-делу, фактически точно.

Еще помню, как мы ехали по эскалатору метро «Маяковская» и он рассказывал, что дал почитать «Дар» Набокова Сергею Сергеевичу Аверинцеву. С ним и его женой он был хорошо знаком, прежде всего византийским историческим сюжетам. Он передал реакцию Аверинцева на книгу: «Странные люди, эти любители насекомых».

С Тамиздатом связано еще одно интересное воспоминание о Володе. В годы ранней перестройки, когда уже начинали переставать

бояться читать «всё», но советские газеты и толстые журналы еще не начали наперебой печатать это «всё», мой однокурсник Олег Тарасов дал мне почитать на несколько дней воспоминания Владимира Буковского. Книжка была в отличном состоянии, но в мягкой обложке, поэтому Олег посоветовал обращаться с ней осторожно. Мы с женой проглотили книжку за два-три дня, и как раз в эти дни я встретился с Володей и рассказал ему о большом впечатлении от книги Буковского и от личности автора. Он попросил книгу на два дня, и я ему ее дал. Когда мы встретились вновь, кажется, у памятника Юрия Долгорукого, он мне вручил книгу, которую я не узнал. Она была «переплетена» — то есть белые листы обложки были наклеены на какой-то советский картон. Благодаря «переплету» — и не только ему — книга была просто покалечена. Не буду пересказывать, что я говорил ему и потом говорил Олегу, возвращая книгу. Володя был неутомимым распространителем информации и не признавал в этом деле никакого этикета.

Весной 2013 года я работал в Гуверовском архиве, и вдруг увидел там архив Прибыловского. Заказал его материалы. Мне дали аккуратный бокс, с наклеенным маркером и номером. Там были аккуратные папки. В каждой папке было что-то неопишуемое — вырезки газет, журналов, некоторые как будто были только что извлечены из корзины. На некоторых были явные следы употребления красного вина и масляные подтеки. Володя любил сочетать сбор материала с приготовлением пищи и употреблением своего любимого (после пива) напитка.

Владимир Прибыловский

Алексей Собченко и еврокоммунисты

Я тоже помню тот день тридцать лет тому назад. Точнее вечер того дня — что я делал днем, я как раз совсем не помню. То ли водил экскурсии в «Новом Иерусалиме», где тогда работал, то ли сидел в Ленинке (если я в этот день был выходной).

А после 11 вечера — может быть даже ближе к 12 ночи — в комнате общежития в «высотке» — Главном здании МГУ, где я жил у своей мексиканской девушки (будущей жены) Лауры, вваливается взъерошенный Собченко и шёпотом сообщает, что он только что из Лефортовской тюрьмы, с допроса КГБ, и что весь день у него был обыск.

Мы все трое выходим из комнаты в коридор — во-первых, потому что всегда подозревали наличие в нашей комнате «жучка», а во-вторых, чтобы не будить Либертад, 8-летнюю дочку Лауры, которая уже спала и которой рано утром было в школу.

В коридоре Собченко рассказал подробности: о ком спрашивали, что уже знают и т.д. Ни мною, ни Лаурой не интересовались, но спрашивали о Рое Медведеве, Паше Кудюкине, братьях Фадиных, Борьке Кагарлицком, Косте Барановском (знакомый Собченко, мне тогда неизвестный), «о каком-то шрифте» (о шрифте см. здесь — <http://lj.rossia.org/users/anticompromat/19143.html>). Собченко перечислил мне еще какие-то имена, которые я впервые слышал и потому тогда не запомнил. [в частности, об Андрее Шилкове из Петрозаводска, Карпюке и Зайченко — бывших истфаковцев с курса Кудюкина].

В числе прочего у Собченко искали русский оригинал письма московских подпольных социалистов лидеру компартии Италии Энрико Берлингуэру, которое он перевел на итальянский. «Не нашли — ума не приложу куда оно делось! Я был уверен, что письмо в словаре, но они листали и трясли словарь — нет его там...» (через полгода Собченко нашел письмо — в том самом словаре).

Лешка уже знал (или предполагал), что Кудюкин, Фадин и Кагарлицкий арестованы.

— А ты нам хвоста не привез? — спросил я.

— Нет, я долго плутал по метро, и если и был хвост, то я оторвался. (В инструктаж по конспирации, который со мной за три года до того провел Кагарлицкий, тоже входил уход от слежки через метро. Пригодилось, кстати, впоследствии неоднократно).

Втроем мы сочинили текст информационного сообщения для прессы об «арестах и обысках КГБ в Москве у группы самиздатчиков еврокоммунистического направления», который Лаура записала.

Поговорив полчаса, мы разошлись. Лаура пошла к одному выходу из высотки — звонить с таксофона московскому корреспонденту газеты «Унита» (уточн. 07.04.2012: это был корреспондент другой итальянской коммунистической газеты «Паэзе сера» по имени Франко, живший на Фрунзенской наб.), она то ли прямо по телефону прочитала то, что мы насочиняли, то ли они назначили встречу на завтра — не помню уже.

А я вышел через другой выход к другому телефону и позвонил Толику Копейкину, который сторожил в ту ночь недостроенный музей художника Пластова.

— Толик, помнишь о чем мы договаривались давеча? Так вот, завтра в 7 вечера встречаемся у Большого театра.

— Ты что — меня проверяешь? — сказал недовольный Копейкин. — Брось ты этих глупостей. Никуда я не поеду, я спать хочу.

— Толик, ты не понял, всё очень серьезно...

(Буквально за неделю до этого мы с Копейкиным договорились, что если я звоню и говорю эти кодовые слова про 7 часов у Большого театра, то он должен немедленно приезжать на Ленинские горы к высотке, к выходу из Главного здания МГУ в сторону Ботанического сада).

Через 40 минут Копейкин примчался к высотке на такси, где я его уже ждал с двумя рюкзаками. В рюкзаках были ксерокопии «Большого террора» Роберта Конквеста и третий, кажется, том «ГУЛАГа» — экзепляров по 5-8 каждый (Конквест был уже разобран, но не переплетен, а Солженицын даже не разобран), был также всякий другой Самиздат-Тамиздат по мелочи: Иосиф Бродский, Евгения Гинзбург, Василий Аксенов, Юз Алешковский, Войнович... Солженицына и Конквеста я за пару дней до этого получил через Лешку Расторгуева от Кости Акинши, у которого был выход на ксерокс в какой-то раздолбайской организации. Никогда до этого и несколько лет после этого у меня на руках не было столько крамолы одновременно...

Копейкин погрузил рюкзаки в багажник тачки и уехал к себе в музей Пластова.

...Следующим утром, по дороге в Новый Иерусалим, я позвонил с уличного таксофона Наде Кеворковой. Трубочку поднял ее муж (тогдашний) Володя Ведюшкин, тоже мой однокурсник (как и Надя, Собченко, Копейкин, Расторгуев; в «подпольную социалистическую организацию» Ведюшкин, Копейкин и Расторгуев не входили).

— Ты уже знаешь, что у Алехо неприятности? — говорю я Володе.

— Да, Наде вчера Лёхина жена звонила. (Я обалдеваю. у Собченко жены тогда не было. он женился на американке много лет спустя).

— Жена?... я про нашего Лешку говорю...

— А я про питерского Лёху говорю...

— А что у него тоже? — в один голос говорим мы с Ведюшкиным...

— ...А Леха вернулся домой?

— Отпустили пока.

...Получалось, что у Леонида Петровича Романкова, нашего общего друга по археологической экспедиции, тоже был обыск и допрос. Романков в подпольную группу социалистов не входил, зато дружил со всеми питерскими диссидентами и был заметным деятелем полудиссидентской «второй культуры».

А Надя как-то познакомила Лёху с Кагарлицким. То есть масштаб провала получался больше, чем мы с Собченкой предполагали.

Вечером после Нового Иерусалима я позвонил Сергею Лёзову. Он к социалистическому подполью не принадлежал, но из-за знакомства со мной также мог быть заподозрен.

Встретились мы с ним или в тот же вечер или на следующий. Скорее всего я заехал к нему на «Аэропорт», где он жил с женой Олей, или, наоборот, он зашел к нам в «высотку». Скорее всего, при этой встрече Лёзов рассказал мне о деле его друга Олега Радзинского (сына писателя) — тот был арестован в 1982 году, но когда — весной или позже — я не помню, но во всяком случае весной к этому уже явно шло.

Весь апрель-июнь 82 года я регулярно слушал по радио «вражьи голоса» — Би-Би-Си, «Немецкую волну», «Голос Америки», а в Новом Иерусалиме удавалось ловить и «Свободу». Иногда упоминалась «группа молодых социалистов». В том числе по «Свободе» была прочитана (тогда же или позже — не уверен) написанная мною рецензия на журналы «Левый поворот» и «Социализм и будущее» (Архив Самиздата радио «Свобода» №4694, вып. 26/82). Через кого я ее отправил на Запад — уже не помню (может быть через Лёзова).

Кстати, кажется тогда я впервые услышал (по голосам) о Глебе Павловском — его тоже арестовали в апреле 1982 года, по делу журнала «Поиски».

На ближайшую среду после 5 апреля 1982 у меня должна была состояться очередная встреча с моим основным контактом

в группе, которого я знал под псевдонимом (псевдоним сейчас не вспомню; это был Миша Ривкин). Контакт на встречу у метро Краснопресненская под памятником Мужу с гранатой не пришел, из чего я заключил, что он или арестован, или опасается навести на меня слежку (Мишу арестовали, но несколько позже — в июне).

Летом в экспедиции я встретился с Романковым и порасспросил о том, о чем опасался спрашивать по телефону.

Как оказалось, его обыск был по делу журнала «Мария» (журнал питерских христианских феминисток), Лёха был подписчиком этого журнала.

При обыске у него изъяли огромное количество Самиздата и Тамиздата, некоторые книги были с автографами— в том числе Солженицына, Лидии Чуковской. Была там и машинописная продукция московских социалистов, но гебистов она не особенно заинтересовала. Спросили, конечно, для проформы: «Откуда у вас это?» (ответ: «Купил в Москве на вокзале»), да и отстали. Ни про Кеворкову, ни про меня его на допросе не спрашивали.

Поскольку показаний на него у них не было, что он давал кому-то читать антисоветские книги и журналы, то сажать его не стали. Сам он, разумеется, тоже отказывался отвечать на вопросы о том, кто дал. Романков получил официальное предостережение от прокурора города за «антисоветскую деятельность» и вылетел с работы.

Про меня гебисты вспомнили только в августе. Как следователь Похил пытался меня вызвать на допрос в Лефортово, но так и не вызвал, я неоднократно рассказывал.

С Александром Сергиевским.
Москва, квартира Мирзоевых.

Алексей Каздым, Татьяна Карелина, Аббат, Саша Леонова,
Оля Мнёва. Донская экспедиция.

А. Копейкин, Н. Горбаневская, Ярослав Горбаневский,
В. Прибыловский. *Париж, весна 2012 г.*

На сборе экспедиции. Слева Павел Погодин, в центре Илья Торопов.

Леонид Романков, Екатерина Виноградова, Аббат.
На его съёмной квартире в Москве.

С Игорем Борисовичем Чубайсом.

Алексей Собченко,
Вашингтон

Взгляд с другой стороны океана

С Володей Прибыловским я познакомился буквально в первые дни после поступления на первый курс исторического факультета МГУ в сентябре 1975 года. Мы оба жили в общежитии на Мичуринском проспекте, и он сразу бросался в глаза: востроглазый смысленный провинциал не мог не вызывать симпатии. В течение первого семестра контингент истфаковцев-первокурсников быстро и спонтанно разделился на две неравные группы: тех, кто попали на исторический факультет случайно (по благу, через рабфак, благодаря окончанию школы с золотой медалью и вообще непонятно, как и зачем) — их было большинство, и тех, кто, реализовал мечту всей своей жизни — они собирались по вечерам в холле общаги и до хрипоты спорили про крито-микенскую цивилизацию, Черняховскую культуру, право судетских немцев на самоопределение и еще про черт знает что. После занятий они мчались в библиотеку и жадно поглощали толстые книги, чтобы найти ответы на вопросы, возникшие в ходе предыдущей полемики. Володя, несомненно, принадлежал к этому меньшинству.

Помню, как непонятно откуда и зачем он достал книгу выступлений Хрущева и любил зачитывать выдержки из них вслух, вызывая у нас безудержный хохот. Его соседом по комнате был тупой, неприветливый, вечно пьяный рабфаковец, который учился на пару курсов старше, по кличке «матрос». Матрос был убежденным сталинистом, но, к нашему немалому изумлению, заслушивая в Володиной озвучке пассажи из хрущевских текстов, лаконично отвечал: «А чё, все правильно говорит».

Тогда еще никто из нас не успел стать закоренелым антисоветчиком (это произошло год-два спустя, причем каждый шел своим путем и своими темпами), но уже тогда Володя поразил меня своей безграничной терпимостью в отношении людей, придерживавшихся иных точек зрения. Он мог отлично ладить и с матросом-сталинистом и с белорусом-Сашкó (другим соседом по комнате), который, наверное, и по сей день мыслит тезисами XXV съезда КПСС, не идя при этом ни на какие компромиссы с собственными убеждениями. Помнится, меня бесила его манера даже за глаза называть всех подряд, в том числе и людей, пошедших на кафедру истории КПСС (т.е. заведомых идеологических врагов) ласково уменьшительными именами: Сержик, Хасанчик, Жека и т.п., тогда как мы обращались так лишь к стопроцентно своим (антисоветчикам).

Много лет спустя Толик Копейкин (на каком-то этапе они стали неразлучными друзьями) рассказал мне о том, как он как-то раз пожаловался Прибыловскому на меня: «Как же меня достал этот пошляк Собченко, который все говорит гадости!» — на что Володя ему ответил: «Слушай, но ведь Собченко никому не сделал плохо, не сделал ничего такого, за что ему нельзя подать руки. А то, что он так взаимодействует с окружающим миром — ну такой он, стало быть, человек». (За точность пересказа не ручаюсь, но идея была такая).

Иными словами, была в нем эдакая врожденная флегмо-толерантность, в чем он был полной противоположностью мне.

Не отличаясь особой способностью к иностранным языкам, Володя довольно быстро освоил латынь и впечатлял в коридоре девушек (о них — см. ниже) чтением на память речи Цицерона против Катилины и прочие «Ehexi monument». Впоследствии он не менее выразительно читал русские матерные частушки в переводе на латынь (перевод, правда, Коли Серикова): «Dictum est Angelam Devi...»

Так же легко ему давалась археология — совершенно не поддающаяся никакой систематизации наука, по крайней мере в том виде, как нам ее преподавали. Курс обучения состоял из бессмысленного запоминания десятков (сотен?) орнаментов на черепках, изображенных в учебнике и соотношения их с именами глухих деревушек, где они были найдены — Фатьяновская культура, Дьяковская, Абашевская и т.п. При этом не было ни намека на этническую, языковую и расовую принадлежность людей, представлявших эти культуры, поэтому нужно было тупо зубрить. Володя же умудрился найти в этих узорах какую-то логику и охотно помогал всем желающим разобраться в этом нагромождении. Разумеется, среди таких признательных ему было немало однокурсниц.

Кстати, о них. Довольно быстро и совершенно безответно он влюбился в мою одногруппницу таджичку Джамилу Обидову (а что бы там ни говорил Копейкин — она была хороша!). Параллельно то же самое сделал свирепый чеченец Саид Абумуслимов (впоследствии он ненадолго станет вице-президентом Чеченской республики Ичкерия), но все как-то обошлось, и Прибыловский зарезан не был.

Надо сказать, что особой изысканностью в одежде он никогда не отличался и за модой не гнался. Мы все тогда жили очень скромно, но, кто как мог, пытались приобрести модные майки, туфли на платформе, ну, а самые продвинутые умудрялись доставать джинсы и дубленки. Володя, даже когда у него появилась жена-иностранка,

продолжал выглядеть точно так же, как на первом курсе. Помнится, уже в 1980-е мы с Игорем Торбаковым рассматривали фотографию Копейкина и Прибыловского в Мексике на могиле Троцкого, и больше всего были впечатлены легко узнаваемой красной курточкой, которую Володя носил еще в 1975 году.

Ну а потом, как уже было обещано, мы все стали антисоветчиками. Володя стал держателем огромной библиотеки Самиздата, и благодаря ему я прочитал уйму полезных книг. Правда, следует отметить, что, давая почитать на ночь ту или иную книгу, он был крайне разборчив и проявлял фаворитизм. Поэтому приходилось иногда проявлять напористость: «Ты что это «Крутой маршрут» не даешь мне почитать?» Прибыловский сначала пытался было увильнуть: мол, у меня нет, но поскольку в общежитии секреты не хранились, то я тут же говорил, что, мол, Ваньке Ершову он указанную книжку таки дал почитать. Скрепя сердце давал, но просил не трепаться насчет того, откуда взял.

Несмотря на живой интерес к современности и советской истории вообще, он довольно быстро определился со специализацией и подался на кафедру истории Средних веков. Там он постепенно оброс компанией суровых медиевистов-византинистов, и его интересы становились для нас все более эзотерическими.

Воссоединила нас неистовая Лаура Елена Гарса Буэно. Как и многие из нас, Прибыловский в один прекрасный момент ушел в академический отпуск и работал вахтером в главном здании МГУ на этаже, где жили иностранцы-аспиранты. В какой-то момент ни с того, ни с сего он стал спрашивать у меня, как сказать по-испански ту или иную фразу. В общем, шила в мешке не утаишь, и скоро все узнали, что у нашего Володи роман с мексиканкой. Не знаю, как они договорились — поначалу Лаура плохо понимала по-русски, Володя же так и не выучил испанский, хотя, конечно, понимал довольно много. Я был единственным испаноязычным в нашей компании (к тому же писал диплом о мексиканской политической системе) и общался с ней много, и теперь, всякий раз, когда прилетаю в Мексику, заезжаю к ней в гости. У нее было хорошее чувство юмора, при этом она была троцкисткой, но главное — она была (и остается) очень хорошим человеком: доброй, порядочной, щедрой. Они были очень забавной парой, и было видно невооруженным глазом, что они безумно любили друг друга. Володя постоянно таскал ее по диссидентским кружкам (к тому времени он подружился

с Лидией Чуковской и часто ездил к ней в Переделкино, в том числе — и помогать по хозяйству).

Одну из историй встречи мексиканской троцкистки с православной советской сверстницей не могу не рассказать. «Нам открыла дверь женщина в черном платке, натянутом на брови, сама вся в черном и с огромным сияющим крестом на груди, рассказывала Лаура. «А вы откуда будете?» — спросила хозяйка, строго глядя на явно нездешнюю гостью. «А я из Мексики», — улыбаясь по своему обыкновению до ушей ответила Лаура. «А у вас Господу Богу молиться разрешают?», — спросила хозяйка, ожидая утвердительного ответа, за которым последовала бы бесконечная литания о том, как большевики преследуют православных. «Нет, сеньора, — решительно ответила троцкистка: наши прекрасные храмы закрыты, мы не можем справлять ритуалы в честь своих богов, вместо этого проклятые конкистадоры понастроили на наших пирамидах свои церкви и заставили нас молиться своему умирающему Богу!» Литании не последовало.

Володя перебрался к Лауре в ГЗ, и ее комната превратилась в место регулярных посиделок его друзей: Лаура готовила на всех огромное мексиканское блюдо (тогда мне мексиканская еда казалась сказочно вкусной) и закупала немалые запасы алкоголя, которые мы беззастенчиво выпивали, ведя при этом свои бесконечные беседы. Иногда заходили мексиканцы, кубинцы, но не все выдерживали нашего пещерного антисоветизма/антикоммунизма и удалялись. Надо сказать, что мне до сих пор неясно, каких именно взглядов придерживался тогда Прибыловский. Однако я очень хорошо помню, как в ответ на мои безграмотно-оптимистичные рассуждения о будущем России после свержения власти коммунистов он возразил, сказав, что к власти придут такие, как Слава Никонов (который был в те времена комсомольским вожаком на истфаке).

Одной из ярких страниц общественной деятельности Прибыловского на истфаке стала кампания против Литуева (ныне православный миллионер, владелец золотого прииска в Забайкалье). У Литуева была феноменальная память, и он помнил весь курс в лицо. Перед каждой лекцией он зорко рассматривал аудиторию, а после окончания лекции по собственной инициативе относил в учебную часть список отсутствующих. Насколько я понимаю, он намеревался вступить в КПСС, но правила были таковы, что в партию принимали только комсомольцев, а Литуеву то ли уже исполнилось, то ли должно было вот-вот исполниться (страшно сказать) 28 лет. По достижении

этого возраста в ВЛКСМ можно было состоять только при условии, если кандидат занимал выборную должность. Литувев был председателем учебно-воспитательной комиссии. Предстояло переизбрание. Обычно такого рода процедура проходила автоматом — все голосовали «за». Но коварный Прибыловский проявил недюжую энергию и убедил всех, кого только можно было убедить, проголосовать «против», и Литувева не выбрали. Скандал был огромный!

Тем временем судьба связала меня с Павлом Кудюкиным, Андреем Фадиным и Борисом Кагарлицким, которые издавали машинописные журналы доказывая, что в СССР был построен неправильный социализм. Я предлагал эти журналы Прибыловскому, он внимательно читал, но примыкать к группе, которую впоследствии окрестили «молодыми социалистами», не пожелал. Меня начали таскать в учебную часть истфака, где меня неласково приветствовал сотрудник КГБ по имени Владимир Алексеевич, но университет мне удалось-таки окончить. Володя продолжал учиться в университете до 1981 года, посиделки у Лауры продолжались, но...

В одно прекрасное утро в начале апреля 1982 года меня в буквальном смысле слова взяли тепленьким сотрудники КГБ и отвезли в Лефортовскую тюрьму. Поскольку в органах особым шиком считалось, когда в суде использовались не данные стукачей, прослушки и наружки, а показания расколовшегося участника дела, то, вероятно, в первый же день допросов на эту роль был выбран я. Поэтому со мной была начата игра в кошки-мышки: меня отпустили в 10 вечера из тюрьмы с повесткой, гласившей, что в 8 утра следующего дня я должен был вернуться в тюрьму для продолжения разговора. Все это я рассказываю потому, что прямо из Лефортова я направился в общежитие в ГЗ, и в тот же вечер Лаура обегала иностранных журналистов, передавая информацию об арестах, а Володя жег свои богатые архивы. Все его последующие действия были подробно описаны в разных воспоминаниях. Могу лишь сказать, что оба вели себя молодцами.

Между тем все сроки учебы Лауры в России закончились, за это время у них с Прибыловским родилась Светка, Лаура съехала с ГЗ на квартиру, потом на другую, и в конце концов в ответ на очередную просьбу Лауры продлить срок ее пребывания в России администрация МГУ сообщила, что пойдет навстречу, если ее подпишет ассоциация мексиканских студентов МГУ. И вот тут все эти симпатичные бородачи, приходившие на халявную жратву

и выпивку к Лауре, дружно заявили, что решительно выступают за немедленную ее депортацию, поскольку ее комната в общежитии стала осиным гнездом антисоветской и проамериканской пропаганды. Лаура еще пару раз приезжала в Москву, они даже успели оформить с Володей брак, и он один раз выбрался в Мексику, но уезжать куда-либо из России он категорически отказался. Долгое время я считал, что этот отказ стал главной ошибкой его жизни. Но впоследствии, когда я со свойственной мне бестактностью стал расспрашивать обе стороны, что же произошло, то сменил свое мнение. Хотя до сих пор считаю, что если бы им удалось остаться вместе, судьба Прибыловского сложилась бы совершенно иначе.

Через какое-то время у Володи ребром встал вопрос с пропиской, и благодаря посредничеству милой Ларисы Филатовой он оформил фиктивный брак с какой-то веселой толстушкой. На улице уже стояла перестройка, и Прибыловский, забыв о реформах императора Анастасия, с головой погрузился в общественную деятельность, подружился с Вячиком Игруновым и стал что-то такое издавать. Помню, первым его увлечением стало общество «Память» и всякие эмбриональные русские националистические группировки.

Но всего этого мне увидеть не довелось, поскольку я уехал в Америку. Следующий раз мы встретились в Володей в Мюнхене в 1993—1994 гг., куда он приехал с группой сподвижников из издательского центра «Панорама». В целом это мало было похоже на встречу двух друзей после долгой разлуки. Мы говорили о чем угодно, но не о том, что принято говорить в такой момент. Может быть, помешало присутствие посторонних? Помню, что меня поразила его реакция на разлуку с родиной: «Здесь я чувствую себя совсем оторванным от мира: а ведь может быть, алкаш уже умер?» (за точность слов не ручаюсь). После некоторого времени до меня дошло, что речь шла о президенте Ельцине.

Впрочем, когда мы встретились в Вашингтоне (точнее в Александрии, городе лежащем внутри кольцевой дороги), где проходил очередной конгресс славистов, возродить дух студенческих тертулий тоже не удалось. Когда мы наконец остались вдвоем, уже стемнело, и как-то само собой возникла идея что-нибудь выпить. Я предложил зайти в бар или ресторан, на что Володя разумно возразил, что, во-первых, там шумно, а во вторых, если купить бутылку в магазине и выпить на улице, то будет дешевле. Так мы и поступили: нашли детскую площадку где-то в районе Пентагон-сити и, рискуя быть арестованными

сразу за несколько правонарушений (а у виргинцев законы суровые), мы одолели бутылку, отпивая по очереди «с горла». Надо сказать, что к этому времени (а чем дальше, тем больше) вид у него был весьма запущенным: он жутко растолстел, был особенно плохо одет, на голове у него были спутавшиеся седые лохмы. Правда, это не мешало Володе сохранять свои донжуанские наклонности (к этому времени он успел уже пару раз успешно жениться и развестись). Сколько него было жен — точно у не знаю, мне, кроме Лауры, удалось познакомиться лишь с Миланой Богдановой.

Так или иначе, дальше его дела шли хуже. Непонятно откуда взявшийся Интернет сделал издаваемые «Панорамой» справочники по российским политическим партиям и движениям ненужными (точнее, Володя и его коллеги все равно оставались бесценными источниками информации, но многие этого не понимали, полагая, что Гугл сам все найдет). «Панорама» закрылась, и Прибыловский остался не у дел.

Где-то в 2003-м он вышел на меня, и сказал, что остался совсем без денег и попросил о помощи. Я связал его с Юрой Фельштинским, и вдвоем они написали толстенный талмуд под названием «Корпорация», о возвращении КГБ к власти. Володя должен был получить за нее неплохой гонорар, но, похоже, что деньги считать он не умел. Когда я вернулся в Москву уже в качестве американского дипломата, общение с Прибыловским становилось все более трудным: он очень много и быстро пил, а напившись — засыпал. Он как-то рассказал мне о том, как, возвращаясь из археологической экспедиции, он, по его словам, выпил в самолете пивка и уснул, но был разбужен какими-то мужиками, которым он чем-то не понравился, и они пытались выбросить его с самолета. На мой комментарий о том, что при столь неумеренном потреблении алкоголя ФСБ будет несложно убить его и выдать смерть за инцидент с вечно пьяным алкашом, Володя недовольно промолчал. После моего возвращения в Америку я продолжал регулярно ездить в Москву в командировки и старался при этом каждый раз встретиться с Прибыловским, сходить с ним в ресторанчик и поговорить, но всякий раз зрелище было все более печальным.

Приблизительно за год до своей смерти (а то и раньше) он вновь стал просить помочь ему с подработками, поскольку вновь остался без денег. Увы, на этот раз помочь я ему не успел.

О смерти Володи я узнал от его мексиканской падчерицы Либертад, которая любила его как родного отца.

Надежда Кеворкова,
Москва

Летописец

Аббат, со дня твоей смерти несколько дней я читала твою книгу.

Ты не облегчил нам расставание.

Ни савана. Ни ладана.

Ты максимально, насколько в человеческих силах, это расставание утяжелил. Вот о таком труде сказано, что он скорбный и что он не пропадет.

Звучит твоя книга как приговор. «Корпорация. Россия и КГБ на рубеже веков».

Надо было раньше. Мне надо было читать раньше.

Ты-то все вовремя сделал.

Ты описал эту поддельную нео-Византию так, как никто не смог. Ты ее препарировал и документировал. Ты все предсказал и все предвидел, когда другие не хотели замечать. А потом уже было поздно.

Спасибо тебе, дорогой мой друг.

Не знаю, кто из наших современников сделал больше и беспощаднее.

Ты улыбался и не боялся. Ни тех чугунных сатрапов, ни этих мелких майоров.

Ты ошибся только один раз, когда в 1999-м сказал гебисту: «А кончилась ваша власть». Они тебя тогда избili просто от злости — они-то еще не подозревали, что их власть началась заново.

Ты ушел непобежденным, а их ждет то, что им и помыслить трудно.

Ты первым исследовал потайные механизмы, которыми нас всех, левых и правых, агностиков и верующих, клопочущих гневом и опустивших руки, загнали под власть корпорации спецслужб.

Ты обо всем рассказал ясным языком, без фигур умолчания и без ложных красотей.

Ты первый произнес, что Украина станет вторым Афганом, когда многие соблазнились «крымнашем», бряцанием «искандеров» и шелестом денег.

Что уж врать-то — шелест денег для большинства был решающим.

«Второй Афган» повсюду — только руку протяни. Украина и Сирия, Грузия и Чечня.

Несправедливость, тотальная ложь, подлог, сговор, воровство и предательство.

Все собрал. Все запротоколировал.

Мелкие подмастерья твоих врагов неустанно трут в сети твои работы, то и это. Но рукописи, как известно, не горят. Правда проступает, как тайное письмо молоком под раскаленным утюгом.

Нашей тошнотворной Фриде, твоими стараниями, будут подавать платок до конца.

Чтобы это поняли, надо было умереть. Это верно.

Наши друзья пишут, что ты недооценен, что ты бедствовал, что болел, что ты изучал насекомых, маргиналов и фриков.

Ну, какие есть — таких и изучал. Зато неучтенных не осталось — всех собрал.

Дай Бог каждому сделать сотую часть того, что ты успел. Борьба с драконом и не стать им трудно — он отравляет своим зловонием. Они отравили тебя. Но кто еще так долго бередил им раны?

У тебя была легкая походка человека, который не знал страха перед сильными мира сего.

Ты не искал их отравленной милости. Не искал места в их проклятой системе.

Хочется написать — да, это такое поколение.

Но поколения нет, а есть Владимир Прибыловский, веселый, легкий на подъем, безбытный талантливый человек, которому давались языки древние и языки новые, науки, страны, люди и города.

Есть Прибыл и его банда. Есть Аббат и его друзья. Горстка.

Тебя любили многие, кого ты изучал. Так вообще не бывает.

Тебя ненавидели, кого ты вывел на чистую воду.

Черная ненависть душит их.

Тебя среди живых уже нет, а их бесчисленные твиттеры и ЖЖ все изрыгают брань и сочатся ужасом. Они все что-то доказывают, все сыплют оскорблениями, все стучат своими скрюченными пальцами, все рассылают своих бандитских ботов, все рапортуют левиафану, рыковыми рычаг и потупчиками тупят.

Тебе можно было позвонить через сто лет и сказать «привет!», как будто виделись вчера.

А надо было видиться. И надо было звонить. Потому что ты за всех прорывался сквозь муть этой липкой лжи, а мы стояли на сухом безопасном берегу и качали головой: «Ну что тебе до этих уродов?»

Если бы ты растолковал мне, зачем тебе был нужен фотограф, когда не так давно спросил, а нет ли знакомого там-то, кто мог бы сослужить службу... Но ты не растолковал, а я не поняла. Уж я бы

нашла пяток людей, которые сфотографировали бы тебе всех злодеев мира.

Смешные, мы читали запоем Конквеста, Буковского и Авторханова, а ты стал новым Конквестом и Авторхановым, но не где-то там, в благодушном университетском далеке, а тут, среди непонятных смертей и ужаса тайных убийств.

Ты никого не поучал и не наставлял, но вон сколько у тебя тех, кто продолжит. Кто еще может похвастаться?

Когда появлялось первое морозное солнце, ты открывал окно в общежитии и сидел на подоконнике в блаженном покое, бронзовея к маю. Смеясь, почитывал учебники, и вся эта мутотень укладывалась в твоей золотой голове в строгую причинно-следственную связь.

Мог бы стать профессором, деканом, академиком. Мог бы колесить по конгрессам, жить в академической квартире, ездить с шофером и триндеть в телевизоре экспертом. Мог бы уехать и сделать карьеру на Западе.

Все было возможно. Ты ничего этого не хотел. Да и друзья твои такие же.

Ты не хотел уезжать. Ты хотел здесь оставаться.

Ночевать в холодной музейной каморке. Водить экскурсии по руинам России, которую мы потеряли очень и очень давно и так и не нашли, да и не искали особо.

Ты хотел оставаться здесь, чтобы задолго до всех уловить странное злоещее потрескивание чешуи дракона, когда мы ее, причудливую пародию на Россию, так внезапно обрели.

Этот этнографический перец из МГУ, который не дал тебе поступить в аспирантуру, да будет он прощен. Ведь тогда ты не сделал бы того, что должен.

Ты состоял из несочетаемого.

Ну, я не знаю, кому еще звонил и Солженицын, и Буковский, и Лидия Чуковская, и фашисты всех мастей, и антифашисты тоже?

У кого еще была жена-троцкистка, которая с подружками возила сюда Тамиздат, а отсюда вывозила талантливых юношей с их стихами, замыслами и планами, офигевших от советского удущья?

Я не помню, был ли у тебя хотя бы чемодан? Впрочем, в те времена ни у кого их не было. Как объяснить этим людям, без конца занятым самовозгонкой восторга роста потребления и вставания с колен, что есть навык держать спину прямо? Вот ты просто таким был и никому ничего не объяснял.

Кто дал тебе это имя — Аббат?

Леха?

То есть, прошу прощения, Леонид Петрович Романков, поэт, писатель, дитя блокады, который никогда не спекулировал ею, наследник старого дворянского Петербурга, который никогда этим не кичился, связавший то и дело рвущиеся нити между Москвой и Петербургом, между людьми науки и гениями озарения, между поколением Ахматовой, Лидии Чуковской, Бродского и всеми последовавшими...

Он многим дал имена, кто жил и кто еще живет...

Удивительно, что нет. Оказалось, что это след студенческой дружбы и отголоски «Трех мушкетеров», в которых полтора века играют лучшие русские юноши — в русском амбаре так и не нашлось никаких хоть сколько-нибудь привлекательных теней, в которые хотелось бы играть чистым душам.

Все было тебе легко. Только так и можно было нести гирию знания о том, как они ловко завладели страной. Только ты и мог ее нести, Аббат.

Боже мой, когда мы три вечера подряд в общаге у Лауры читали коллективный труд советских писателей о Беломорканале и хохотали, могли ли мы помыслить, что в этой стране взойдет поросль, охочая до прославления тонкошеих вождей, ГУЛАГА, ограниченного контингента, бомбардировок, зеленых человечков, опереточных новых фашистов?

***

Мудро придумали наши друзья — дать время отстояться боли от внезапной смерти. И теперь можно попытаться без горячки продолжить разорванные временем разговоры.

Наш царскосельский лицей — московский истфак эпохи дряхлого шамкающего совдепа, все еще помнящего кровожадные времена, но уже боязливо предчувствовавшего смену вех. Мы ныряли в это озоновое пространство, чтобы спастись от удушающей скуки колбасного лицемерия, в смрадных испарениях которого угасал и упивался «советский народ».

Мы так много знали из минувшего, наш мир был населен таким количеством великих, что воспринимать всерьез комсомольский лепет или гебешный фальцет было нестерпимо смешно.

Думаю, что все, кто приходил на исторический, были потенциальными беглецами.

Большинство быстро смирилось. Такова участь большинства.
Единицы стали беглецами.

Лучше всех, с наибольшей пользой и максимальной самоотдачей от объятий века сего сбежал Володя Прибыловский.

Он описал этот век и его объятия с такой точностью и в таких деталях, что лучшие из историографов позавидовали бы ему.

Осматривая все, что написано на русском языке, и всех, кто говорил по-русски, трудно отделаться от понимания, что в исторической и литературной памяти остаются лишь те, кто пронес абсолютное и неуклонное отрицание власти. Кто ежесекундно подтверждал свое неприятие этой нечеловеческой системы, которая меняет оперенье, но не меняет сути. Она либо ездит катком по своим, либо мобилизует подъяремный народ ездить катком по сопредельным странам.

Ни один подобострастный царедворец, ни один придворный льстец, ни один из тех, кто стремился оправдать или объяснить особый штамм российского государственнического бешенства, не пережил своего времени, канул, забыт, и могилу его посыпали солью слуги следующих господ.

Из всех певцов и охранителей едва ли наберется десяток фамилий, которые хоть чем-то памятливы.

Булгарин, наполеоновский солдат, ставший русским доносчиком и получивший в награду перстень и тиражи своих плохих романов, во много раз превосходившие тиражи Пушкина и Лермонтова.

Лев Тихомиров, бывший народоволец, обратившийся в искренне-го и ярого монархиста за право вернуться в Россию и вещать о любви к царю.

Победоносцев, записной душитель свободы, оставшийся благодаря тому, что Лев Толстой запечатлел его петлистые уши в образе Каренина. Сам Победоносцев презирал эту страну и этих людей. И с негодованием ушел в отставку после манифеста 1905 года — поступок, на который не отважился ни один советский и постсоветский карьерист.

Бенкендорф, перед смертью посмеявшийся над своим господином, на глазах которого он, умирая, отчалил от берега на яхте, встал перед окнами дворца и на смертном одре вернулся из царского обязательно-го православия в свое родовое протестантство.

Маяковский, заложник победившей революции, поставивший поэзию на заводские рельсы и убивший ее в себе задолго до того, как пуля убила его самого.

Больше и вспомнить некого из тех, кто служил.

Русская жизнь съедает слуг режима без остатка. Этим она отличается от прочего мира. Макиавелли на русской почве вырос бы безудержным льстецом и скучным резонером, пытающимся потрогать хозяину.

Охранительство в России носит особо пошлый характер.

Мало кто понимал это лучше первокурсников исторического факультета. Мы были нашпигованы историей, как рождественские гуси грецкими орехами. Она управляла нашими снами, нашими мыслями, нашими шутками и нашими буднями.

Среди нас, в отличие от всех прочих, не было тех, кто делался конъюнктурщиком по наивности. Только осознанно. И это было, к слову, неплохо хотя бы потому, что не оставляло шанса оправдать свои и чужие подлости незнанием. Все все знали, даже троечники.

На факультете про каждого сразу становилось ясно, куда метит — в Победоносцевы или Герцены.

Это был садок для умных.

Поэтому, в отличие от наших московских школьных компаний, в университете никто не ошибался с дружбой. Карьеристы водились с карьеристами, агенты с агентами, а вольняшки с вольняшками.

Прибыловский был из Чистополя. Города, где со времени эвакуации сохранялось воспоминание о столичных балагурах, о птицах иного полета.

Он не вспоминал свое детство. Не был сентиментален, не страдал привязанностью к родным руинам. Володя из человеческого арсенала ценил лишь идеи, причем так, что не особо было понятно, какие из них ему близки, а какие его просто занимают.

До МГУ он успел поработать, но в отличие от других рабфаковцев и «производственников», смотрелся школьником — мутной печати пребывания в рабочем коллективе на нем не стояло.

Чуть не с первых дней умники курса сбились в одну кучку, которая кочевала шумной ватагой с одной родительской московской квартиры на другую, время от времени зависая в общежитии. Эти блаженные и совершенно невинные студенческие пирушки, с глинтвейном, гитарой, розыгрышами, шарадами, карнавалами и внезапными шумными отъездами на дачи, на Николину гору или в Зарайск, Щелоково или Питер.

Прибыловский всегда был рядом. Он не особо любил богемное времяпрепровождение.

Но охотно отзывался на приглашение. Он не чудил, не куролесил, не вещал, как наши тщеславные московские мальчишки. В любой такой компании он находил интересную для себя книжку и погружался в нее. Впрочем, если завязывался занятый разговор, он легко отрывался от книжки.

Ему всегда было что рассказать — это были незлобивые, но яркие зарисовки, чаще смешные. В нем не было цинизма, напускной разочарованности, страдания от непонятости.

Он не носил маску и не прятался за ролью.

Он никогда не ругался и не бранился даже в шутку. Никогда не повышал голоса. Никогда не гневался и даже не сердился. Не затевал скандалов на пустом месте и не тянул одеяла на себя. Он не стремился блистать и разглагольствовать, хотя ему было что рассказать.

Он все знал, но не был ботаником.

Он был отличным товарищем на любой случай, какой только можно представить в университетской жизни. Он умел и любил дружить, знал толк в самом высоком и романтическом товариществе, никогда не нарушая его принципов.

В этом смысле Володя был уникален. Раз открыв для себя мушкетерский кодекс чести, он был безукоризненно ему верен.

Из мушкетеров редко получаются хорошие семьянины. Но зато они умеют быть друзьями до гробовой доски. Буквально так он жил.

Мушкетеры в России не служили королю. Они враждовали с гвардейцами кардинала, с самими кардиналами и хохотали над опереточными королями.

Никто, конечно, в студенческие времена не взвешивал себя на весах вечности.

Мы были воплощением отрицания, а не моделью для сборки позитива.

Мы учили греческий и латынь из ненависти к советскому новоязу, штудировали по два-три европейских языка из презрения к охраняемым границам нашего перемещения, читали горы книг, которые составляли маршруты нашей внутренней эмиграции, ленись, спорадически грызли гранит науки, сидели в библиотеках ради разговоров в курилках, писали курсовые в последнюю неделю перед сдачей, были веселыми спорщиками, перечили и смеялись над сильным бессильного советского мира, когда они каменели со своими укорами, умели ценить гениальность друзей и понимали толк в таланте.

Мы прогуливали лекции, опаздывали на семинары, плели ахинею в свое оправдание.

Володя этого не делал — не потому что дрожал за место в университете, а просто ему было интересно учиться, и получалось у него это легко.

Незабываемое наслаждение, когда ты видишь перекошенное лицо преподавателя, пока ты излагаешь на экзамене историю партии по Конквесту. Или когда задаешь вопрос старому профессору, известному стукачу, искорежившему многие судьбы, как бы не нарочно произнося фамилию человека, на которого тот настроил донос полвека тому назад.

Это были наши обязательные шалости, возможные в московском университете и абсолютно не возможные нигде в стране.

На факультете со специализацией нужно было определяться сразу. Карьеристы шли на историю КПСС, СССР или в американистику. Как правило, в карьеризм шагали провинциальные реалисты, которым столичное фрондерство казалось расточительством и баловством.

Дети из хороших московских семей искали лазейки для внутреннего побега.

Может быть, единственное, что породила российская почва — абсолютная диктатура литературы. Она заменила здесь все — религию, этику, мораль.

Если Тургенев писал «Отцы и дети», то все поколение уходило в базаровы, хотя автор оставался комическим представителем поколения отцов, англоманом, холодным насмешником.

Зацикленность на запретных книгах и идеях, диктатура слова, возможно, единственное, что было способно спастись в те времена.

И она спасала.

Набоков, посмеявшийся над этой диктатурой в «Даре», представил властителей дум предыдущего поколения смешными ничтожествами. Он развенчал их, но не оборол сам принцип.

Набоков и сам стал таким же властителем дум — по праву мастерского языка, и отдавал приказы новой поросли.

Если ты хотел быть услышанным, ты должен был быть не политиком, не вождем, не активистом — писателем.

Если ты хотел быть, ты должен был читать, понимать и следовать. Поистине кто не читал, тот не существовал в те блаженные времена.

Солженицын уже написал «Образованщину». Открывал ты ее или нет, но оставаться человеком и служить режиму, тем более быть ее идеологической службой, было невозможно.

Одни со свистом ныряли в археологию, чтобы как можно глубже и надежнее окопаться от марксизма и всей их пыльной идеологии, при этом обеспечив себе бесшабашную и артистичную жизнь в экспедициях, где можно было зависать на полгода, колесить по стране, безбедно существовать на воле и вариться среди таких же богемных счастливицев.

Другие уходили в античность и медиэвистику, погружались в греческий и латынь, в чистоту слегка замутненного золотого века.

Володя выбрал невероятное — он пошел не просто на Средние века, он занялся Византией.

В те времена это был парадоксалистский вызов, правда, понять его глубину могли немногие.

Византистики не существовало. Как, собственно говоря, никогда не существовало страны с таким названием.

Удивительно, что в приступе самодержавия-православия-народности граф Уваров, при могучем запросе Николая Первого, не ставил задачи разработать историю Второго Рима, от которого Рим Третий вроде как принял двуглавого орла и концепцию симфонии властей.

Византистики не отыскать ни в царской России, ни тем более в СССР.

В европейской науке есть несколько имен, но и там их меньше, чем пальцев на руке.

Церковная традиция изучения Византии, по понятным соображениям, в СССР была за семью печатями.

В отечественной науке кучковался замкнутый круг авторов, большей частью дилетанты, которые придавали особое значение эпохе Ивана Третьего, как царя, прибравшего к рукам византийское наследие вместе с последней принцессой из Палеологов.

В те времена концепция московского дьяка Филофея под названием «Москва — Третий Рим» представлялась столь же пыльной, как и марксизм-ленинизм, и решительно никто не смог бы предсказать патриотического припадка нового таврического похода.

Аббат не мог знать, что пройдет совсем немного времени и византизм, который он пошел изучать, сменил одряхлевший совдеп и пожрет наши чахлые свободы.

Ни один человек не мог этого тогда предугадать.

Конечно, что-то патриотическое клубилось вокруг безумного Чивилихина, что-то клочкотало в конгрегации почвенников, что-то предостерегающее пописывал Войнович про 2042 год,

пророча, как Солженицын на белом коне въезжает короноваться в Белокаменную. Но это казалось бесплодным и злым фарсом, эхом эмигрантских ссор.

Право слово, какая Византия с вечно надрывными господами, оплакивающими прошлое? Так тогда казалось.

«1984» Оруэлла рисовал перспективу гораздо более жизненную, чем сатира на православие — что от Войновича, что от Бродского.

Так что понятно, почему Володя взялся переводить Оруэлла и даже написал продолжение его «Фермы животных».

А вот его византизм был загадкой.

Мы много говорили про античные и средневековые сюжеты. Не припоминаю ни одного разговора о Византии.

Что он там нашел интересного для себя?

Как он готовился применить это знание?

Да ровным счетом никак.

Он ничего не делал, чтобы заслужить доверие ответственных товарищей и иметь перспективу поехать за кордон, к врагам, в Грецию и Турцию, одним глазком взглянуть на руины этой самой Византии.

Более того, он делал все, чтобы на научной карьере поставить жирный крест.

У меня нет никакого иного объяснения, что Богу, в которого он не верил, нужно было провести его по закоулкам византизма, чтобы с его мрачным третьим пришествием в Россию он первым угадал, что произошло.

В университете Володя был всегда готов ко всем экзаменам, всегда шел сдавать их в числе первых, всегда получал «отлично» у самых злых профессоров.

Он учился легко. Без всякой натуги схватывал языки, теории и концепции. Он читал Гуревича, которого нам запретили сдавать в качестве дополнительного чтения из-за его «ненаучности».

Он читал труды школы Анналов, которую наши профессора ревниво не упоминали вовсе, потому что они были занятнее их тяжелых академических монографий, годившихся разве что подпирать шкафы.

Он без труда проштудировал всю философию.

Но наука не увлекала его, и было ясно, что заниматься ею ему неохота.

Он вообще не производил впечатление человека, который в поте лица своего что-то постигает.

Едва наступала весна, он устраивался с книжкой на подоконнике «Крестов» (так легкомысленно именовалась общага) и блаженно нежился под скудным московским солнцем.

Ослепительная улыбка и приветливость — он был таким всегда и со всеми.

Когда на факультете внезапно закипела буря по поводу избрания профсоюзного, кажется, бюро, то он, так же улыбаясь, принял во всем этом деятельное участие, но без того, чтобы гневно кого-то клеймить или жарко к чему-то призывать.

Суть сводилась к тому, что студенты отказались выбирать навязанных сверху кандидатов. Было понятно, что овчинка выделки не стоит — но что может быть слаще, чем неповиновение.

В нем всегда была отстраненность.

Он ни на каком этапе не хотел снять пенки, выдвинуть себя, занять положение, чем-либо рулить и начинать двигаться по лестнице вверх.

Он с холодным интересом оставался наблюдателем человеческого театра, как будто точно знал, что весь этот смешной детский утренник не стоит того, чтобы отвлекаться или тем более расстраиваться. Как будто он знал, что нешуточная драма страны впереди.

Сейчас, когда прочитала его книгу о режиме, с изумлением я увидела, что Володя вовсе не был бесстрастным человеком, со всегда ровным настроением и неспособностью к ненависти. Тем более к ледяному презрению.

Наш круг был довольно широким. В него включались старшие и младшие друзья, братья и сестры, он выходил далеко за пределы Москвы. Братство это было интеллектуальным и артистическим. Мы непрерывно обсуждали книги, стихи, пьесы, журналы, запрещенные и легальные.

Не знаю, где и когда еще случалась в истории такая напряженная умственная жизнь, возникшая совершенно спонтанно, не обеспеченная абсолютно ничем материальным и не обремененная ничем обязательным и чужеродным.

С точки зрения сегодняшнего дня, это был орден аскетов, перемещавшихся в пространстве в поисках книг, идей, дружбы, любви и смысла.

У этого ордена существовало немалое число обителей.

Одна из них располагалась на Дону.

Теперь это прифронтовая полоса, где спуют псы войны с голодными глазами и ложью на устах.

А тогда это была дивной красоты степная балка на краю старинного казачьего хутора, с никогда не закрывавшимся храмом, накренившейся колокольной, фресками в стиле модерн, с таинственными казачьими клубами и женскими кофейными собраниями, не советскими правилами общежития, дыханием цыганского и воровского мира.

Это я позвала Володю в экспедицию на Дону. К тому времени я позвала туда и Леху, и множество иных своих знакомых.

Называлась эта Аркадия «Свободным Парижем».

Начальник экспедиции, теперь — ученый с мировым именем Наталья Борисовна Леонова, купила дом на донском хуторе (да-да, купила, без всяких бумаг и формальностей, несмотря на жесткие советские правила «хватать и не пущать», и никто не «стукнул») с громадным участком, заросшим лопухами, вишнями, сливами, ивами и яблонями, на берегу ручья.

С июня до середины сентября там бурлила жизнь. Несколько десятков человек, сменяя друг друга, крутили там колесо сансары, работая на раскопе и веселясь в остальное время с коротким перерывом на сон.

Ему там понравилось, да и он там понравился.

Имя Аббат закрепилось за ним прочнее, чем в университете.

Он оставался там на протяжении всех лет, до конца. Сам привез туда множество народу.

В экспедиции Володя любил работы тяжелые, предпочитая лопату кисточке. Все свободное время он лежал на солнце — с книжкой или журналом.

К университету все запрещенные книжки я уже прочитала — у меня была правильная семья, с правильной библиотекой, а многие, в том числе Прибыловский, только входили во вкус.

Чем-то мы, московские, делились. Но чаще, скучая, и с некоторым снобизмом наблюдали, как они догоняют.

В отличие от нас, ленивых столичных баловней, наши сверстники из глубинки, прочитав и пережив своего рода потрясение, хотели немедленно все изменить.

В силу ряда обстоятельств я была знакома с давними выпускниками истфака, которые в свое время прогремели с факультетской стенгазетой. За весьма умеренную антисоветчину их хотели исключить, но все участники были из номенклатурных семей, так что в конце концов решили сор из избы не выносить.

Они не успокоились. Выпускали подпольный журнал и размножали Самиздат, поставив дело на широкую ногу. Душой этого кружка

был Андрей Фадин, который в 1997-м погиб в крайне загадочной автокатастрофе на том участке Кутузовского, где до сих пор ловко устраняют из жизни всех, кто мешает. Место и правда для таких дел подходящее — не подкопаешься.

Когда я знакомила Прибыловского и некоторых других своих доверенных друзей с Фадиным, стоял безоблачный скучный поздний совок.

Старые генсеки помирали, их закапывали у Кремлевской стены, а режим все стоял и стоял, непоколебимый просто потому, что никто и не пытался его колебать.

Пришел Андропов, развернул облавы на праздно шатающихся в кинотеатрах и магазинах. В один прекрасный солнечный день мне позвонила жена Лехи и сказала, что ее муж арестован. Говорилось это все по телефону иносказаниями, потому что идея, что телефоны прослушиваются, в те времена не казалась признаком мании преследования, а принималась просто как факт.

Как-то раз мне даже показали помещение в подвале номенклатурного дома, где стояла аппаратура для такой прослушки.

К моменту звонка я уже знала, что арестованы 50 человек в Москве, Питере, Львове, Ярославле.

Арестован был костяк двух подпольных редколлегий. Это хорошо известная история, описанная многими, повторять ее не буду.

Похватили они исключительно тех, кто не был защищен именами и живыми влиятельными родственниками. Одних вскоре отпустили, присвоив архивы. Другие отсидели год и вышли. Только один парень был приговорен к семи годам за отказ выдать типографские шрифты.

Мы в полной мере насладились поисками западных корреспондентов, уличной конспирацией, тайными встречами для передачи «на волю» информации об узниках и обысках, уходами от «хвоста», многочасовым блужданием по дворам и ожиданием.

Мы металась по Москве, сообщая друзьям, что нужно спрятать книги и рукописи. Многие предпочли жечь, а не прятать. И только поэты закапывали свои стихи на дачах у знакомых. А западные корры совершенно не спешили понять весь драматизм ситуации и с легким изумлением выслушивали наши горячечные речи.

Володя был безмятежно спокоен. Как обычно, впрочем.

Лишь годы спустя я узнала его смешную историю с утоплением взятой на прокат машинки, на которой он перепечатывал «четыре копии» Самиздата.

Много позже мои товарищи иной поры, анализируя этот последний советский арестный припадок, высказывали мысль, что чекисты задумали перестройку и готовились к ней в той единственной манере, которая им доступна.

Теперь сама идея о возможности гебни что-либо задумать и осуществить кажется потешной — мы дожили до времени, когда воочию наблюдаем несовместимость глагола «задумали» с этой корпорацией.

В конце 1970-х они арестовали на реальные сроки, изолировали или выслали всех активных противников режима, организаторов кружков и лидеров мнений. А накануне перестройки зачистили площадку окончательно, замочив тех, кто сопротивлялся, и дискредитировав, как им казалось, тех, кто особо выделялся.

В 1988 после 9 лет лагерей вышел на свободу Александр Огородников, создатель легендарного христианского семинара, автор фильма о христианском пробуждении, издатель подпольного журнала. Из всего политического многообразия только он постулировал абсолютную неприемлемость какого-либо снисходительного отношения к агентам КГБ, без счета внедренных в церковные и околоцерковные круги.

А для Володи его христианская демократия была одной из многочисленных православных групп. Прибыловский описывал их всех на равных — Огородникова и многочисленных засланных казачков, чьей задачей было расколоть христианское единство и создать множество клонов. Из тех деятелей выпестовано много «экспертов», которые с тех пор написали книжки, побывали депутатами, неплохо пристроились и поныне говорят «от имени и по поручению» христианской общественности — когда фундаменталистской, когда либеральной. Канул в лету разве что один из первых раскольников Твердохлебов, взятый в знатные агенты благодаря тому, что был тезкой известного диссидента.

Чув и Аксютин — самые известные из тех, кто курировали политическое христианство, дискредитировали его и не позволили ему стать реальной силой, а не сообществом послушных клоунов с хоругвями и нагайками.

Политическая деятельность очень быстро превратилась в антипод советского маразма — только «проверенные» товарищи шагали рядом с Ельциным, а люди, десятилетиями противостоявшие советскому режиму, оказались оттерты и ославлены как не договороспособные маргиналы.

В чем спецслужбам нет равных, так в этом.

Без сомнения, все провиденциально. Теперь понятно, что христианская демократия в России была обречена, и хорошо, что она не попала ни в Верховный совет, ни тем более в Думу.

Холодок в моих отношениях с Прибыловским возник тогда. Мы печатали письма о гонениях христиан и вели мартиролог мучеников, когда в Церкви никто об этом не помышлял.

А Володя, в перерывах между составлением досье на наших корреспондентов, замутил пародийную партию по превращению России в банановую республику.

Я была трагически серьезна. А он был насмешлив и весел.

Оказался прав он. Поскольку борьба за любое реальное изменение в России оказалась сродни потешной схватке за ее банановое будущее.

Я преподавала в Международном университете Попова и Лужкова и в Первой классической православной гимназии. А Володя нанизывал эти сущности на булавки в своей коллекции. И снова прав был он, поскольку потуги учить свободе по-западному уперлись в вечный распил бюджета под надзором доверенных товарищей, а намерение строить христианскую школу обнулилось неспособностью быть христианами в реальности ее отцов-основателей.

21 августа 1991 года я была уверена, что главное мы сделали — а дальше сами. Володя развернул свои исследования и пошел с большой дупой рассматривать победителей. Он не занимался ни Кавказом, ни мусульманами. Мне же было интересно только это пространство.

Время от времени мы встречались в разных компаниях, вполне дружески. С дотошностью летописца он рассказывал, что стало с общими знакомыми.

А потом пришел Путин, и началась Вторая чеченская.

В 1999 году все поделились на тех, кто полагал, что ждать от выходца из КГБ можно только того, чему его учили — провокаций, методичек, как «держат и не пуцать», закручивания гаек и арестов. И на тех, кто был уверен, что все же он либерал и «верит в человека».

Все было снова хорошо — мы были в меньшинстве, по одну сторону, как в университете, мы узнавали друг друга, и все наши мелкие недомолвки стерлись. Единственное, что у нас отсутствовало — опыт погружения под лед правления спецслужб.

Все годы путинского режима Володя занимался летописью их деяний. Нет никого в новейшей истории, кто бы так подробно их запротоколировал с точностью совестливого следователя.

А режим занялся им — методично и мелочно.

Мы увиделись после первого налета на его офис. Все так же, с улыбкой и его незабываемым смехом он рассказывал, как налетчики унесли все компьютеры. А вокруг бродили те, кто станет советчиками режима, платными комментаторами, толмачами властного сумбура, государственниками и крымнашистами.

Володя был первым из моих товарищей, кто стал угрозой этой новой хунте на ее поле.

Спецслужбисты желают все знать обо всех. А он был тем, кто почти все узнал о них и их подручных.

Его книга «Корпорация» — вот об этом.

Все, что о них останется в истории.

Просто потому, что ее написал лучший и самый честный летописец времени, который хорошо знал, что важно проскользнуть в узкий зазор между Светонием и Тацитом.

У него получилось.

Л.К. Чуковская.

Л. Чуковская и К. Лозовская.

Л. Романков и Е.Ц. Чуковская.

Анатолий Копейкин,
Париж

Дни и годы из жизни ВВП

Познакомились мы с Владимиром Валериановичем Прибыловским на первом курсе университета. На исторический факультет МГУ мы поступили в 1975 году. Кажется, он поступал туда уже во второй раз. Вообще приёмная комиссия в тот год была достаточно неординарная и набрала довольно много разных чудачков и оригиналов, многие из которых потом стали на многие десятилетия моими друзьями и товарищами. Были в нашей компании товарищи и с других курсов, но это были единичные исключения, хотя компания наша была открытая.

После зачисления в МГУ всех иногородних поселили в кирпичном общежитии на Мичуринском проспекте, наверно, в полчасе ходьбы от «стекляшки» — корпуса гуманитарных факультетов, где располагался истфак. Этот корпус по сию пору стоит перед тем фасадом главного здания («высотки»), что выходит в сторону цирка, хотя истфак переведён на 90 градусов по отношению к «высотке».

Ездили мы до факультета на троллейбусе. Прибыловский как-то мне сказал, что он не платит за проезд. Я спросил: «А штраф?» Он ответил: «А что штраф? Контролёры приходят довольно редко, мне попадаются не чаще, чем раз в месяц-полтора, и если платить штраф и никогда не платить за билеты, то со штрафами получается выгоднее». В самом деле, в переполненном утром троллейбусе до безбилетников пробраться было довольно непросто, тем более, что ехать надо было всего 3 или 4 остановки (для справки: билет на троллейбус стоил 4 копейки, а штраф был один рубль).

Общежитие сближает людей довольно быстро. Я думаю, уже в первые месяцы мы вполне уже активно общались, но чего-то конкретного из этого периода вспомнить трудновато. Жили все по 4 человека в одной комнате, комнаты выходили в длинный коридор, оканчивавшийся умывальной комнатой. В общежитии было шумно и, как говорится, весело, бывали разные вечеринки, но не то чтобы каждый день. Почти каждый день каждый студент ходил в библиотеку и сидел там более-менее до вечера. Не были исключением и мы.

Учился Прибыловский минимум на «хорошо» и «отлично», а может быть, и просто на «отлично». У него была хорошая память на всякие сюжеты, истории и так далее. Но, скажем, не на даты. Дни рождения своих детей — и даже годы их рождения — он вспоминал с трудом либо вообще не мог вспомнить. У меня же память была устроена ровно наоборот: я мог запоминать имена, даты, картины,

но не литературные или исторические сюжеты (тем более, их хитро-сплетения). Прибыловский, готовясь к экзамену по истории России, мог прочесть несколько разных учебников, чтобы лучше понять разные события. Я же наоборот: просто вызубривал текст учебника и отвечал, пересказывая текст, а не рассказывая о событиях, которые проходили через мою голову не задерживаясь и не оставляя в ней никакого следа.

Лерьяныч (так его звали многие) был живой, любознательный, приветливый товарищ — и также хороший друг и товарищ. Любил вещи простые и понятные: поесть чебуреков, выпить пива, почитать романы Александра Дюма и тому подобную незатейливую паралитературу: Стругацких, Фазиля Искандера, Войновича.

На следующий год нас переселили в более цивилизованное место — новопостроенный ДСВ — Дом студента на проспекте Вернадского, примерно 20-этажное здание на сваях; поселили истфак где-то в районе 14-го этажа. Сейчас уже не вспомню, но то ли год, то ли полтора где-то на четвертом-пятом курсе мы прожили в одной комнате с Лерьянычем и Геннадием Якимовым (с последним Лерьяныч сохранял дружеские отношения до последних дней своей жизни). Внизу, под первым этажом, была здоровенная столовая, в которой Володя подрабатывал одно время то ли сторожем, то ли кем ещё, и приносил оттуда суп в кастрюльке. Утончённый Геннадий напрочь отказывался от этого столовского супа, воротил нос, называя его бурдой, а я иногда и не брезговал, хотя в восторг от него прийти было трудно.

Напротив ДСВ была конечная остановка троллейбуса и некий павильон для отдыха водителей, включавший в себя главным образом ведомственную столовую. Там кормили получше, чем в нашей столовой, но пускали только водителей — и лишь по милости поварахи некоторых студентов, включая Прибыловского. Ну и я туда захаживал иногда. Главное, нужно было очень вежливо и чуть подобострастно поздороваться и брать то, что она предлагала, а самому не выбирать — ежели кто это пытался делать, то повараха потом говорила, что лишних порций у неё нету. Любила, значит, чтобы ее уважали.

Жизнь в общежитии была весёлая и разгильдяйская, но когда были экзамены, все, конечно, сидели не разгибая спины. Такого, чтобы люди выпивали каждый день, конечно, не было, но какие-то пьянки, конечно, имели место время от времени.

Наша компания состояла также из Геши Степанова, Ваньки Ершова, Игоря Торбакова, Лёши Собченко, потом к ней присоединился более молодой и с более младшего курса Костя Акинша и некоторые другие. Были и другие, дружественные нашей компании компании (Володя Громов, Васиф Гаиров, Витька Безотосный). Это если не считать москвичей, с которыми общение производилось главным образом по месту учёбы или в библиотеках, а не в общежитии.

Ранней осенью студентов посылали «на картошку», но Прибыловский всегда искусно уваливал от этой повинности. Не любил он крестьянский труд, не хотел помогать партии и правительству в осуществлении продовольственной программы. А зря. Как раз на картошке собирались тёплые компании, и можно было славно отвести душу у костра за бутылкой водки среди закадычных друзей (ну как не вспомнить тут про Владика Зубока, Миньку Саблина, Мишу Вулиха, которые своим самоотверженным трудом повышали, увеличивали и развивали). Со всеми вышеперечисленными товарищами у Прибыловского были хорошие, товарищеские отношения. Да и не только с ними, но и со множеством других. Вообще к нему все относились тепло и приветливо, исключая, наверно, разве что комсомольских и профсоюзных функционеров. И было, за что.

Председателем учебно-воспитательной комиссии одно время был Витька Литуев, который решил навести на курсе суровую дисциплину насчёт посещения лекций (оно, правду сказать, иногда оставляло желать лучшего, особенно в поточных аудиториях по марксистско-ленинским дисциплинам, особенно по утрам, когда студенту хочется спать, а не слушать, как долдонят про политэкономия социализма или научный коммунизм). В общем, строгость учёта повысилась, а за пропуск нескольких лекций полагались некоторые санкции (какие именно, трудно сказать, может быть, нельзя уже было получить повышенную стипендию и т.д.). И вот Прибыловский затеял одну кампанию. Он составил письмо на имя комсомольского собрания с требованием переизбрать Витьку Литуева и снять его досрочно с этого злонамеренного поста. Для этого надо было собрать, предположим, 50 подписей. И Прибыловский подходил к разным студентам с просьбой подписать петицию. Нужное количество подписей он собрал. Большинство соглашалось подписать, некоторые отказывались, хотя это ничем им не грозило, всё было в рамках устава и так далее, но страх, видимо, вёлся в поры кожи многих людей, и пересилить они его не могли. По моим впечатлениям, подписалось человек

70, то есть больше трети из более чем 200 студентов исторического факультета МГУ. Самое при этом сенсационное выяснилось на собрании: начальство даже не подозревало, что собираются подписи, для начальства это было полной неожиданностью. Каким образом эта информация не просочилась, мне до сих пор не понятно. Ни одного стукача на 70 человек не оказалось! Витьку Литугева на том собрании сняли с этого поста, все вздохнули с облегчением и продолжали прогуливать неинтересные лекции.

Видимо, на пятом курсе Володя стал подрабатывать дежурным по этажу в главном здании (его называли «ГЗ») МГУ и там познакомился с мексиканской троцкистской Лаурой, которая впоследствии стала его женой. А меня (уже после окончания университета) он познакомил с подругой Лауры Бернадой, которая стала моей женой (они жили в соседних комнатах в ГЗ).

Где-то, возможно, уже с пятого курса Лерьяныч стал показывать нам разные сам- и там-издатские сочинения. По крайней мере, после лета 1980 года — точно. Так я впервые познакомился с «Записками об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской, сочинениями Евгении Гинзбург, Владимира Буковского, Солженицына, Александра Зиновьева и так далее.

Опять же где-то в районе 1980 года Володя познакомился с Еленой Цезаревной Чуковской, а через неё и с Лидией Корнеевской. Зимой на даче Чуковских в Переделкине набиралось вокруг дома много снега, и вот перед весенним снеготаем требовалось отбросить кучи снега от деревянного дома. Володя устраивал, так сказать, субботники. Мы приезжали с моим другом Алексеем Расторгуевым (ну и с Прибыловским!) в Переделкино, вооружались лопатами и освобождали пристенное пространство от сугробов. Потом пили чай и задушевно разговаривали с Еленой Цезаревской и бывшей секретаршей Чуковского Кларой Израилевской Лозовской. А перед уборкой снега она спрашивала: «Вам чьи валенки дать — Корнея Ивановича или Александра Исаевича?»

Позже потребовалось немного отремонтировать и сам дом. Следовало заменить брёвна (балки) на веранде, для чего снимались доски, по которым ступали ноги классиков литературы, старые брёвна вытаскивались, а новые вставлялись. Новые брёвна имелись тут же, на участке. Это были полуповаленные деревья, которые засохли то ли от старости, то ли ещё по какой причине (а так бывает: живёт себе дерево и вдруг почему-то решает помереть, причём

никаких видимых причин тому нету). В общем, мы с товарищами пилили эти полузахосшие деревья, отмеривали их длину, тащили к веранде и вставляли вместо истлевших брёвен.

Кроме того, несколько просел пол в самом доме, и мы при помощи особых домкратов поднимали его и вставляли такие столбушки-подпорки. Семён Липкин писал в своём стихотворении:

*Опоры кое-как подправить удалось
Гуманитариям студентам.
И дыры залепить. До утра улеглось
Корыто старое с цементом.*

31 марта 1983 года исполнялся 101 год со дня рождения Корнея Чуковского, и 1 апреля было устроено, так сказать, торжественное заседание на его даче, куда пришло довольно много народу, включая и меня с Лерьянычем. Торжественная часть состояла из раздачи книги Чуковского о Репине с автографом Лидии Корнеевны. Лидия Корнеевна говорила так: «А теперь эта книжка дарится Толе» (фамилия не называлась), и все понимающе переглядывались: конспирация же! «Милому Толе, участнику преступной стройки, крепко жму руку. Л.Чуковская. 1 апреля 1983 г. Переделкино. День рождения Корнея Ивановича». Наверно, такая же надпись была и на подаренной Володе книге.

Было ещё одно дело по «изготовлению и распространению анти-советской литературы». Володя взял у Елены Цезаревны «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской, дал мне, я дал Алексею Расторгуеву, а уже он — Наталье Флаксерман (чуть ли не дочке секретаря Луначарского), у которой на работе стоял ксерокс. На этом ксероксе и было изготовлено несколько копий этой книжки. Делалось это не быстро, едва ли не несколько месяцев, но книжка размножилась, и как-то на даче Чуковских была своеобразная «презентация» этих экземпляров для Лидии Корнеевны; как я сказал ей: «Вот, Лидия Корнеевна, пиратское издание вашей книги». Она добродушно усмехнулась: «Побольше бы таких пиратских изданий!»

После окончания университета мы продолжали общаться с Прибыловским достаточно интенсивно; он снабжал меня анти-советской литературой, а я распространял её дальше, другим своим друзьям. Я часто заходил в ГЗ МГУ, где Лаура всегда была рада видеть гостей и угощать их разными кушаньями. Володя предпочитал пить пиво (Лаура покупала ему «Хейнекен» в валютном магазине «Берёзка»), а мы с Лаурой и другими, если кто ещё

заходил, предпочитали грузинское вино «Мукузани». Пил он тогда, если сравнить с «потом», просто микроскопическое количество пива. То есть по нашим понятиям нормально, но по сравнению с последними годами...

В 1983 году я уехал во Францию, и общение вынуждено прекратилось. Только осенью 1986 года Володю выпустили в Мексику, и я туда прилетел, чтобы с ним повидаться. Об этом я написал в 2002 году статейку в «Русской мысли», которую здесь и приведу.

«В этом номере «РМ» есть статья В.Прибыловского памяти А.Гинзбурга, в которой ее автор пытается вспомнить все, что он когда-то слышал о легендарном диссиденте. Поскольку какие-то события были уже довольно давно, то Прибыловский и сам уже сомневается, в точности ли так это было и точно ли тогда. Не знаю, насколько точны его юношеские воспоминания, но что касается его начала сотрудничества с «Русской мыслью», то автор этих строк помнит это гораздо лучше. Просто никакого сравнения нет, насколько лучше.

«В 86-м году я отправил в Париж Копейкину свою первую статью для «Русской мысли», подписанную инициалами. В «РМ» мою статью редактировал, как мне потом сказали, Алик Гинзбург», — пишет Прибыловский.

Алик Гинзбург, конечно, читал и редактировал последующие статьи Прибыловского, но не эту. Эту первую статью редактировала, как сейчас помню, Наталья Горбаневская. Она придумала для нее название (сейчас точно не помню, но что-то вроде такого: «Москва, 1986 год от Р.Х.»), а что касается подзаголовков, то, поскольку статья была обзорная и обзирала неформальные движения в Москве, то подзаголовки оригинальностью не отличались («Социалисты», «Национал-большевики», «Память» и т.п. — за точность не ручаюсь, но за суть — да).

Всем в «Русской мысли» писания Прибыловского сразу понравились: и Ирине Алексеевне Иловойской, и Алику Гинзбургу, и Наталье Горбаневской. Их ждали с нетерпением и сразу же печатали по мере поступления.

А написана первая статья Прибыловского была так: «В 1986 году я уже три года как жил в Париже и работал в «РМ». Тогдашняя жена Прибыловского мексиканка Лаура в 1985 году насовсем уехала к себе в Мексику и пригласила его погостить. Советские власти, однако, долго отказывали в разрешении, но наконец ранней осенью 1986 года

разрешение пришло. Автор этих строк, узнав про такое дело, быстро собрал чемодан, напихал туда антисоветской литературы и полетел в Мехико для встречи с другом (хотя в начале 1986 года я уже и ездил в Мексику вместе со своей тогдашней женой-мексиканкой). Билет стоил почти мою месячную зарплату, но что было делать.

В Мексике Прибыловскому очень понравилось, мы провели то ли неделю, то ли две вместе, поехали по стране и все такое. Володя очень оценил мексиканское пиво, разнообразие его марок (Мексика — первая пивоваренная страна в Латинской Америке), потреблял его в достаточных количествах и в разнообразном ассортименте. В октябре месяце в Мехико еще довольно жарко, и Прибыловский любил поваляться на крыше дома в пригороде Мехико (город называется Текскоко) — позагорать и попить пива. Выглядел он при этом очень живописно. Он читал те антисоветские книги, что я привез, загорал и раскупоривал одну банку пива за другой.

В «Русской мысли» тогда, мягко говоря, не было избытка авторов из Москвы, и я подумал, что надо бы, чтобы мой друг-москвич что-нибудь написал для нас.

Я стал его уговаривать, но Прибыловский отнекивался, говорил, что писать не умеет, не любит и все такое.

В те времена «Русская мысль» платила очень неплохие гонорары, а по московским понятиям — просто умопомрачительные. Это и было последней каплей — антисоветчик Прибыловский вяло согласился, когда я помахал перед его носом 80 долларами (надо же ему было как-то оправдывать расходы на поездку).

— Ну что, написал? — спрашивал я его каждый день, приближаясь ко все более напитываемому загаром нехилому телу Прибыловского.

— Пишу, пишу, — отвечал он, щурясь на солнце и глядя вдаль, в сторону вулкана Попокатепетль.

Возвращаясь из увеселительных поездок, Володя ложился на крышу, открывал пиво и шариковой ручкой упорно исписывал страницу за страницей.

В конце текста он поставил инициалы «В.П.», передал его мне, а я ему из оставшихся у меня 80 долларов отдал 80.

Статья в эмигрантской среде незамеченной не прошла. У меня никто не спрашивал, как зовут автора, и только некоторое время спустя главный редактор спросила меня: «А как фамилия вашего друга?». Я взял бумажку и написал: «Владимир Прибыловский». Не знаю,

зачем ей это было надо — может, для отчета. Во всяком случае, это осталось тайной для всех посторонних.

Некоторые читатели высказывали предположение (уже в 1987 году), что «В.П.» — это Владимир Пимонов, который начал писать для «Русской мысли». Такие предположения были на пользу, ибо запутывали дело.

Прибыловский продолжал присылать свои статьи, а мы ему отсылали гонорары. (Кстати, И. Иловойская сразу возместила мне отданные мною В.П. доллары, хотя, честно сказать, я на это не надеялся, когда отдавал их ему).

Его статьи приходили через тайные каналы, как сейчас помню, через Корнелию Герстенмайер, члена редколлегии журнала «Континент». Вскоре Володя напечатался и в этом журнале.

Что касается попытки провоза Прибыловским антисоветской литературы, то она окончилась неудачно. Кроме томика Цветаевой, у Прибыловского на таможне отобрали все. Перестройка тогда едва брезжила, и до таможенного либерализма было еще далеко.

Чуть не лишился он тогда и своих долларов. Шмонали его усердно, перебрали все вещи в чемоданах, проверили все карманы и заставили раздеться чуть не догола.

— Куртку снимать?

— Снимать.

Он снял.

— Штаны снимать?

— Снимать.

Последовало и это.

Прибыловский снял один носок и поболтал им в воздухе.

— Второй снимать? — вяло спросил он?

— Не надо — брезгливо сказал таможенник.

А в этом втором носке и были запрятаны упомянутые доллары!

И пусть Прибыловский мне сейчас не говорит, что все было не так. Все было именно так, как тут написано.

В конце статьи была поставлена подпись: «В.П.». Ниже левее: «Москва».

На самом деле местом написания статьи была не Москва, а Мехико, вернее его маленький пригород Текскоко.

Этот фельетончик написан, конечно, не для того, чтобы опровергнуть тезисы Прибыловского или похвалиться, как я его спроворил писать для нашей газеты.

Воспримем его как этюдик о временах, миновавших, будем надеяться, навек.

Ведь в октябре 1986 года еще был жив Анатолий Марченко и еще не умер в результате голодовки парой месяцев позже. Еще сидел в горьковской ссылке Андрей Сахаров...

Перестройка еще только брезжила.»

(«Русская мысль», 2002 год)

Потом, через несколько лет, когда Ирина Иловайская стала ездить в Москву, она растормошила Прибыловского, и он стал регулярно писать в газету чуть ли по статье в неделю. Платили по московским понятиям просто роскошно, и Володя, наверно, никогда так богато не жил. Где-то в 1994-м году он приехал в Париж и спокойно жил в не самой дешёвой гостинице.

Он выпускал свои справочники по политическим и другим деятелям России, продавал их в посольства по 300 долларов за штуку и жил припеваючи (тогда на 300 долларов в месяц в Москве можно было жить так, как сейчас, наверно, на 3000 не проживешь).

В 2000 году Ирина Иловайская умерла, газета еще просуществовала год, а потом существовала еще пару лет, так сказать, на честном слове и на одном крыле, то есть на голом энтузиазме, пока её не перекупили путиноиды и не превратили её в самодеятельный заштатный пропагандистский листок.

Наступление новой эпохи было не мгновенным, но лет через 10 или чуть больше Володя ощутил это и на своём материальном положении: оставалось всё меньше независимых изданий (а сейчас почти и не осталось), получить зарубежные гранты тоже стало сопряжено с некоторыми трудностями, так что материальное положение Володи было далеко не блистательным. Тем не менее изредка в Париж он приезжал и поражал меня объемами выпиваемого пива и вина (за день он мог вполне выпить 3 литра пива и 2 литра вина).

Всё это не способствовало сохранению его здоровья, а скорее даже наоборот. В последний раз я его видел весной 2015 года, когда он приехал типа на неделю в Париж. Еще не доехав до места встречи из аэропорта, он уже употребил три литра пива и уже очень слабо что соображал в практическом смысле. А под вечер, добавив где-нибудь (например, в гостях у Олега Бергазова), он уже вообще мало что соображал, и приходилось руководить его действиями по открыванию замка по мобильному телефону.

С грустью я смотрел на такое состояние моего друга и думал: как же он будет жить дальше, когда кремлёвские власти перекрыли кислород для всякой оппозиционной деятельности и иностранной финансовой помощи независимым журналистам и исследователям.

Незадолго до смерти он мне звонил и экивоками (экивоками!) пытался выяснить, как бы ему перевести деньги в Москву, не вызывая подозрений, что он «иностранец». Я предложил перевести сумму на мой счёт, а потом с моего счёта на его счёт. «А тебе налоговая ничего не скажет?» — поинтересовался он. «Володь, у нас в налоговой работают вменяемые люди, их мои объяснения вполне устраивают». Но до перевода денег так и не дошло.

Примерно около 10—12 января 2016 года Володя умер у себя на квартире, где его позже нашли мёртвым. «Отчего он умер?» — спрашивали некоторые общие друзья, подозревая, уж ли не власти ли его замочили. «От смерти он умер, от смерти, — отвечал я. — Точнее, от жизни». Или, если ещё точнее, — от образа жизни.

С Надин Кеворковой, Андреем Храмовым
и Геннадием Степановым. *Донская экспедиция.*

Фото на документ. 1980-е годы.
*Предоставлено
Екатериной Кривошей.*

Ещё кадр со съёмок
экспедиционного кино.

Геннадий Степанов,
Аббат (на крыше),
в правом углу
Пётр Романков.
*Донская
экспедиция,
1978 г.*

С Миланой
Богдановой.
*Донская
экспедиция.*

Алексей Расторгуев,
Москва

Отдельные части прошлого

Когда человека больше нет среди нас, его имя вызывает в памяти что-то трудно определимое, цельный и уже неизбежно завершённый образ, в котором, как вспышки стробированного света, возникают отдельные части прошлого. Мы едва ли выбираем то, что запомнилось: случайные разновременные картинки, фрагменты разговоров, сцены, контекст которых неясен, неточные воспоминания предшествующих и последующих событий. Разъять их на что-то последовательное – значит нарушить самостоятельность памяти; что-то может быть повреждено в этой записи, и она станет только хуже. Но все же, все же.

Володя Прибыловский, наш однокурсник, вспоминается мне – если поискать самое раннее воспоминание – по любви к загару. Среднего роста, смуглый, хорошо сложенный, с явными татарскими чертами темноватого лица, с характерными глазами, заметно раскосыми, но идущими чуть вниз, а не вверх, он начинал загорать на университетских крышах и газонах очень рано, как будто стремясь свою восточную желтокожесть оправдать и узаконить солнечными лучами. Потом, когда он ездил в Мексику к своей подруге, ей говорили: ну, такого могла бы найти и у нас, – он мало подходил под их представление о русском, и в сомбреро выглядел бы, пожалуй, вовсе креолом – в духе Чарльза Бронсона (в жилах того тоже кровь татар, только литовских), и с похожим напористым и настойчивым обаянием.

Его диплом, посвященный времени ранневизантийского императора Анастасия, мне известен только по названию: историки, со своими методами и мыслями, были от нас, искусствоведов, довольно далеко. Он был о политике, не о словесности, требовал, однако ж, хорошей образованности и знания греческих источников. Пересечения с ним через нашего друга, Толю Копейкина, происходили не по поводу императора Анастасия – а по поводу антисоветской литературы, как это тогда называлось. Книги с трудом добывались, читались, передавались ближнему, а ближний – дальнему; но книги еще и множились на редкостной и недоступной тогда аппаратуре, называемой ксерокс – серенький, не очень четкий тогдашний ксерокс неотделим от шрифта карманного издания «Архипелага»; этот двустраничный, на А4, листок, переплетавшийся или лежавший в папках, вполне заслужил тогдашнее народное прозвище «серокопия». Один человек находил — с чего ксерить; другой – где. И мы везли сумки с десятком копий от замечательной фактурной Наташи Флаксерман,

чей отец был секретарем Луначарского, у нее в каком-то институте была множительная машина – ко мне, на Фрунзенскую набережную, потом раскладывали на экземпляры, развозили дальше.

Дело было в общем-то небезопасное, и я не знал, куда потом, после Копейкина и Прибыловского, отправляются эти копии. Длинные разговоры с Наташей, на кухне на Мытной, ее темное лицо, тяжелое и сильное, с какой-то грубой, вызывающе некрасивой фактурой и бесконечным обаянием яркой индивидуальности (в своих дневниках Александр Бенуа упоминает «красавца Флаксермана» по поводу Луначарского), ее еврейский трагический масштаб, пепел ее непрерывных сигарет и истории ее времени – это моя часть дела – а со стороны Прибыловского была какая-то куда более активная деятельность, самиздатский журнал «Левый поворот», к которому он был причастен, имена, которые и теперь на слуху, и процесс, по которому кто-то напоследок неожиданно крепко сел и отрубил лет по 5 – примерно с 1982 по 1987 годы.

В эти 1980-е я два раза был с ним рядом довольно долго, и оба раза – за совместной физической работой. Первый раз это касалось ремонта и приведения в благопристойный порядок дачи Чуковских в Переделкине. Литфонд, вероятно, побуждаемый к тому другими, высшими силами, чаял эту дачу у Чуковских отобрать. Из трех женщин, к тому времени там живущих: Лидии Корнеевны, Елены Цезаревны и бывшей секретарши Корнея Ивановича Клары Израилевны – власть не терпела первую, конечно. Почти слепая к тому времени, величественная безо всякой позы, она для нас была даже не «Записками об Анне Ахматовой», а каким-то свидетелем времени, которого видеть было каким-то смещением эпох – здесь, и рядом, было настоящее прошлое. Настоящность ее была захватывающе прямой – она была не правозащитник, не диссидент, не писатель – а просто человек, который говорил что думает, у которого был внутри какой-то несгибаемый ориентир непреложности. Неподвластная глубокой уже старости, она говорила раздельно, отчетливо и прямо – и эта ее независимость, непокоренность – была каким-то свидетельством куда более важным, чем сами ее мысли. И все это – в оболочке старой дачи, когда-то построенной для давно сгинувшего Артема Веселого. Дача состояла из прямоугольных по немецкой технологии в духе фахверка секций, засыпанных внутри каким-то шлаком и чем-то там обшитых – она стояла не на кирпичном фундаменте (что-то кирпичное шло только по ее обширному периметру), а на деревянных столбах, ходила ходуном по правилу

параллелограмма направо и налево в зависимости от сезона, текла и продувалась. Кажется, она была оклеена изнутри синей бумагой, которую как раз меняли, и Клара Израилевна рассказывала, как трудно найти тот, нужный, цвет. Но менять нужно было не только бумагу – Литфонд грозил отобрать дачу под предлогом ее ненадлежащего технического состояния.

Прибыловский собрал команду для того, чтобы эту дачу починить. Не знаю, кто это придумал сделать – бесплатно отремонтировать дачу, чтобы у Литфонда не осталось аргументов, – но это было сделано. Еще до того, как я там появился, была поменена крыша – и поскольку кровельного железа не было, на нее пошли старые типографские матрицы, на которых проступили ржавчиной после дождей строки и фотографии газетных страниц, довольно на крыше неуместных. Вес их куда превосходил оцинковку, и вопрос фундамента и пресловутое правило параллелограмма встали очень остро. Дом зашатался. Кто-то придумал целую технологию, чтобы укрепить его фундамент. И вот – это уже было наше дело – под домом были вырыты траншеи, чтобы по ним получить доступ к столбам, вынимались старые, ставились новые, и два красных поворотных японских домкрата развивались, чтобы приподнять и выставить по нивелиру уровень просевшего пола. Все это, в общем, несложно, но медленно. Менялись люди, мы приезжали нерегулярно, кто когда может; нас поили чаем, и рассказывались замечательные истории от *genius loci*, которым была Клара Израилевна – например, от том, как Леонов поссорился накрепко с Чуковским. Первый пришел к последнему в поисках какого-то сочинения, вроде – воспоминание неточно – какого-то тома Ленина или там Краткого курса. Чуковский отправил Леонова на веранду, заметив дерзко, что разный хлам держит там (времена были уже, по словам Ахматовой, сравнительно вегетарианские) – и Леонову первым делом бросилось там в руки собственное собрание сочинений с дарственной надписью Корнею Ивановичу. Дальнейшее очевидно.

Прибыловский остался там, в истории о даче в Переделкине, как хороший товарищ, с которым весело работать, рассказывать истории, анекдоты и случаи из чужих жизней, тюремные или просто хорошие, прочитанные или услышанные дома. Он гордился, кстати, что его неприятие советской власти имеет глубокие корни – Пугачев повесил священника по фамилии Прибыловский, который отказался признать его государем. Я рассказывал лагерные истории отца. Но я думаю, никакого государя не признал бы и сам Володя.

Его представление о том, что можно и что нельзя в области политики, было как раз ближе всего к Лидии Корнеевне: не нужно лгать, и всё тут. Отчасти это был добросовестный подход историка к своему собственному времени, как к той же истории. Свидетельства прошлого надо разделить, достоверные – особо, недостоверные – отсечь, доказав их подложность. Свидетельства настоящего – точно так же. И его агентство «Панорама», неизбежный и нужный компромат на нашу, как говорится, политическую элиту, – это все следствия его профессиональности как аналитика документов. А вектор анализа – тот да, скорее как у Лидии Корнеевны.

Зимой мы чистили снег – особенно хорошо было сбрасывать его с верхнего балкона, врубаясь в наст прошлых оттепелей, и мы получали для того у Клары Израилевны валенки в соответствии с размером – «вам какие, Корнея Ивановича или Александра Исаевича?» — и перехватывало дыхание, to step in one's shoes - я выхватил солженицынские, хотя и те, и другие были сорок пятого. Взаимная равномерная симпатия, неглубокая, но хорошая теплота отношений, ощущение простой надежности, которое сложилась тогда, привела его на вторую совместную стройку: мне нужно было срочно поставить перегородку в своей квартире, денег опять же не было – ну созвали товарищей, во многом тех же, и все всерьез натащили половых досок из брошенного дома во дворе, выстроили перегородку, обшили ее – Прибыловский как строитель имел немалый опыт – рабицей, заштукатурили до состояния железобетонной плиты смесью из песка, который тут же просеивали, и ворованного стройбатавцами цемента с ближней стройки, даже вытянули штукатурный карниз – и после того, я думаю, я так долго с ним рядом уже никогда не был.

Фрагменты чужой жизни трудно достать из фрагментов своей. Когда его подруга Лаура Елена Гарса Буэно жила в общежитии для аспирантов в главном здании МГУ, ему нужен был пропуск — которого быть не могло. Она потеряла свой, восстановила – а ее пропуск переделывался нами на мужской лад, моя жена рисовала печати с большим мастерством, и в результате появился на свет документ, в котором под фотографией Прибыловского черным ли, синим по белому было выведено каллиграфическим казенным почерком: Лавр Евгеньевич Гарсобоуэнко. Замечательный персонаж, перед именем которого бледнеет и тает любой поручик Кижэ. Кажется, он даже продлялся – за подписями и печатями, столь же достоверными. От этого остался запах и вкус текилы, мескаля — какие-то

недоступные книги из магазина «Березка» на Кропоткинской улице – и Лаура, раскусывающая без малейшей запинки любой перец чили, но умирающая от хрена («Как, русские, вы его едите?») – запах чужой любви, легкомыслия, свободы и невыносимой стесненности – восьмидесятые, первая половина; кто жил – помнит.

Легкомыслие и безоглядная неаккуратность, как в отношении своей, так и, к сожалению, чужой жизни, были его пожизненным свойством. Его страстью были археологические экспедиции – то есть грубый быт, долгие вечерние посиделки, юные девицы, внимающие на свободе словам, делам и телам старших, ощущение похода, ненадежной изменчивости и быстродействующего алкоголя. Поздние годы его жизни возникали по касательной: его мексиканская приёмная дочка пишет, что хочет приехать в Париж – и ты понимаешь, что Либертад стала красавицей, каких мало, и что прошло очень много лет. Или чьи-то гости в том же Париже, и он, грузный и полуседой, с пегой короткой бородой, окончательно напоминающий монгольского хана, хмельной, какой-то уже упрощенный, и все же какой-то легкий и складный в своей новой тяжести. Отголоски каких-то все мельчающих перебранок о компромате на кого-то там, его обвинения в адрес чьего-то там живого журнала, чьи-то инвективы против него, разумеется – обвинение в связи с КГБ, ФСБ, полемика обоюдонепристойная, как всегда в фейсбуковский век, грубая и бездоказательная. Об этом хорошо посмотреть на Луркмор'е – мерзкий текст, с этим луркоморовским глумливым превосходством над всем живым – потому что они мертвы.

И все же сколько хорошего. Эта непрактичная, неудачная, в общем-то, тяга к правде как она есть, к точности сведения – возведенная в дело жизни, и к сожалению, не защитившая его от него самого. Поиск виноватых, полное отсутствие веры и надежды, точное знание многих вещей, в которых не разобрались другие – и нелепая борьба с вещами, в которых он не разобрался – но ради честности и чести, как ему казалось. Полное непризнание любого давления и принуждения, не только злого, – ничего кроме правды, пусть в том несчастном углу ее, которым занимается политический компромат. Выстраиваемая с такой старательностью новая иерархия власти, авторитеты уголовные, ставшие просто авторитетными людьми, большие деньги и крупные чины – все это прошло мимо него, он был циником в хорошем, в нищем, в античном смысле слова – и говорил только то, что думал. Так что Пугачев повесил бы и его.

**Донская
археологическая экспедиция
Московского университета**

**Леонид Романков,
Санкт-Петербург**

Аббат, он же Владимир Прибыловский

Мы должны были встретиться с ним в Москве 4-го или 5-го января нового, наступившего, 2016 года... Но Аббат поздно спохватился, и я уехал, не повидавшись с ним. А где-то между 8-м и 13-м января он ушёл из жизни. По крайней мере, последняя запись его в ФБ была 8-го. 13-го его нашли мёртвым.

Впервые мы встретились в археологической экспедиции Московского университета, проводившей раскопки на Каменной Балке, под Ростовом на Дону. Руководила экспедицией Наталья Борисовна Леонова, Натали.

В принципе Володя очень точно описал историю нашего знакомства и наши занятия в экспедиции в своём интервью А. Пятковскому. Мне остаётся добавить только немного личных впечатлений. В начале я помню Аббата худеньким загорелым юношей, которого обожали все экспедиционные дети. На перекурах на раскопе они кидались на него с объятиями, визжали от счастья и ластились к нему, особенно девочки. И он их любил и привечал, наверное, они это чувствовали. Он обожал две вещи — солнце и баню, которую мы там собственноручно построили. А ненавидел — комаров. У него была аллергия на комариные укусы, он чудовищно распухал, если не успевал спрятаться или надеть накомарник. Доходило до того, что он иногда предпочитал оставаться ночевать в бане, где можно было к тому же попивать пиво, которое охлаждалось в ванне с холодной водой. А ещё он готовил полынные веники и зазывал молодых барышень-студенток попариться. Зайдёшь как-нибудь в баню, а там очередь из полуобнажённых красоток, мечтающих, чтобы Аббат сделал им массаж или отхлестал полынным веничком. Не буду брать на себя грех преувеличивать, но думаю, в юности эти массажи могли перерасти в и в глубокое чувство...

С годами Аббат потерял былую стройность, сохранив, однако, чувство юмора, глубокие познания и симпатию к юным барышням. Как-то он сказал мне, что если ему кто-то из девушек нравился, то, несмотря на первые неудачные попытки, лет через пять-шесть эта симпатия реализовывалась...

Помню из смешного, что как-то две молоденькие девочки (кажется, это были Вика и Марта) пришли к нему в Москве в гости, держа в руках каждая по полулитровой кружке пива.

А вообще те годы мне вспоминаются какой-то платоновской Академией. После раскопа вечерами, да и ночами, мы

или прогуливались по дорожкам асьенды, или сидели за длинным деревянным столом, и вели долгие философские разговоры, часто за бутылкой вина... Людей было не так много, так что разговор был общим, неторопливым, и его можно было продолжать на следующий день. Из соучеников Аббата я помню Лёшу Кадацкого, поэта, религиозного мистика, с его мучительными христианскими сомнениями. Он приезжал ко мне в Питер, и у меня хранится самиздатская книжечка его стихов. Потом мы встречались в Новом Иерусалиме, где они работали вместе с Аббатом. К нему все относились довольно бережно, потому что в нём чувствовалась какая-то душевная неустроенность, какая-то внутренняя смута, приведшая его в конце концов к гибели. Был очень славный парень Геша Степанов, ясноглазый, улычивый, как-то нелепо погибший на стройке собственного дома вскоре после свадьбы. Конечно, была милая Надин, в то время любимая ученица Натали, с которой мы впервые встретились в экспедиции на Алтын Тепе. Она очень сильно тянулась к слову, к поэзии, к идее сопротивления коммунизму, надеюсь, под нашим влиянием. Натали же читала стихи, которых она знала множество, а тогда ведь ещё не было широкого открытого доступа к Цветаевой, Гумилёву, Мандельштаму, Ахматовой... Был мой тогдашний друг по Питеру поэт Володя Дроздов, тонкий и прекрасно образованный этнограф Серов, поэтесса Ирина Знаменская, историк Дмитрий Бовыкин, историк Павел Кудюкин (по кличке «Паша-оппозиция»), заходил из танаисской экспедиции востоковед Дега Деопик. Откровенные разговоры помогли всем нам, как мне кажется, уяснить, что советская власть губительна для народа и России, что коммунизм нельзя исправить, придав ему человеческое лицо, что это тупиковая ветвь. Что сталинизм привёл к геноциду населения страны, но начало этому положил Ленин, с его террором и концлагерями. Поэтому иллюзии о возврате к «правильному ленинизму», на которые поддавались всякие там Евтушенки и Вознесенские, для нас уже не существовали.

Другое дело — поиски выхода. Мне казалось, что Аббат в какой-то степени склонялся к «Левому повороту», к социал-демократии, вместе с Пашей Кудюкиным. Я уже тогда, как мне кажется, понимал, что социализм противоречит биологической природе человека. Правда, здесь можно впасть в необходимость дефиниций — что такое социализм, или «развитой социализм». Я понимал под этим лозунги СССР о пути к коммунизму, к которому мы идём через промежуточную стадию — социализм. Я уже не боялся

слова «капитализм», которым нас пугали на занятиях по марксизму-ленинизму...

Шли годы. Аббат женился на мексиканке Лауре, у которой была дочь Либертад. Я уже написал когда-то про это небольшую смешную историю:

« Жёлтая пресса»

Лаура, мексиканка, первая жена Володи Прибыловского, рассказывала, что в юности она была троцкисткой. Живя в Мексике одна с маленькой дочерью, она прочитала в газете, что все женщины в коммунистической России общие, а всех детей отбирает государство. И тогда она подумала, что если все женщины общие — то и мужчины, значит, общие (а у неё в этот момент никого не было) и ребёнка она сможет куда-нибудь пристроить. И поступила учиться в Московский университет. Увы, когда она приехала, то около полгода не могла устроить ребёнка в государственный садик, а мужчину, как она говорит, «и то довольно плохонького», нашла только через год. «Как всё-таки врёт буржуазная пресса!»- горестно восклицала она.

Узнав получше социалистическую Россию, она разочаровалась в троцкизме. В экспедицию нашу она приехала с дочерью, имя которой было «Либертад», в память о троцкистском прошлом. Деревенские дети на вопрос: «Где вы были?» — отвечали: «Ходили с Либертадом купаться на речку!»

Лаура мне нравилась. Она была очень умна, и, как мне казалось, относилась к Аббату слегка снисходительно, как к большому ребёнку. Она рассказывала, что когда Аббат приехал к ним в Мексику в гости и всем её знакомым проповедовал о тщете социализма, они запомнили только, что он пил много пива, у него был большой живот, и он обожал ходить полуголый на солнце... Из Мексики он вывез любовь к перцу чили и всяким острым приправам и потом в экспедиции угощал нас «сулемой» или «цианистым калием», как мы называли его смеси. А Лаура научила меня готовить кофе по-мексикански — с корицей...

В то время Самиздат и Тамиздат были для нас очень важными источниками знания о мире — как о своём, советском, так и о западном. И здесь Аббат был неоценим — сколько книг он привозил в экспедицию или в Питер, сколько я прочитал из его рук и размножил для друзей... Могу только сказать, что и я, познакомив его с семьёй Чуковских, открыл для него ещё один «источник Иппокрены». Меня тогда занимали ещё книги о «третьем пути»,

вроде того, что писал эмигрировавший в Израиль диссидент и алгебраист Михаил Агурский. Была такая идея, что может быть, и капитализм в его нынешнем виде есть только переходная стадия к какому-то другому, сильно децентрализованному обществу. Одним словом, мы обсуждали будущие возможные пути развития, не особенно надеясь, правда, на возможность реализации наших идей при нашей жизни. Но была ещё и другая важная задача: передать наше миропонимание, наше отношение к коммунизму следующим поколениям. И для этого экспедиция была идеальным местом. Приезжали студенты регулярно на практику, знакомые Натали подкидывали ей своих детей на месячишко-другой... Так появились Олег Темяшов, Кирилл Зайцев, Борис Фадеев (Бобсон), Сергей Шокарев (Рэмбо), Ваня Гринько, с которыми мы стали впоследствии очень большими друзьями... Интересно, что Натали не пресекала, а часто поддерживала наши, так сказать, «антисоветские» разговоры, не боясь возможных для неё последствий. За что ей честь и хвала.

Конечно, у Аббата, как и у меня, были неприятные встречи с органами. Обыски, изъятия Самиздата, допросы, вербовки...

Об этом он подробно рассказал во второй части того же интервью «Инакомыслящая жизнь в эпоху заката развитого социализма». Вот оттуда отрывок — о вербовке: «...В этот раз в парке — мы вокруг самолета прогуливались — Алексей (кагебешник — Л.Р.) как-то быстро перешел к вербовке: а вот, что Вы будете делать, если заметите, что посетители-иностранцы в музее будут наши законы нарушать? Или не обязательно иностранцы — сотрудники, например? **ВОТ ВЫ НЕ СОГЛАСИЛИСЬ БЫ НАМ РАЗ В МЕСЯЦ РАССКАЗЫВАТЬ ОБ ЭТОМ?** — Нет, — говорю, — не соглашусь. — Но ведь вы как советский человек обязаны сообщать о преступлениях? Я отвечаю: ну если какой диверсант-иностранец положит бомбу на могилу патриарха Никона, то я, конечно, сразу вам позвоню — или даже нет, мы, сотрудники музея, его просто скрутим и в милицию сдадим. Милиция ближе, чем райотдел КГБ...».

Во всяком случае, Аббат, и некоторые его друзья и знакомые, Собченко, Лёзов, так называемые социалисты (Кагарлицкий, Кудюкин) подвергались репрессиям, арестам, допросам, увольнениям с работы.

Шли годы. Началась перестройка. Аббат выбрал для себя особый путь — не политику, хотя он и не чуждался политических эпатажей, основав партию «Субтропическая Россия», задачей

которой было добиться среднегодовой температуры в России плюс 20 градусов по Цельсию, или вступив в Партию любителей пива. Он стал исследователем различных политических течений и субкультур в постперестроечном обществе. Организовал издательство «Панорама». Выпускал подробные и хорошо аргументированные справочники по политическим партиям, политическим деятелям, националистическим движениям, выборным технологиям. Почти все они хранятся в моей библиотеке.

Официальной работы по специальности у него не было, и он с гордостью раздавал визитки с надписью: «Владимир Прибыловский. Ночной сторож».

Володя побывал в Париже, был в «Русской мысли», которая регулярно публиковала его тексты, встретился со своим давним другом Толей Копейкиным, подружился с Наташей Горбаневской. Когда я поехал в Париж, он мне дал Толин адрес, и мы с большим, и я надеюсь, взаимным удовольствием стали общаться. Свой первый день в Париже я потом описал, слегка, по обычаю, утрировав, в книге «Семь с половиной»:

«Первый день за границей»

В Париже я поселился у двоюродного брата, но он в этот же день уехал на конференцию и я остался один. А в «Русской мысли» работал Толя Копейкин, и он пригласил меня к себе в гости вечером. Я вышел из квартиры брата, сел в лифт, нажал на кнопку «1» и поехал вниз. Но когда вышел из лифта, выхода на улицу не было (дело в том, что во Франции нижний этаж называется «RS»). Однако я не растерялся, хотя и удивился, вылез в окно и спустился по пожарной лестнице. Затем в метро я купил билет, вставил его в щель автомата, но турникет не открылся (оказывается, надо было вынуть билет, и снова вставить, выходя из метро). Мимо шёл алжирец, который просто перепрыгнул через турникет. Я решил сделать то же. В вагоне метро, когда я подъехал к нужной станции, дверь вагона передо мной не открылась, и я ломанулся в другую, открытую, сопровождаемый недоумёнными взглядами пассажиров. Дело в том, что если ты хочешь выйти, надо у двери нажать на кнопку, или снять крючок...

Когда я пришёл к Толе, там сидел его приятель из Москвы Лёша Расторгуев, приятный и умный парень. Так что мы выпили на троих семь бутылок красного вина, и я остался у Толи ночевать, потому что было уже поздно. Он положил меня в ванной. Короче, в своё первое утро в Париже я проснулся от того, что надо мной, лежащим на дне

ванны на куче мягких вещей, нависал Лёша Расторгуев с чайником пива и спрашивал — «С горлышка будешь, или в стакан налить?»

Если я бывал у Аббата в гостях в Москве, то меня удивлял бардак в его комнате, «срач», как сейчас принято выражаться. К тому времени он развёлся с очаровательной Миланой, с которой как-то приезжал в экспедицию, и жил один. Стоял открытый компьютер, лежали тексты, вдали куча всякого хлама. Если я писал ему, что еду в Москву, то получал лаконичные ответы: «Буду рад с тобой выпить и угостить тебя жареной бараниной. Или форелью».

Мясо он жарил, пиво и вино водилось в избытке, собеседником он был всё-таки замечательным... Как у него уживался беспорядок в комнате с удивительным порядком в голове — не понимаю...

«Но время шло, и старилось, и глохло...» (Б.П.). Россия под Путиным свернула с перестроечного пути, и мы снова с Володей оказались в диссидентах...

Аббат упорно и последовательно вскрывал механизмы срастания власти с органами безопасности, вернее, перерастания власти в чекистский паханат. Чего стоит его книга, написанная в соавторстве с Юрием Фельштинским «Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина!» В 2007 году у него был обыск, изъяли компьютер, диски. Дело пахло керосином, но как-то всё обошлось. Хотя на него натравили хакера Хелла, и Володя долго и упорно воевал с ним, раскрыв его псевдоним.

В 2012 опубликовал книгу «Кооператив «Озеро» и другие проекты Путина». Я не хочу вдаваться в подробную библиографию всего, что сделал и написал Аббат, это есть в Википедии. Скажу только, что он последовательно и бескомпромиссно отстаивал свободу и человеческое достоинство.

А жить становилось тяжелей. Теперь он редко приезжал надолго в экспедицию, чаще всего на День археолога 15 августа, чтобы попить винца, попариться в бане, пообщаться с друзьями. Я всегда старался узнать от него побольше инсайдерской информации, поскольку у него были какие-то свои источники в Москве. Он же часто писал мне в Питер по электронной почте, когда ему нужны были сведения о разных питерских политических деятелях, начиная от Медведева, с отцом которого работал в Технологическом институте мой отец, и кончая Милоновым. Спрашивал об Игоре Артемьеве, о Германе Грефе (мы когда-то сотрудничали в бытность мою в питерском парламенте, и я к ним относился и отношусь с большим уважением).

Спрашивал о кинорежиссёре Андрее Некрасове, который тоже мне глубоко симпатичен, а Аббат почему-то сомневался...

В Москве я познакомил его с моими давними друзьями — Володей и Катей Мирзоевыми, с писателем Владимиром Шаровым, с критиком и переводчиком с итальянского Сашей Сергиевским.

Со здоровьем у него становилось плоховато... Мы встречались, как правило, на экспедиционных сходках. Он стал как-то быстро пьянеть... На это накладывался диабет, но он упорно отказывался обращаться к врачам.

Западные гранты после объявления списка «нежелательных организаций» практически кончились. Да и выполнять заказы становилось опасным — запросто могли признать изменником Родины и «иностранным агентом» в соответствии с новым законодательством...

Как я понимаю, настроение у него было неважное. Надо было платить за квартиру, просто жить.

Он написал мне, что вроде «Яблоко» пообещало ему работу.

«...Тем более что сегодня я слепил и отправил одну экспертную справку, только еще не знаю, когда гонорар получу. Может, через неделю (это меня не избавляет от поисков пропитания, но по крайней мере чисто физически тугрики будут), а может через три — тогда непонятно».

В ночь на 6-е я уехал из Москвы. Он написал, что поздно спохватился, и теперь нам уже не успеть пересечься...

Теперь уже разве что на том свете...

Володя был замечательный и разносторонний человек.

Мужественный борец за свободу.

Убеждённый демократ, который верил, что правда рано или поздно победит.

Верный друг своих друзей.

Гедонист и любитель красивых женщин, пива и жареного мяса с соусом чили. *Chille con carne!*

Мир его праху!

Илья Матюшкин,
Москва

Эпикурец

Редко встречаются на нашем жизненном пути люди, обладающие внутренней гармонией. Как правило, мы наблюдаем дисбаланс, несоответствие заданных самому себе правил и их реализации, борьбу своего «суперэго» с «эго».

Владимир Прибыловский был гармоничен в античном понимании. Он не просто любил жизнь во всех ее проявлениях, он никогда не возвышал себя над действительностью, поскольку мудро оценивал значение этого окружающего нас хаоса. В политике, науке, общении с людьми он всегда находил трезвые (хоть и был ярым сторонником Бахуса, как и любой эпикурец) ноты, легко и непринужденно, уверенно расставлял правильные акценты, твердо определял значимое, отсекал лишнее, глупое и ненужное.

Мы прозвали его Аббатом в честь аббата д'Эрбле. Он соответствовал этому образу. От политических брошюр, свежих выпусков «Панорамы», от разговоров о борьбе с режимом он легко переходил, ровно как и аббат д'Эрбле, к другому — к простому наслаждению жизнью. Баня, вино, красивые женщины, философские дискурсы, кулинарное искусство с латиноамериканским акцентом — вот подлинный Прибыловский. Об этом не знали те подлые интернетовские «тролли», многократно нападающие на его страницы в социальных сетях.

Владимир был честен, прежде всего, видимо, перед самим собой. В те эпохи, которые ему суждено было пережить — от «развитого социализма» до позднего путинизма, это качество можно считать реликтовым. Политическая жизнь требует всё больше и больше субъектов, растративших в борьбе свой нравственный потенциал. Владимир был примером спокойного, даже ироничного, последовательного служения каким-то простым, очевидным, но многими не понимаемым истинным ценностям.

Допускаю, что с тем же ироничным спокойствием он встретил и смерть, по мысли Камю заслуживающей лишь презрения.

Ведь смерть столь же неизбежна, как и грядущий рассвет.

Сергей Шокарев,
Москва

Аббат. Воспоминания юниора

Почему-то (может, потому, что не очень-то верится в его смерть) мои воспоминания об Аббате не соответствуют высокому жанру сборника в память. Понимаю, что, приятельствуя 30 лет, мало знал его. Не сознавал его таланта и масштаба. Для меня он в большей степени товарищ по экспедиции, старина Аббат, чем крупнейший исследователь современной политической истории Владимир Прибыловский. Сейчас перечитываю то, что написали об Аббате его друзья, стыжусь взяться за рассказ о нем. Кажется, что вспоминаю что-то мелкое. Но все же напишу, зная как ценна даже мелочь мемуарного жанра.

Аббат — Владимир Прибыловский — был в экспедиции (Донская археологическая экспедиция МГУ, она же Каменная Балка) легендой уже 1986 году, когда я там появился маленьким, зеленым, очкастым мальчиком. При этом мальчиком, много о себе вообразившим, и потому в первом же сезоне получившим кличку «Рембо». В сочетании с сублильной внешностью 14-летнего подростка это было смешно. Расхлебываю до сих пор, поскольку соответствующая мускулатура так и не появилась.

Аббат же ладно звался Аббатом (или господином Аббатом) и имел в своем безраздельном владении «Аббатство» — нашу любимую балковскую баню (кирпичный низ, деревянный верх). На бане он и жил. Наверху бросал рюкзачок, располагался на матрасе и жарился на солнце все свободное от работы время. Вечером растапливал баню, разгонял ее до 90о и зазывал туда девушек, обещая отменную парилку и массаж. Об Аббате и бане будет далее, а пока скажу, что лишь через несколько лет узнал, что Володя не просто Аббат, а Аббат в честь д'Эрбле, поскольку в какой-то сезон было то ли три, то ли четыре Володи и каждый из них получил имя в честь одного из мушкетеров. Затем другие Володи как-то пропали, а Аббат быстро перескочил из мушкетера Арамиса в его следующую стадию. В качестве Аббата он был настолько органичен, что Арамис скоро забылся.

Аббат славился многим. Он был ярым солнцепоклонником, и в любое свободное от работы время загорал на солнце либо дремал, либо почитывал Самиздат (который сам и привозил). Самиздат Аббата по моей молодости лет был для меня первым, и, наверное, последним, поскольку довольно скоро СССР развалился, и Самиздат перестал быть таковым. Загорал Аббат на маленьком крылечке — лестничной площадке, примыкавшей ко второму этажу бани. Когда Кулибин

(в миру — историк-медиевист Андрей Леонидович Пономарев) где-то в середине 1990-х годов пристроил к бане навес, получивший наименование солярий, то Аббат переместился на это более удобное пространство. Там он и жарился при том, что температура в ростовской степи достигает летом +47° в тени (!). Неизменной спутницей Аббата, помимо книжки, была кружка (или бутылка, банка) с пивом или вином. В результате Аббат всегда имел бронзовый цвет, и в молодые годы, будучи поджарым, темноволосяным и белозубым, смахивал на латиноамериканского борца за свободу.

Как и многие другие мужики, Аббат недолюбливал тихое сидение с ножиком на раскопе, а стремился либо на отвал, где можно вдоволь помахать лопатой, чередуя это с приятной беседой, либо на мойку. Мойка — уникальная методика промывки культурного слоя, внедренная начальником Донской экспедиции профессором Н.Б. Леоновой в отечественную археологию. Для промывки мешков с раскопа оборудовано особое место в лагере. Когда все уходит на раскоп, мойщик остается и целый день сидит на лавке, промывая мешки в корытах и ситах при помощи шланга, куда качается вода из колодца. Теплолюбивый Аббат, конечно, мерз от того, что возился в холодной воде, но помогал себе кружечкой и старался расчистить мойку от кустов и деревьев, убрать все, что дает тень и подставить спину раскаленному солнцу.

Не менее чем солнце, Аббат любил баню. Не просто любил, но и жил в ней и на ней. Наверное, никто иной не мог бы полночи проводить в парилке, подремывая на полке. Неоднократно видел не только мирно спящего в парилке Аббата, но и то, как он, не просыпаясь, выходил в моечную, нырял в холодную ванну, немного дремал там и плюхался обратно на полку. В бане велись с ним долгие разговоры о российской политике. К сожалению, я не помню этих разговоров. Зато помню, что первым сообщил Аббату, что вместо Степашина Ельцин назначил Путина премьером (в те времена в экспедиции мы были отрезаны от новостей). И еще предложил угадать: кого, мол, назначил Ельцин? Аббат, кажется, угадал.

Ближе к утру Аббат перебирался на верх бани, где спал до подъема. Жилище его на бане было аскетично. Там лежал ноутбук (когда он у него появился), новые выпуски «Панорамы», пара маек — вот и весь багаж Аббата, умещавшийся в маленьком рюкзаке. С багажом Аббата была смешная история, приключившаяся в конце 1980-х гг. в Ростовском аэропорту. Видимо, Аббата пасли,

задержали и досмотрели вещи, где, помимо прочего, обнаружили дореволюционное издание Владимира Соловьева. Аббат с улыбкой рассказывал, что милиция докапывалась до него из-за того, что слово «Бог» было написано в книге с большой буквы.

Не расставившийся с кружечкой вина (вишневки, пива) или банкой пива, Аббат не был любителем крепких напитков. Потому, выпивши, он выглядел благородно — чуть замедлялась речь и движения, иногда мог закурить сигаретку, в беседе со студентом-кубинцем забывал испанские слова...

Латиноамериканская тема была близка Аббату. Я был наслышан про его жену мексиканскую троцкистку Лауру, хотя видел ее всего раз, мельком, на экспедиционной сходке в Москве. Аббат с юмором рассказывал, как их не хотели оформлять в московском ЗАГСе, опасаясь осложнений, а в Подмосковье зарегистрировали без проблем. Слышал я (уже не от Аббата) и другие подробности этой свадьбы. В день регистрации Аббат хотел поехать с утра грузить экспедиционную машину, но Лаура спрятала его штаны, а поскольку других не было, то опасность сорвать столь ответственное мероприятие как регистрация брака миновала.

На Балке славился приготовляемый Аббатом соус «сальса мексикана». Рецепт его прост: помидоры, острый перец и чеснок режутся и крошатся до мельчайшей мелочи и перемешиваются. Секрет в том, чтобы порезать ингредиенты как можно мельче, чем Аббат и занимался, расположившись в плавках где-нибудь на солнышке возле кухни и методично разрезая и размешивая. Политическую историю Латинской Америки Аббат знал не хуже местной кулинарии и находил там аналогии с путинским режимом.

Мне доводилось бывать у Аббата в Новом Иерусалиме и поражаться величю громадного собора, находившегося в весьма плачевном состоянии. Аббат прекрасно знал его историю, историю русского XVII века, топографию этой святыни. Думаю, для него был ограничен переход от византистики к иерусалимской теме, хотя научных работ по Новому Иерусалиму он не писал, отдавшись диссидентству, а затем политической аналитике.

От Нового Иерусалима вернусь на Балку. Наша экспедиция была и есть — уникальное явление культуры. Немало экспедиций знамениты традициями, людьми, находками. Каменная Балка даже на их фоне — особенная. В застойные годы она именовалась Свободный Париж, и была таковым. Диссидентствующий Аббат

был в прямом смысле «ко двору», и составлял один из столпов местного монархического режима во главе с королевой Натали (начальник экспедиции — Наталия Борисовна Леонова). Аббат, естественно, возглавлял Церковь (была в этом и своя ирония, поскольку Аббат частенько вспоминал свои священнические корни и знаменитого постояльца своей пра-пра-бабушки — папашу Ульянова). Наша Балка не насыщалась искусственными ритуалами, не было каких-то натянутых церемоний, и роль Аббата сводилась к паре-тройке шуток на эту тему. Но его особенностью была способность в малом показать вдруг глубокий смысл. Именно Аббат подарил балковскому народу завещание-призыв: «Берегите Начальника!» Завещанием у нас всегда были пожелания отъезжающего человека остающимся. Теперь эти слова стали его завещанием в прямом смысле. Зная и чувствуя, как много приходится на долю начальника экспедиции Наталии Борисовны, Аббат уже давно заповедал нам ее беречь, и заповедь эта очень важна.

Вспоминаю и другой случай. Мы как-то сидели в теньке под деревом на дороге между сельским магазином и экспедиционным лагерем. Был Аббат в шортах, еще кто-то и я. Пили холодное пиво, жевали чипсы. А когда собрались уходить, Аббат сказал: «Бутылки мы оставим, их кто-нибудь соберет и сдаст. А пакетики подберем, ибо зло неизбежно придет в этот мир, но горе тому, через кого оно придет». Он мягко намекнул присутствующим, что не слишком хорошо тут мусорить, а на меня эта измененная евангельская цитата подействовала очень сильно. Может быть, из-за несоответствия высокого и низкого.

Аббат и девушки — еще одна легендарная экспедиционная тема. Аббат любил девушек, а они любили Аббата. Способствовали тому и вольные экспедиционные нравы, и обитание Аббата в бане. Не говоря уже о его привлекательности. Размах любвеобильности Аббата был весьма широким. По мере того как Аббат старел и толстел, он относился к падению своей популярности философски. В 2007 г. мы пересеклись на Балке, и как-то вдруг Аббат, перефразируя известный анекдот, сказал, намекая на мой возраст и трех девушек, приехавших тогда в экспедицию: «Было бы мне 35, я бы перетрахал все стадо». Нисколько в этом не сомневаюсь. Но Аббату было 51, и 20-летним девушкам он был не так интересен, как ранее.

Зато взаимная любовь Аббата и экспедиционных детей была неподвластна времени. Дети висели на нем гроздьями, бежали к нему, заманивали в свои игры. И ему доставляло большое удовольствие

играть с ними, выслушивать от них разные истории. Среди маленьких друзей Аббата была и моя дочь Аня, приезжавшая в 1999—2003 гг., пяти-шести-семи- и восьмилетней девочкой. Затем Аня уехала в Америку и с тех пор редко бывала на Балке, но Аббат всегда обязательно передавал ей привет.

После смерти Аббата я начал открывать для себя его значение как исследователя-политолога. Прочел его совместную с Ю. Фельштинским книгу «Корпорация. Россия и КГБ во времена президента Путина». Поразился глубине источниковедческой работы. Обнаружил прекрасные по стилю и по содержанию мемуарные отрывки о 1980-х годах. Аббат иногда привлекал меня к своей работе. Несколько раз он обращался ко мне с запросами генеалогического характера, зная, что я занимаюсь такими изысканиями. Иногда он платил мне за эти справки, хотя я не скажу, что они были подробными, но, надеюсь, что ему пригодилось. Последняя консультация, с которой он ко мне обратился, была устная, про С.Е. Нарышкина. Я глянул биографию этого деятеля и ответил, что, по моему мнению, он никакого отношения к известным дворянам не имеет. Судя по всему, так и есть. В Фейсбуке Аббат прислал мне наброски статьи о генеалогии современной знати, где помимо прочего фигурировал уголовник Храмушин по кличке «Глыба» — зять бывшего командующего ВДВ Шаманова. Просил делиться подобной информацией, но я так ничего ему и не написал. Не попалось.

Одно из последних сообщений от него было таким:

«Книжку видел твою про Смутное время, в книжном развале около выхода из станции метро Третьяковская. Хотел купить, но перед этим выпил пива и купил дневники Пуцина: и на твою книжку уже ста рублей не нашлось-:)).»

Я написал, что, мол, пиво и Пуцин важнее, а книжку я и так подарю. Не подарил.

Аббат был очень мудрым человеком, неизмеримо мудрее меня. Не только аналитической, но и жизненной, наставнической (аббатской) мудростью. Потому и воспоминания получились такие юниорские (юниоры в нашем королевстве — низший чин, юнцы, впервые приезжающие на Балку).

Спасибо тебе, Аббат!

Хронограф, Панорама

Вячеслав Игрунов,
Москва

Интервью Илье Никифорову

Уважаемый Вячеслав Владимирович! Сегодня пришла новость о смерти историка Владимира Прибыловского. Как вы можете оценить его роль в общественной жизни России?

Вячеслав Игрунов:

С Володей Прибыловским я познакомился в 1987 году в клубе «Перестройка», и он сразу произвел на меня самое благоприятное впечатление. Весной следующего года Володя оказался среди шестерых основателей «Хронографа», и его участие в немалой степени способствовало популярности этого летучего листка. Особенно велик его вклад в поздний период «Хронографа», когда к нему перешла главная роль в собирании и редактировании материалов. Самые большие тиражи «Хронографа» были достигнуты именно в это время. Сегодня мало кто помнит это издание, но в свое время оно сыграло важную роль в консолидации общественного движения.

Вокруг «Хронографа» сложилась огромная сеть региональных активистов, не говоря уже о популярности этого издания среди московских неформалов. На ее основе, по сути дела, выросло Московское общественное бюро информационного обмена (М-БИО), в котором Володе принадлежала важнейшая роль — он был скрупулезным собирателем информации, открывателем новых людей, хранителем дружеских отношений. Никто из нас не знал столько о происходившем в многочисленных группах и клубах по всей стране, сколько знал он. Особенно это касается информированности о националистическом движении, и в этой сфере ему не было равных.

Его книга о национал-патриотическом движении «Память», вышедшая в М-БИО в конце 1990 года, стала настоящей энциклопедией этого движения. Ему же принадлежит и первый обширный справочник общественного движения в СССР «Словарь оппозиции», вышедшей весной 1991 года в издательстве «Постфактум». Он помогал готовить и редактировать и другие справочники, издававшиеся преемником М-БИО, Институтом гуманитарно-политических исследований.

Совершенно естественно Володя оказался важнейшим автором и редактором газеты «Панорама», инициированной А. Морозовым и А. Верховским и начавшей выходить на базе М-БИО в апреле 1989. Газета оказалась самой востребованной и авторитетной

«самиздатской» политической газетой до середины 1990-го, пока не пришло время профессиональных изданий, с которыми неформальному изданию конкурировать оказалось не по силам. Успех «Панорамы» был обеспечен не в последнюю очередь той сетью контактов, в создании которой Прибыловскому принадлежит ключевая роль.

Когда М-БИО трансформировалось в три отдельные организации, Володя оказался единственным, без которого было трудно представить Институт гуманитарно-политических исследований и «Панораму». Он оставался до конца жизни членом Института, но со временем сосредоточился на «Панораме», превратившейся в информационный центр и долгое время бывшей бесценным источником знаний о политических клубах, объединениях, партиях, общественных и политических деятелях. Не случайно он стал президентом «Панорамы». До последнего времени только в «Панораме» можно было найти малоизвестные подробности из прошлой жизни множества политических деятелей, в свое время обойденные интересом большой печати. «Панорама» издала столько справочников и книг, что их перечисление заняло бы много страниц. Созданная Прибыловским база данных общественных деятелей «Просопограф» и сейчас представляет ценность для журналистов и исследователей.

При этом Прибыловский не был бесстрастным наблюдателем. Еще в юности он был близок к «молодым социалистам», диссидентской группе конца 1970-х — начала 1980-х, и с самого начала перестройки включился в общественную деятельность. Себя он считал социал-демократом и симпатизировал «зеленым», и эти его взгляды сохранились до последнего дня. Прибыловский был резко критически настроен по отношению к режиму, сложившемуся в России в двухтысячных годах и резко негативно относился к Владимиру Путину. В этом он был радикалом, хотя его удивительная толерантность к политическим взглядам тех, с кем его сводила жизнь, позволяла сохранять ему добрые отношения со множеством очень разных людей. Это редкое для России качество не только помогало ему в профессиональной деятельности, но и делало его интересным собеседником, хорошим товарищем, добрым другом. Тем, кто был знаком с ним, будет его очень не хватать.

january 15th, 2016

Оригинал взят у semen_serpent_2

2 марта 2008 года (о чем свидетельствует подпись под рисунком) Прибыловский наконец отозвался на мое приглашение порисоваться.

Пришел он в 10 утра, как и договаривались, вытащил бутылку дешевого бургундского, сказал: «Пить будешь?» — «Что ты, Володя, — говорю, — какое пить в 10 часов, да мне же еще тебя рисовать...»

Володя попросил штопор и ёмкость, я дал ему фаянсовую чашку, и так он попивал вино, а я его рисовал...

Ярослав Горбаневский, Париж.

Юрий Фельштинский,
Бостон

Памяти Владимира Прибыловского

Меня попросили написать страничку про моего соавтора Владимира Прибыловского. Нас познакомил заочно мой вашингтонский друг Алексей Собченко, в то время — сотрудник Госдепа США, переводчик американского посла в России. С Прибыловским мы списались и довольно быстро договорились вместе написать биографию Владимира Путина. Это было в 2003 году.

Изначально книга называлась «Операция «Наследник». Первые ее главы начали публиковаться с февраля 2004 года в новом израильском журнале «Nota Bene». Одновременно, в связи с проходившей президентской кампанией в России мы стали готовить на русском два спецвыпуска-приложения к латышской русской газете «Сегодня», с главами из нашей биографии Путина. Первый спецвыпуск успешно вышел 5—11 марта 2004 года — с текстом под названием «Who is Mr. Putin». Второй — под названием «Вторая чеченская война» был сверстан, датирован 12—18 марта 2004 года и... не вышел. В Риге испугались и остановили публикацию.

Остановили — не убили. Дело привычное. Пишем дальше. Но работа застопорилась. Мне стало скучно. Стало скучно писать биографию серого человечка Путина; было жалко тратить на него время. Я часто вспоминал в те дни один из «самолетных» рассказов Бориса Березовского. Мы куда-то летели (точно не помню, куда) вдвоем на его самолете. Я любил с ним летать вдвоем, потому что в замкнутом пространстве, без мобильного телефона, он обречен был на разговоры со мною и действительно много рассказывал интересно. Это было весной 1999 года. Он сказал, что «мы», «кажется», нашли подходящего человека в президенты России — Владимира Путина. «Мы» — это Абрамович, Волошин, Юмашев и Березовский.

— Мои попросили меня с ним подружиться, — продолжал Борис.

— Знаешь, я попробовал — не могу. Мне скучно. Ничего поделаться с собой не в состоянии. Понимаю, что нужно, но абсолютно не могу заставить себя с ним время проводить. Вот кто в этом плане незамеченный человек, так это Рома. Ему скажешь: «Рома, нужно, чтобы этот человек был наш». И Рома сядет напротив тебя, возьмет твою руку в свою, будет нежно гладить ее другой своей рукой, и преданно смотреть тебе в глаза, как собака. И так две недели. И через две недели ты будешь его.

Рассказывая эту историю, Борис держал мою руку в правой своей руке, а левой нежно ее гладил, чтобы доходчивее объяснить мне, о чем именно идет речь.

Путин действительно стал президентом. И 7 мая 2000 года Борис пришел его поздравлять: — Володя, я тебя поздравляю! Великое дело сделали: ты теперь избранный президент. Послушай, ни о чем не беспокойся. Понимаешь, у нас времени не было найти нормального кандидата на должность, поэтому остановились на тебе. Не думай ни о чем, мы будем тебе говорить, что делать. Отсидишь четыре года — уйдешь, будешь как сыр в масле кататься, без проблем жить... За четыре года мы найдем тебе замену, нормального человека... Ну всё, поздравляю... Извини, мне в Париж лететь надо... Я побежал... Пока, Володенька, пока...

И Борис убежал, как оказалось — навсегда. А «Володенька» навсегда остался. Так вот, как и Березовскому, мне стало с Путиным скучно. Мне показалось, что мы с Прибыловским написали скучную книгу, и я остановил работу, дожидаясь лучших времен.

Наверное, мы так никогда и не закончили бы биографию Путина, если б не ФСБ. (Тот редкий случай, когда в нашу работу она внесла неоценимый вклад). «Лучшие времена» настали. 31 мая 2007 года ФСБ нагрянула с обыском на квартиру Владимира Прибыловского. «Следователи опечатали и изъяли два процессора президента «Панорамы», в результате чего он лишился материалов новой книги о Путине, которую пишет вместе с историком Юрием Фельштинским. «В книге, — сказал Прибыловский, — упоминаются имена соратников Путина, действующих силовиков, что вполне могло привлечь внимание спецслужб», — писали в тот день «Грани.ру».

Я позвонил Прибыловскому и сказал буквально следующее: — Володя, послушай, может быть я не прав? Если наша книга интересна ФСБ, может быть, она не такая уж скучная? Не будем лишать читателя права прочтения книги, раз этим правом уже обладает ФСБ России.

Нескромно было с моей стороны так считать, но у меня из головы не вылетала история публикации «Архипелага ГУЛАГа». Солженицын, написав книгу, не планировал издавать ее. Только после того, как стало известно, что КГБ нашел рукопись «Архипелага» во время обыска у совсем другого человека, он дал указание о немедленной публикации.

Я решил не изобретать велосипед, не оригинальничать и не отклоняться от классического журналистского правила: если текст известен противнику, самое безопасное, что можно сделать, — это немедленно его опубликовать. В 2008 году «Корпорация: Россия

и КГБ во времена президента Путина» вышла в Англии, США, Польше, Бразилии и Голландии. Голландское издательство пригласило меня и Прибыловского на презентацию книги в Амстердам. Наконец-то у меня появилась возможность познакомиться с моим соавтором лично.

Володя прилетел, не слишком причесанный, в старых джинсах, в рубашке, местами вылезавшей из-под ремня, с рюкзаком, который оказался очень тяжелым. В рюкзаке было шесть банок пива.

— Володя, ты зачем в Голландию пиво привез? Ты считаешь, что тут пива нет?

— На всякий случай. Я же не понимал, как тут и что... А я без пива не могу.

Действительно, без пива он не мог. Мы провели в Амстердаме несколько дней и расстались. Володя, кажется, поехал к друзьям в Париж, я — в Лондон. Больше мы не виделись. Но по Интернету и телефону общались очень часто. Переписка наша была обширной.

В 2010 году вышло первое издание «Корпорации» на русском в Москве. В 2012-м, уже в другом издательстве — второе. Мы постоянно обсуждали новые проекты и новые книги, хотя ни до чего конкретного так ни разу и не дошло.

Одной из тем нашей переписки было постоянное Володино безденежье. С деньгами у него всегда было так плохо, что просто руки опускались. Я искал для него какие-то заработки, я одалживал ему какие-то деньги... Но было понятно, что всё это бессмысленно, что это — вода в песок, что нормальной жизни он всё равно отстроить не сможет. Я не знаю, как и почему так сложилось у него. Но сложилось именно так. Более безалаберного в финансовом отношении человека, чем Володя я, пожалуй, не встречал.

Одно из последних его писем ко мне, очень детальное, снова было о безысходном безденежье. Я спросил его, сколько ему нужно. Он снова ответил подробным письмом, и стало понятно, что суммы, принципиально улучшающей его финансовое положение, не существует. Это было безысходное философское состояние, а не финансовое. Ничего нельзя было сделать.

О смерти Володи мне сообщил тот, кто нас познакомил, — Алексей Собченко. Я даже не понял сначала, о чем речь идет. Мы переписывались с Прибыловским в тот период по несколько раз на дню, и как-то странно было, что больше от него не будет имейлов.

Имейлов больше не было. В наши дни это стало очевидным указанием на то, что человек действительно умер.

**Библиография
Владимира Прибыловского**

- «Словарь оппозиции. Новые политические партии и организации России» (1991)
- «Словарь политических партий и организаций России» (1993)
- «Политические фракции и депутатские группы Российского парламента» (1993)
- «Вожди. Сборник биографий российских политических деятелей националистической и имперско-патриотической ориентации» (1995)
- «Кто есть кто в российской политике. 300 биографий» (1993; в соавторстве с А. Василевским; в трех томах)
- «Казачье движение в России и странах ближнего зарубежья» (1988 — 1994 годы)
- «43 линии спектра. Краткое описание всех предвыборных блоков» (1995)
- «Политическая карта России между парламентскими и президентскими выборами. 55 партий» (1996)
- «Политический экстремизм в России» (1996; в соавторстве с А.Верховским и А.Паппом)
- «Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции» (1996; в соавторстве с А.Верховским)
- «Национал-патриотические организации Краткие справки. Док. и тексты» (1997; в соавторстве с А.Верховским)
- «Российские политики от А до Я. 471 биография» (1996)
- «Совет Безопасности РФ. Структурно-биографический справочник» (1997; в соавторстве с Г.Белонучкиным)
- «Российские бизнесмены и менеджеры. Биографический сборник» (1997; в соавторстве с А.Амировым)
- «Национализм и ксенофобия в российском обществе» (1998; в соавторстве с А.Верховским и Е.Михайловской)
- «Политическая ксенофобия. Радикальные группы, представления лидеров, роль Церкви» (1999; в соавторстве с А.Верховским и Е.Михайловской)
- «Совет Федерации РФ. Биографический справочник» (2000; в соавторстве с Л.Михэеску)
- «Национал-патриоты, Церковь и Путин. Парламентская и президентская кампании 1999-2000 гг.» (2000; в соавторстве с А. Верховским и Е. Михайловской)
- «Россия Путина. Пристрастный взгляд» (2003; в соавторстве с А. Верховским и Е. Михайловской)
- «Руководители государств на территории бывшего СССР. Биографический справочник» (2003)
- «Претенденты-2008. Кто есть кто на президентских выборах» (2008; в соавторстве с А. Ёлкиным и А. Шляпунчиковым)

- «Власть-2010. 60 биографий» (2010; в соавторстве с Г. Белонучкиным)
- «Оппозиция-2010. 60 биографий» (2010; в соавторстве с Г. Белонучкиным)
- «ЕСТЬ ТАКИЕ ПАРТИИ! 2011/2012. Путеводитель избирателя» (2012; в соавторстве с Г.Белонучкиным и П.Лаврентьевым)
- «Кооператив „ОЗЕРО» и другие проекты Путина» (М.: Алгоритм, 2012)
- «ПРЕТЕНДЕНТЫ-2012. Кто есть кто на президентских выборах» (2012; в соавторстве с Г. Белонучкиным и К. Миньковым)
- «Координационный совет российской оппозиции. Кто есть кто» (в соавторстве Г. Белонучкиным и Д. Беломестновым. Центр «Панорама», 2013)
- Правительство Дмитрия Медведева. Биографический сборник (в соавторстве с Г. Белонучкиным и П. Сафроновой. Центр «Панорама» 2013)
- «Переключка Владимира Путина. кто выбывает, а кто остается?» (М.: Алгоритм, 2013)
- «Всех воров — на кол! Чистка Владимира Путина. Кто выбывает, а кто остается?» (М.: Алгоритм, 2013).

*Источник: <http://stuki-druki.com/facts1/Umer-Wladimir-Pribylovskiy.php>
Штуки-дрыку ©*

Уже после смерти Володи вышла его последняя книга: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/announcement/2016/06/d34872/>. Книга и её иллюстрированный дайджест выставлены на сайте <http://scilla.ru>.

Содержание

Автобиография	2
Первые отклики на смерть Володи	10
Валерия Маркова	11
Милана Богданова, бывшая жена Владимира Прибыловского	11
Сергей Митрохин, экс-председатель партии «Яблоко»	11
Григорий Белонучкин, сотрудник информационно-экспертного центра «Панорама»	12
Юрий Фельштинский	13
Валерий Соловей	14
Iskander Arbatsky	14
Илана Сазонова	15
Danila Galperovich	15
Александр Морозов	16
Михаил Соколов	16
О Владимире Прибыловском говорит политолог, профессор Европейского университета Санкт-Петербурга Владимир Гельман	16
О Владимире Прибыловском вспоминает директор аналитического центра СОВА Александр Верховский	17
Инакомыслящая жизнь в эпоху заката развитого социализма (Володя о себе, в интервью Алексею Пятковскому)	22
Мои университеты	23
Новые социалисты (начало)	29
Археологические экспедиции	35
Музеи — Чуковского и «Новый Иерусалим»	40
Новые социалисты (конец)	44
Автор Сам- и Тамиздата	51
Компьютерный период Самиздата	56
Игорь Эйдман, Германия А Володя умер в глубокой бедности...	64

МГУ. Студенческие годы	
Екатерина Кривошей, Москва	
Володя	68
Вадим Кругликов, Израиль	
Попытка некролога	82
Владислав Зубок, Лондон	
Лента памяти	88
Владимир Прибыловский	
Алексей Собченко и еврокоммунисты	92
Алексей Собченко, Вашингтон	
Взгляд с другой стороны океана	100
Надежда Кеворкова, Москва	
Летописец	108
Анатолий Копейкин, Париж	
Дни и годы из жизни ВВП	126
Алексей Расторгуев, Москва	
Отдельные части прошлого	140
Донская археологическая экспедиция	
Московского университета	
Леонид Романков, Санкт-Петербург	
Аббат, он же Владимир Прибыловский	146
Илья Матюшкин, Москва	
Эпикурец	154
Сергей Шокарев, Москва	
Аббат. Воспоминания юниора	156
Хронограф, Панорама	
Вячеслав Игрунов, Москва	
Интервью Илье Никифорову	162
Юрий Фельштинский, Бостон	
Памяти Владимира Прибыловского	166
Библиография Владимира Прибыловского	
	170

Предметно-именной указатель

- Galperovich D. — 15
Iskander Arbatsky — 14
Абрамович Р. — 167
Абумуслимов, Саид — 33, 34, 102
Авдусин Д. — 36
Аверинцев С. — 34, 39, 73, 90
Аверинцева Н. — 34
Агурский М. — 150
Анастасий, император — 141
Авторханов А. — 28, 33, 34, 77, 111
Агапов С. — 41, 55
Акинша, Константин — 28, 45, 94, 129
Аксёнов, «Сашко» — 101
Аксёнов В. — 38, 77, 94
Аксючиц В. — 44, 122
Александр Македонский — 86
Александров, Шура — 84
Алексеева Л. — 53, 54, 55
Алешковский А. — 36
Алешковский П. — 36
Алешковский Ю. — 26, 38, 94
Андропов Ю. — 35, 58, 121
Артемьев И. — 152
Ахматова А. — 23, 41, 112, 142, 143, 148
Барановский К. — 93
Б.Г. (см. Гребенщиков Б.) — 8
Баркашов А. — 5
Бачурин А. — 36
Башлачёв — 8
Безотосный, Виктор — 129
Белонучкин Г. — 12, 80
Бенкендорф — 113
Бенуа А. — 142
Бергазов, Олег — 135
Бердяев Н. — 28, 59, 60, 77
Березовский Б. — 5, 12, 13, 14, 167, 168
Берлингуэр Э. — 49, 93
Битов А. — 28, 38
Бовыкин Д. — 148
Богданова, Милана — 11, 40, 107, 139, 152
Бондаренко В. — 39
Бонет П. — 54
Бродский И. — 23, 24, 25, 37, 59, 77, 94, 112, 118
Бронсон Ч. — 141
Буковский В. — 6, 7, 77, 78, 91, 111, 130
Булгаков С. — 28
Булгарин Ф. — 113
Бурдюг В. — 44
Васильев Д. — 5
Ведюшкин В. — 29, 32, 58, 94
Ведюшкин М. — 33
Верховский А. — 17, 163
Вершбоу А. — 24
Весёлый, Артём — 142
Виноградова, Екатерина — 99
Витория, Франсиско де — 74
Владимир Алексеевич ?, сотрудник КГБ — 105
Власов Ю. — 4
Вознесенский А. — 148
Войнович В. — 34, 38, 77, 94, 117, 118, 128
Волков Сергей — 42
Волгогонов Д. — 77
Волохонский А. — 37
Волошин — 167
Вулих, Михаил — 129
Высоцкий — 8, 23, 24, 25, 59
Гаибов, Васиф — 129
Галич — 8, 23, 24, 25
Гарса Буэно, Лаура — 20, 21, 28, 45, 46, 55, 71, 72, 79, 81, 89, 93, 94, 103-106, 111, 112, 130-132, 145, 149, 159
Гельман В. — 16
Гельман М. — 24
Герстенмайер, Корнелия — 134
Герцен А. — 114
ГЗ — главное здание МГУ на Воробьёвых горах (во времена СССР — Ленинских горах)
Гинзбург, Александр Ильич — 132
Гинзбург Е. — 34, 38, 94, 130
Голембиовский И. — 5, 14
Гольшев В. — 52
Горбаневская, Наталья — 40, 98, 132, 151
Горбаневский, Ярослав («Ясик») — 40, 98, 165
Гребенщиков Б. (БГ) — 8
Греф Г. — 152
Фригорьева Т. — 56
Гринько, Вая — 150
Громов, Владимир — 129
Гумилёв Н. — 148
Гуревич А. — 118
Деопик Д. — 42, 148
Дроздов, Володя — 148

Дюма А. — 46, 128
Дяченки С. и М. — 8
Евтушенко Е. — 148
Ельцин Б. — 24, 65, 122, 158
Ершов, Ваня — 83, 84, 103, 129
Желнин В. — 56
Желязны — 8
Жириновский В. — 5
Зайцев К. — 150
Зайченко — 93
Затулин К. — 4, 83
Зиновьев А. — 130
Знаменская И. — 38, 39, 148
Зубков В. — 7
Зубок, Владислав — 29, 40, 88, 129
Иван III — 117
Иванов Борис — 37
Игрунов, Вячеслав («Вячик») — 4, 55, 106, 162-164
Иловайская, Ирина Алексеевна — 132-135
Иоанн Златоуст — 47
Искандер Ф. — 128
Ихлов Б. — 43
Каганов Л. — 8
Кагарлицкий, Борис — 3, 25, 27, 30, 31, 32, 33, 44, 49, 55, 93, 95, 105, 150
Кагарлицкий Ю. — 30, 49, 50
Кадацкий, Алексей — 43, 75, 76, 81, 148
Каздым, Алексей — 97
Кара-Мурза В. — 13
Карелина, Татьяна — 97
Карпов С. — 73
Карпюк — 93
Катилина — 102
Кашин В. — 49
Кеворкова, Надежда («Надин») — 20, 23, 29, 32, 33, 44, 69, 94, 96, 108-124, 137, 148
Кёстлер А. — 34, 40
Кириенко С. — 66
Кистяковская, Ксения — 40
Кистяковский А. — 40
Клячкин — 24, 25
Ковалёв Сергей Адамович — 53
Конквест Р. — 34, 45, 77, 90, 94, 111, 116
Копейкин, Анатолий — 20, 24, 40, 46, 55, 61, 79, 80, 81, 83, 94, 98, 102, 103, 126-136, 141, 142, 151
Копытцева Т. — 6
Крест, Кресты — общежитие МГУ на проспекте Вернадского, в плане оно в виде креста. В районе 14 этажа там

жили студенты истории и искусствоведы.
Кривошей, Екатерина — 19, 20, 68, 78, 80, 87, 138
Кривулин В. — 37
Кругликов, Вадим («Дима») — 82
Кудрявцев И. — 80
Кудюкин, Павел — 3, 25, 27, 32, 33, 39, 44, 48, 53, 93, 105, 148, 150
Кучинский М. — 39, 40
Лари Л. (Леонида Лари) — 43
Лаура — см. Гарса Буэно.
Лебедь А. — 5
Лёзов, Сергей — 27, 40, 50, 51, 53, 55, 95, 150
Лёха — см. Романков
Ленин В. — 85, 143
Леонов Д. — 4
Леонов Л. — 143
Леонова, Саша — 97
Леонова Наталья Борисовна — 36, 63, 75, 120, 147, 148, 150, 158, 160
Леонтьев Я. — 27, 48
Лермонтов М. — 113
Литвиненко — 13
Литичевский, Георгий («Жора») — 23
Литуев, Виктор Николаевич — 104, 105, 129, 130
Логинов А. — 24
Лозовская, Клара Израилевна — 41, 53, 125, 130, 142-144
Лужков Ю. — 123
Лукин Е. — 8
Лукьяненко С. — 8
Луначарский А. — 142
Мадиссон — 58
Макиавелли — 114
Мандельштам Н. — 77
Мандельштам О. — 43, 148
Маркова В. — 11
Маркус С. — 59, 60
Марченко, Анатолий — 135
Матичук В. (Валериу Матей) — 42, 43
Матюшкин, Илья — 154, 155
Махачев — 16
Маяковский В. — 113
Медведев Д. — 5, 6, 152
Медведев Ж. — 36
Медведев Р. — 36, 44, 93
Мейлах М. — 44
Мень А. — 28
Мережковский Д. — 77

- Мизиано, Виктор — 24, 83
 Милонов — 152
 Миньков Е. — 20
 Мирзоевы, Володя и Катя — 97, 153
 Митволь О. — 5
 Митина Д. — 40
 Митрохин, Сергей — 4, 11, 80
 Мнёва О. — 97
 Морозов А. — 16
 Морозов, Павлик — 48, 49
 Мошков — 54
 Мурашёв А. — 56
 Набоков В. — 90, 116
 Навальный А. — 66
 Найман А. — 37
 Нарышкин С. — 161
 Незнанский Ф. — 38
 Некрасов А., режиссёр — 153
 Немцов — 13
 Никонов, Слава (внук Молотова) — 104
 Николай I — 117
 Никон, Патриарх — 150
 Обидова, Джамиля — 102
 Огородников А. — 44, 122
 Окуджава — 8, 24, 59
 Орвелл Дж. (Оруэлл) — 34, 51, 54, 118
 Павловский, Глеб — 44, 95
 Палеологи — 117
 Папп А. — 40
 Пельман Г. — 4, 55
 Перепеличный — 13
 Перес Гарса, Либертад — 8, 45, 72, 79, 93, 107, 145, 149
 Перес Карденас М.Т.Б (Бернарда) — 28, 55, 130
 Пимонов В. — 134
 Пластов А. — 46, 94
 Победоносцев К. — 113, 114
 Погодин, Павел — 98
 Политковская А. — 13, 69
 Полонский А. — 39
 Пономарёв, Андрей («Кулибин») — 40, 51, 56, 157, 158
 Попов Г. — 123
 Похил, следователь — 96
 Прибыловская-Гарса, Светлана — 8, 20, 72, 105
 Прибыловский, Арсений — 8
 Прибыловский, Михаил — 8
 Пугачёв Е. — 143, 145
 Путин В. — 5, 6, 7, 13, 15, 17, 24, 57, 65, 66, 123, 152, 158, 164, 167, 168
 Пушкин А. — 43, 113
 Пуцин И. — 161
 Пятковский А. — 22, 147
 Радзинский О. — 50, 51, 95
 Расторгуев, Алексей — 28, 83, 94, 130, 131, 140-145, 151, 152
 Репин И. — 131
 Ривкин, Михаил — 3, 25, 26, 27, 30, 31, 33, 37, 44, 45, 47, 48, 51, 52, 96
 Роговой, Павел — 44, 47
 Родигин — 56
 Романков Леонид Петрович («Лёха») — 37, 38, 40, 44, 95, 96, 99, 112, 120, 121, 125, 146-153
 Романков, Пётр — 139
 Руцкой А. — 4, 5
 Рыбаков, Юлий — 37
 Саблин, Михаил — 129
 Сазонова И. — 15
 Сахаров А.Д. — 90
 Светоний — 124
 Сергеев Л. — 35
 Сергиевский, Александр — 97, 153
 Сердюков А. — 7
 Сериков, Коля — 102
 Серов С. — 39, 74, 148
 Силницкие Ф. и Л. — 54
 Слуцкер В. — 6
 Собченко, Алексей — 24, 27, 29, 30, 31, 32, 35, 44, 45, 46, 48, 49, 50, 55, 83, 92-95, 100-107, 129, 150, 167, 169
 Соколов М. — 16
 Соколов Максим — 28
 Солженицын А. — 28, 34, 35, 36, 40, 42, 45, 46, 51, 52, 53, 55, 57, 58, 77, 90, 94, 96, 111, 116, 118, 130, 144, 168
 Соловей В. — 14
 Соловьёв В.С. — 159
 Солонарь В. — 42, 43
 Станкевич С. — 4
 Старовойтова Г. — 37
 Степанов, Геннадий («Геша») — 76, 83, 84, 128, 137, 148
 Степашин С. — 158
 Стефан Великий — 43
 Струве Н. — 55
 Стругацкие, братья — 23, 53, 59, 128
 Сюзанна (американка) — 63
 Тарасов, Олег — 91
 Тацит — 124
 Твердохлебов Ю. — 122
 Темяшов О. — 150

- Титов, Лёня — 87
 Тихомиров Л. — 113
 Толкин — 8, 40
 Толстой Л. — 51, 83, 113
 Тополь Э.— 38
 Торбаков Игорь — 80, 81, 83, 103, 129
 Торн Л. — 51 52
 Торопов, Илья — 98
 Трофимов А. — 6
 Тургенев И. — 116
 Уваров, граф — 117
 Ульянов — 160
 Уразова М. — 42
 Темяшов О. — 150
 Фадеев, Борис («Бобсон») — 9,150
 Фадин, Андрей — 3, 27, 30, 32, 33, 44, 49,
 50, 93, 105, 121
 Фёдоров, Святослав — 40
 Фельштинский, Юрий — 6, 7, 12, 13, ,17,
 107, 152, 161, 166-169
 Филагова Л. — 106
 Филиппов И.С. — 26
 Филиппова Е. — 27
 Филофей — 117
 Флаксерман — 142
 Флаксерман Н. — 131, 141
 Флоренский П. — 77
 Фрадков — 7
 Франко ?, корр. итальянск. газеты — 94
 Халиков А. — 35
 Харламов, Сергей — 43, 54, 55
 Хармс Д. — 52, 83
 Хвостенко А. — 37
 Хелл, хакер — 15, 66, 152
 Холмогорова Н. — 15
 Храмов, Андрей — 137
 Крамушин — 161
 Хрунова И. — 7
 Хрущёв Н. — 101
 Цветаева М. — 23, 41, 58, 73, 134, 148
 Цицерон — 102
 Чаликова В. — 52, 56
 Че Гевара Э. — 31
 Червонопиский — 90
 Чернецкий — 25, 44
 Черномырдин В. — 5
 Чехов А. — 67
 Чивилихин В. — 117
 Чубайс, Игорь Борисович — 99
 Чуев Ф. — 122
 Чуковская, Елена Цезаревна — 40, 41, 57,
 125, 130, 131, 142
 Чуковская, Лидия Корнеевна — 34, 37,
 40, 41, 58, 77, 96, 104, 111, 112, 125, 130,
 131, 142, 144
 Чуковские — 149
 Чуковский К. — 40, 41, 125, 130, 131, 143,
 144
 Шаманов — 161
 Шаров В. — 153
 Шевчук — 8
 Шилков А. — 3, 26, 44, 44, 45, 93
 Шокарев, Сергей («Рэмбо») — 150,
 156-161
 Шубин А. — 52
 Щеблыгин С. — 35
 Юмашев В. — 167
 Юрасов, Дмитрий — 40, 43
 Явлинский Г. — 48
 Якимов, Геннадий — 83, 128

В указатель не входят имена из библиографии.

Володя Прибыловский, в экспедиционном мире «Аббат», появился в нашей экспедиции в 1979 году. Он был тогда студентом 4 курса, занимавшимся историей Византии. С тех пор он приезжал к нам ежегодно до самого конца своей жизни. На наших глазах происходило его взросление и становление как замечательного ученого-политолога и общественного деятеля. О его вкладе в современную историю достаточно подробно написано в этой книге. Мне же хочется сказать о том, каким он был чудесным человеком – добрым, чутким, бескорыстным. Его обожали дети – они просто липли к нему, и он отвечал им лаской и пониманием. Его любили взрослые всех возрастов – по той же причине. Бывая в экспедиции, он сделал очень много полезного и для археологии, и для нашей общей жизни. Его невозможно забыть.

Начальник Донской,
археологической экспедиции МГУ,
доктор исторических наук Наталия Леонова.

Урок Володи – как оставаться самим собой, как быть свободным в не совсем
и даже в «совсем не» свободной стране.
Урок Володи – как быть профессионалом, как быть первым в научном поиске,
когда вся официальная система тебе препятствует и тебя подавляет.
Урок Володи – как оставаться скромным и самоироничным, пробиваясь по
самому главному маршруту – маршруту борьбы за правду.
Учусь у тебя.

И.Б. Чубайс,
доктор философских наук.

